

**ВОПРОСЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ СИБИРИ**

vk.com/ethnograph

**ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ СИБИРИ**

vk.com/ethnograph

Издательство Томского университета

Томск - 1980

Сборник посвящен некоторым проблемам этнокультурной истории многих народов Сибири от эпохи бронзы до настоящего времени. На основании собственных полевок и литературных материалов дается характеристика отдельных сторон материальной и духовной культуры, прослеживаются этапы ее исторического развития, имеются историографические исследования. Сборник представляет интерес для историков, археологов, этнографов, краеведов.

Ответственный редактор В.М. КУЛИКОВ

vk.com/ethnograph

© Издательство Томского университета, 1980 г.

Е. А. Васильев

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАЕЖНОЙ ЧАСТИ ОБСКОГО
БАССЕЙНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ.

Вопросы этнокультурной и социально-экономической истории Западной Сибири в эпоху бронзы давно уже стали предметом изучения советских археологов. Но несмотря на интенсификацию полевых и научных исследований, приведших в последние годы к появлению многочисленных статей и целого ряда монографических работ, количество нерешенных проблем еще велико.

Одна из них — происхождение и развитие археологических культур, участие в их сложении автохтонного и пришлого населения. Не касаясь всех сторон этой многогранной проблемы, в данной работе попытаюсь определить роль и значение миграции древнего населения на территорию таежного Приобья. Выбор региона не случаен, поскольку таежное Приобье остается одним из самых неизученных в археологическом отношении районов Западной Сибири.

Проблема миграции в том или ином аспекте неоднократно затрагивалась западносибирскими археологами, а на IУ Западносибирском археолого-этнографическом совещании являлась предметом специального обсуждения. Но в вышедших за последнее время работах, полностью или частично посвященных интересующему нас району, единодушие по этому вопросу отсутствует. Напротив, часть исследователей, сторонники автохтонного развития (В. И. Матюшенко, Ю. Ф. Киришин), отрицают сколько-нибудь значительную роль пришлого компонента в сложении культур эпохи ранней и развитой бронзы в южнотаежной зоне Приобья, рассматривая новые явления как эволюционные.¹ Другие, отмечая эти новые явления в облике каменного и металлического инвентаря и керамики, считают их следствием миграции на эту территорию инкультурного населения (М. Ф. Косарев, В. А. Посредников).² Всеобщее признание получило лишь продвижение словеского населения на север в эпоху поздней бронзы.

1. Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть вторая. Самусьская культура. — Из истории Сибири. Вып. 10. Томск, 1973, с. 5; Киришин Ю. Ф. Бронзовый век Васюганья. Автореф. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1976, с. 19-20.

2. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 96; Посредников В. А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы). — Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973, с. 103.

Прежде чем перейти к конкретно-исторической части исследования, необходимо остановиться на некоторых вопросах методического и терминологического характера.

Миграция населения — явление по своей природе, формам проявления, обуславливающим ее факторам и последствиям общественное явление, взаимосвязанное со многими другими социально-экономическими явлениями. Миграционные процессы, будучи следствием развития производительных сил, всей совокупности производственных отношений, в свою очередь влияют на интензивность социального, экономического и демографического развития.³

Из всего многообразия видов миграционной подвижности для нас наибольшее значение имеет такой вид перемещений, который ведет к территориальному перераспределению населения. Такое перемещение называется переселением (*migrate*), и только оно может быть отмечено археологическим материалом. Точнее, археологические источники фиксируют итог этого перемещения, результат миграции, то, что мы называли "территориальным перераспределением населения", а не сам процесс, который в теории народонаселения принято называть миграцией.⁴ В отличие от географии населения, изучавшей своими методами современные миграционные процессы, археология с помощью своих методов может лишь реконструировать древние миграции.

Реконструкция эта связана с определенными трудностями, поскольку археология зачастую фиксирует итог движения вещей, который не всегда является следствием движения людей. Отсутствие могильников на территории таежного Приобья делает невозможным получение прямых антропологических доказательств миграции. В данной работе появление новых черт в материальном облике археологических культур считалось доказательством миграции на эту территорию инокультурного населения только в том случае, если оно удовлетворяло двум условиям: 1) комплекс этнографических показателей не имеет местных генетических корней на полосу населения (куда совершается миграция), 2) весь этот комплекс показателей зафиксирован на полосе заселения (откуда совершается миграция), причем обязательно в предшествующее время. Естественно, таким образом фиксируются только внешние по отношению к данной археологической культуре миграции. Внутренние же передвижения в пределах территории, занимаемой одной архео-

3. Рыбаковский Л. Д., Сердатых Б. Г. Влияние миграции на социальную структуру населения. — В кн.: Социальные проблемы миграций. М., 1976, с. 8.

4. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975, с. 34.

логической культурой, остаются не доступны исследователю. Но в этой работе как интересуют в первую очередь внешние миграции.

Эпоха эбихи камня не ознаменовалась на территории таёжного Приобья сколько-нибудь значительными этнокультурными сдвигами. И в северной, и в южной зонах продолжали развиваться близкие по своему облику неолитические культуры. Близкие настолько, что ряд исследователей объединяли их в единую зауральско-западносибирскую культурную общность⁵. Обращает на себя внимание крайняя малочисленность неолитических памятников в таежной зоне. Это связано, по-видимому, не столько с плохой изученностью территории, сколько с исключительно низкой плотностью населения. Особенно по сравнению с более южными лесостепными районами (Нижнее Приобье, Томско-Приобье).

Переход к эпохе металла (энеолит, ранняя бронза, конец III — первая половина II тысячелетия) совпал с бурными событиями, перекроившими этнокультурную карту таежного Приобья. На территорию таёжной части Среднего Приобья в первой трети II тысячелетия до н.э. проникают носители культуры гребенчато-ямочной керамики. Не имея здесь генетических корней, они, тем не менее, постепенно вытесняют или ассимилируют аборигенное население с печатно-гребенчатым типом орнамента глиняной посуды.⁶ Наиболее вероятный район происхождения — Нижнее Приобье, где керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией бытует с энеолитической эпохи.⁷ Проследить конкретные пути продвижения довольно трудно, но расположение речной сети (Тобол, Иртыш, Обь в широтном направлении) скорее способствовало, чем препятствовало, продвижению на северо-восток.

В начале II тысячелетия до н.э. на территории Нижнего Приобья появляется плоскодонная керамика с волнисто-гребенчатым, зигзаговым и оригинальным сотовым орнаментом (поселение Малый Атлым I).⁸ В течение первой половины II тысячелетия до н.э. она распространялась вплоть до Салехарда (стоянка Салехард I).⁹

5. Чернецов В.И. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 12—14; Старков В.Ф. О зауральско-западносибирской общности в каменном веке. — Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976, с. 61—68.

6. Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья. — В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 11—12.

7. Косарев М.Б., Зайберт В.Э. Поселение Иркуль. — КСИИ, 147, М., 1976, с. 68—75.

8. Васильев Е.А. Работы в Нижнем Приобье. — АО 1977 г. М., 1978, с. 213—214.

9. Мошинская В.И. Эпифансы усть-полудской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. — МИА, с. 35. М., 1953, с. 184—186.

Как показывают разведки и раскопки, проведенные автором в последние годы, для позднего неолита низовий Оби (не включая сюда широкоизвестных поселений в бассейне Северной Сосьвы) характерен иной тип глиняной посуды, украшенной преимущественно оттисками шагающей гребенки (поселение Комсомольское). В то же время керамические комплексы поздненеолитических и энеолитических поселений лесного и лесостепного Зауралья содержат весь набор орнаментальных мотивов, присутствующих на раннебронзовой посуде нижнеобских памятников, что было отмечено еще В. И. Мошинской для Салехардской стоянки I⁹. Прямое проникновение зауральского населения, носителей папкульского типа керамики, в низовья Оби зафиксировано В. З. Старковым I¹¹.

Если права В. И. Мошинская, датировавшая каменные плитки с рельефными головами баранов эпохой бронзы,¹² то продвижение зауральского населения в Нижнее Приобье получает еще одно веское доказательство. Напомним, что основной ареал плиток с головами баранов — это район Среднего Зауралья. Одна такая плитка была обнаружена и в Нижнем Приобье, в бассейне Сев. Сосьвы (Березовский район).¹³ Если учесть культовый характер этих изображений, то остается только согласиться с В. И. Мошинской, утверждавшей, что они не могли быть предметом торговли и рассматривавшей березовскую плитку как одутимый след продвижения на север населения зауральской лесостепи.¹⁵

Вероятно, один из основных путей этого продвижения — Северная Сосьва и ее притоки. По крайней мере, керамика уральского, как отмечал еще В. Н. Чернецов,¹⁵ облика появляется здесь несколько раньше (поздний неолит, энеолит; памятники Чес-тый-яг, Сортняня I и др.), чем непосредственно на самой Оби (энеолит, ранняя бронза; стоянка Салехард I, поселение Малый Атлым I).

Иное положение складывалось в вино-таежной части Приобья. Местная неолитическая линия развития, приведшая к сложению самумской культуры, не осложнялась прямым и инкультурным вмешательством ни в эпоху энеолита, ни в эпоху ранней бронзы¹⁶.

10. Мошинская В. И. Близие усть-полюйской культуры... с. 188.

11. Старков В. З. Хронология неолита лесного Зауралья. — КСИИ, 153, М., 1974, с. 92.

12. Мошинская В. И. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов. — КСИИ, 147, М., 1974, с. 86.

13. Там же, с. 87.

14. Там же, с. 88.

15. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 35, М., 1955, с. 24-25.

16. Матюченко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть вторая. Самумская культура. — Из истории Сибири. Вып. 10, 1973, с. 5, 120-121.

Таким образом, в эпоху энеолита и ранней бронзы археологический материал фиксирует интенсивные миграционные передвижения зауральского населения в таежные районы Нижней и Средней Оби. Уже отмечалась разница в плотности населения этих районов, которая создавала возможность отлива избыточного населения в еще необжитые места. Однако было бы ошибочно искать причины миграций в простой переизобильности населения одних территорий и в "пустоте" других, полагать, будто эта пустота автоматически засасывает население из более плотно населенных районов. Природно-географическая среда лишь создает условия для осуществления миграций, движущие силы которых всегда лежат в сфере общественно-производственных отношений¹⁷.

И основным фактором "выталкивания" населения из районов Зауралья послужил наметившийся в конце неолита кризис присваивающего охотничье-рыболовецкого хозяйства, неизбежно породивший демографические проблемы. Безусловным доказательством этого кризиса был переход части уральского населения в энеолитическую эпоху к производящему типу хозяйства¹⁸. Но поскольку переход к производящему типу хозяйства был не везде возможен из-за неблагоприятных природно-климатических условий, оставался еще один выход — экстенсивное развитие путем освоения незаселенных и малозаселенных участков западносибирской тайги, вовлечение в географическое разделение труда природно-хозяйственных ресурсов этих территорий.

Эпоха развитой бронзы (середина — третья четверть II тысячелетия до н.э.) в таежном Приобье ознаменовалась повсеместным распространением бронзовых орудий, внедрение которых не могло не сказаться на развитии производительных сил. Это, по всей видимости, способствовало росту народонаселения: численность поселений эпохи бронзы в несколько раз превышает количество неолитических памятников. В это время осваиваются по существу все пригодные для заселения территории. Этнические границы стабилизируются, во всяком случае известный мне археологический материал, как в Нижнем Приобье, так и в таежной части Среднего Приобья, свидетельствует о непрерывном развитии культурных традиций, заложенных в предыдущую эпоху. Исключение составляет подвышка в третьей четверти II тысячелетия до н.э. индоевропейского населения, носителей гребенчатоямочной керамики на юг, на территорию Томского Приобья, где оно

¹⁷ Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 77-78
¹⁸ А. Косарев М. В. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Томск, 1976, с. 7-10.

оменидо самуоццев и оставило памятники типа гребенчато-ямочного комплекса Самусь IУ и Томского могильника на Малом яму.¹⁹

В эпоху поздней бронзы (XII—УП в.в. до н.э.) вновь наблюдаются интенсивные передвижения населения на всей территории таежного Приобья. Определялись они главным образом проникновением пастушо-ко-земледельческих племен из лесостепных районов в сенокосную зону, что привело к сложению андроновидных культур (последняя четверть II тысячелетия до н.э.), к продвижением северных охотников и рыболовов из Нижнего Приобья на юг и юго-восток (первая четверть I тысячелетия до н.э.).

Проблемы происхождения андроновидных культур, характера и причин их проникновения в сенокосную зону широко освещены в литературе²⁰, и в этой работе нет необходимости останавливаться на них подробнее.

Значительно менее изучена миграция северного населения, приведшая в IX в. до н.э. к сложению молчановской культуры в Нарымском Приобье. М.Ф. Косарев, выделивший эту культуру, отметил северное происхождение одного из ее компонентов о характерной по форме керамикой, украшенной крестовым штампом²¹. Появившийся в последнее время новый материал позволяет не только уточнить характеристику этого компонента, но и пересмотреть некоторые представления о молчановской культуре.

В 1977—1978 гг. Нижнеобской отряд Археологической экспедиции Томского университета проводил стационарные исследования Малоатласского городища эпохи поздней бронзы. Керамика городища стандартна по форме (плоскодонные горляковидные сосуды с оригинальной дугообразно выгнутой наружу шейкой) и украшена почти вся без исключений крестовым штампом. Предварительная дата городища не выходит за пределы II тысячелетия до н.э. В начале I тысячелетия до н.э. аналогичная по всем показателям керамика появляется в Сургутском Приобье (городище Барсов городок I/IO)²², Среднем Прииртыше (Красноозерское городище)²³, Томско-Нарымском Приобье (городище Молчановская Остяцкая гора и др.)²⁴.

19. Васильев Е. А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья. с. 92. Посредников В. А. Указ. соч., с. 103—104.

20. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с. 31—34, 95—120.

21. Там же, с. 121—122.

22. Чемакин Е. И., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/IO. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тьмень, 1976, с. 52—55.

23. Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области. — КСИИИА, ЛУИ. М., 1947, с. 11.

24. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с. 123—125.

Появление памятников с крестовой керамикой в бассейне Иртыша М.Ф.Косарев связывает с распространением на запад молчановской культуры²⁵. Но если учесть более древний по сравнению с Томско-Нарымскими комплексами возраст Малостыльского городища, то логичней предположить, что они оставлены именно мигрантами из Нижнего Приобья. Интересная деталь: чем ближе к нижнеобской "прародине" находятся памятник, тем традиционнее по форме и орнаменту его глиняная посуда.

Что же обусловило миграционную мобильность таежных групп в эпоху поздней бронзы? По всей видимости, именно в это время были окончательно исчерпаны возможности приованварного хозяйства обеспечить дальнейший рост народонаселения за счет экстенсивного роста охоты и рыболовства. Население стабилизировалось и, как справедливо заметил В.И.Матвеев, подвиги в таежной зоне возможны были только за счет вытеснения одной группы населения другой²⁶. Яркое тому доказательство — появление в таежном Приобье в эпоху финальной бронзы укрепленных городищ — безоговорочных доказательств военных конфликтов. Интересно, что первые в этом регионе городища оставлены носителями крестовой керамики. Но установить сейчас, были ли строители этих городищ вытеснены более сильными соседями, или добровольно отправились на завоевание новых земель, не представляется возможным.

Не исключено, что направление миграций эпохи поздней бронзы находилось в тесной зависимости от климатических изменений. Во всяком случае палеоклиматические данные хорошо подтверждаются археологическим материалом²⁷.

Значение миграций для социально-экономической и культурной истории населения таежной части Обского бассейна трудно переоценить. История этого региона в эпоху бронзы в значительной степени — история миграций.

Такая оценка обусловлена следующими обстоятельствами. Миграционные процессы на протяжении эпохи бронзы являлись одним из основных культурообразующих факторов. Этнокультурная карта таежного Приобья в ее определяющих чертах была создана миграцией Населения.

25. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Чарычского Приобья, с.127-128.

26. Матвеев В.И. Естественно-географический и социально-экономический факторы миграции древнего населения Приобья и Прииртышья. — В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

27. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с.27-38.

Миграции способствовали увеличению народонаселения таской зоны, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, вовлечению в географическое разделение труда природно-хозяйственных ресурсов обширной территории, что, безусловно, оказало на социально-экономическом развитии древних обществ не только таской полосы, но и всей Западной Сибири.

И.М. Ермолова

К ИЗУЧЕНИЮ ХОЗЯЙСТВА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по костным остаткам из Саровского городища)

Изучение костных остатков из древнейших поселений человека позволяет не только представить картину окружающей ландшафтной обстановки в то время, но и выяснить основной тип хозяйства обитателей поселения.

При раскопках поселения кулайской культуры, проводимых Л.А. Чиндиной в 1970 г. на р. Большая Саровка (приток Оби), было вскрыто жилище (№ 7), относимое к саровскому этапу¹ этой культуры (конец 1 тыс. до н.э. - начало 1 тыс. н.э.). В жилище обнаружено много остатков рыб, 357 костей млекопитающих и 40 костей птиц. Часть из этих костей извлечена из находившегося в жилище очага.

Основное количество остеологического материала из культурного слоя вне очага представлено фрагментами костей лося и лошади. Причем, к достоверно определяемым остаткам лося можно отнести лишь 21 кость и только 15 костей - к лошади, тогда как остальная масса костных остатков представляет собой не поддающиеся определению мелкие фрагменты разбитых диафизов костей лося и лошади.

По определенным остаткам можно сказать, что съедено было минимум 2 особи лося, одна из которых была еще молодой, но уже достигшей размеров взрослого животного. Кости лошади принадлежат минимум 3 особям, причем 2 из них взрослые и 1 молодая.

Таким образом, большая часть костей представляет собой кухонные остатки. Сюда же следует отнести 2 кости зайца-беляка и 6 костей птиц.

Другая группа костей является остатками животных, добытых ради шкур: 53 кости соболя, 9 костей бобра и 5 костей белки (табл. 1). В культурном слое жилища находились также и 13 костей от одного скелета собаки. Можно думать, что собака погибла там позднее, когда жилище уже было покину-

---

1. Чиндина Л.А. Саровское городище. - В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978.

то.

Остатки из очага по видовому составу представляют собой другое соотношение. Здесь мало обломков костей лося и лошади, которые являются остатками основной пищи человека. Так, вместе с мелкими неопределимыми фрагментами к этим видам можно отнести лишь 31 кость и 1 кость принадлежит зайцу-беляку, а 41 костный фрагмент представляет собой остатки несъедобных животных, добытых ради меха.

Преобладают кости соболя, есть остатки бобра, белки, росяхи (табл. 1). Случайно попали в очаг нижняя челюсть водяной крысы и 4 кости собаки. Костей птиц в очаге обнаружено 32. Это в 4 раза больше, чем в культурном слое остальной части жилища. вполне допустимо, что кости птиц, среди которых есть остатки тетеревиных, белой куропатки и какого-то хищника, специально бросали в очаг.

В определенном остеологическом материале исследуемого памятника значительно преобладает остаток соболя. Обнаружено 85 костей, принадлежащих минимум 11 особям. В основном это взрослые животные, но имеются и очень молодые, не достигшие годовалого возраста, убитые поздней осенью или зимой.

Характер остеологического материала заставляет предположить, что это жилище, относимое к позднему этапу кулайской культуры, заселялось охотниками, приезжавшими сюда на промысел в осенне-зимнее время. Охотились и заготавливали рыбу, возможно переправляя все добытое затем к постоянному месту жительства.

Большое количество остатков соболя свидетельствует о существовании уже в то время специализированного промысла пушного зверя адала от постоянных поселений.

Вполне допустимо, что в хозяйстве этой культуры мог быть и крупный рогатый скот, но на места промысла брались только лошади, которые более неприхотливы в содержании в условиях тайги и помимо транспортных целей являются источниками мясной пищи в тот период, когда нет возможности добыть лося.

Таким образом, судя по костным остаткам, большое значение в хозяйстве саровского этапа кулайской культуры имеет охотный промысел на пушного зверя. Подспорьем хозяйства была рыбная ловля. Коневодство имело как транспортное, так и пищевое значение.

Таблица 1

Виды животных и численность костных остатков из Саровского
городища кулайской культуры

Виды животных	Ящик № 7		Всего
	Пол	Очаг	
Лошадь	15	2	17
Лось	21	3	24
Соболь	53	32	85
Росомаха	-	1	1
Собака	13	4	17
Бобр	9	2	11
Белка	5	6	11
Зяц-беляк	2	1	3
Водяная крыса	-	1	1
Неопределимые фрагменты костей ¹	161	26	187
Птица	8	32	40
Общее число костей	287	110	397

1. Осколки мелкоразбитых костей лося и лошади.

И.И. Ковалюк

АБСОЛЮТНЫЕ ДАТЫ ПО С¹⁴ ИНСТИТУТА ГЕОХИМИИ И
ФИЗИКИ МИНЕРАЛОВ АН УССР

Западная Сибирь. Археологические образцы

Алтайский край

Ки - 976 26300 ± 1000
Уголь. Онгудайский район. Правый берег р. Урсул. Палеоли-
тическая стоянка Тюмечин 1. Глубина 2,8 м.
Образец отобран М.В.Шумьковым в 1978 г.

Ки - 977 27500 ± 1100
Уголь. Онгудайский район. Правый берег р. Урсул. Палеоли-
тическая стоянка Тюмечин 1. Глубина 2,2 м.

Томская область

Ки - 978 1340 ± 30
Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
Тимирязевский курганный могильник 1. Курган 10, глубина 0,3 м.
Образец отобран Л.М.Плетневой в 1973 г.

Ки - 980 1410 ± 45
Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
Тимирязевский курганный могильник 1. Курган 46. Глубина 0,2 м.
Образец отобран Л.М.Плетневой в 1973 г.

Ки - 994 1420 ± 30
Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
Тимирязевский курганный могильник 1, курган 23. Глубина
0,35 м.
Образец отобран Л.М.Плетневой в 1973 г.

Ки - 981 1460 ± 50
Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
Поселение Кисловка II, жилище 3. Глубина 0,3 м.
Образец отобран Л.М.Плетневой в 1977 г.

- Ки - 982 1360 ± 40
 Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
 Поселение Кислякка П, жилище 6. Глубина 0,4 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1977 г.
- Ки - 989 420 ± 30
 Уголь. Томский район. Правый берег нижнего течения р. Томи.
 Колларовский курганный могильник, курган 10. Глубина 0,35 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1978 г.
- Ки - 986 710 ± 30
 Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
 Поселение Тимирязевское IV. Глубина 0,4 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1974 г.
- Ки - 990 1690 ± 30
 Уголь. Томский район. Правый берег нижнего течения р. Томи.
 Поселение Белонок 1. Глубина 0,25 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1976 г.
- Ки - 993 570 ± 40
 Уголь. Томский район. Правый берег нижнего течения р. Томи.
 Городище Кичирово. Глубина 0,3 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1972 г.
- Ки - 995 1600 ± 70
 Уголь. Томский район. Левый берег нижнего течения р. Томи.
 Тимирязевское городище Ш. Глубина 0,7 м.
 Образец отобран Л.М.Плетневой в 1973 г.
- Ки - 974 750 ± 30
 Кость. Первомайский район. Правый берег среднего течения р. Чулым.
 Городокское I поселение, жилище 2. Глубина 0,2 м.
 Образец отобран О.Б.Беликовой в 1976 г.
- Ки - 975 960 ± 35
 Уголь. Первомайский район. Правый берег среднего течения р. Чулым.
 Городокское I поселение, жилище 3. Глубина 50 см.
 Образец отобран О.Б.Беликовой в 1978 г.

- Ки - 971 360 ± 25
 Уголь, Колпашевский район. Левый берег среднего течения
 р. Оби. Тискинский курганный могильник, курган 5. Глубина
 2,1 м.
 Образец отобран А.И.Вобровой в 1978 г.
- Ки - 999 320 ± 30
 Уголь, Колпашевский район. Левый берег среднего течения
 р. Оби. Тискинский курганный могильник, курган 7. Глубина
 0,8 м.
 Образец отобран А.И.Вобровой в 1978 г.
- Ки - 972 1495 ± 50
 Уголь, Колпашевский район. Левый берег нижнего течения
 р. Шудельки. Поселение Турбабино II, жилище 1. Глубина 0,9 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 973 1460 ± 60
 Уголь, Колпашевский район. Левый берег нижнего течения
 р. Шудельки. Поселение Турбабино II, жилище 1. Глубина 0,7 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 987 2060 ± 40
 Уголь, Колпашевский район. Правый берег нижнего течения
 р. Большая Саровка. Саровское городище, жилище 4. Глубина
 0,6 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1974 г.
- Ки - 992 1930 ± 25
 Уголь, Колпашевский район. Правый берег нижнего течения
 р. Большая Саровка. Саровское городище, вал городища. Глубина
 0,8 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1974 г.
- Ки - 988 1210 ± 60
 Уголь, Колпашевский район. Берег оз. Шапочного, бассейн
 среднего течения р. Шудельки. Малгетское поселение, жилище
 49. Глубина 0,8 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1976 г.

- Ки - 985 1020 ± 50
 Уголь. Колпашевский район. Берег оз. Шапочного, бассейн среднего течения р. Жудельки. Малгетское поселение, жилище 13. Глубина 0,7 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1974 г.
- Ки - 997 850 ± 30
 Уголь. Колпашевский район. Левый берег р. Ютор, притока р. Жудельки в среднем течении. Юторское поселение, жилище 4. Глубина 0,7 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1975 г.
- Ки - 975 А 2280 ± 100
 Уголь. Каргасокский район. Левый берег р. Лемпы, притока р. Васюган в среднем течении. Степановское поселение У, жилище 8. Глубина 0,65 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 998 2250 ± 60
 Уголь. Каргасокский район. Левый берег р. Лемпы, притока р. Васюган в среднем течении. Степановское поселение У, жилище 1. Глубина 0,6 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 966 А 2420 ± 110
 Уголь. Каргасокский район. Левый берег р. Лемпы, притока р. Васюган в среднем течении. Степановское поселение П, жилище 9. Глубина 0,7 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 970 2290 ± 70
 Уголь. Каргасокский район. Левый берег р. Лемпы, притока р. Васюган в среднем течении. Степановское поселение 1, жилище 4. Глубина 0,65 м.
 Образец отобран Л.А.Чиндиной в 1978 г.
- Ки - 984 3700 ± 80
 Почва с органическими остатками. Парабельский район. Правый берег р. Тенги, бассейн нижнего течения р. Парабель. Поселение Тенда. Глубина 0,7 м.

Образец отобран Е.А.Васильевым в 1978 г.

Тюменская область

- Ки - 996 3170 ± 110
 Уголь. Нижневартовский район. Левый берег Пасола, протоки
 р. Вах в среднем течении. Поселение Большой Ларьяк Ш, очаг
 № 8. Глубина 0,5 м.
 Образец отобран В.А.Посредниковым в 1974 г.
- Ки - 985 3140 ± 60
 Уголь. Октябрьский район. Правый берег нижнего течения
 р. Оби. Поселение Малый Атлым 1, жилище 2. Глубина 1 м.
 Образец отобран Е.А.Васильевым в 1978 г.
- Ки - 991 3100 ± 120
 Уголь. Октябрьский район. Правый берег нижнего течения
 р. Оби. Поселение Малый Атлым 1. Глубина 0,6 м.
 Образец отобран Е.А.Васильевым в 1977 г.
- Ки - 998 А 2910 ± 90
 Уголь. Октябрьский район. Правый берег нижнего течения
 р. Оби. Поселение Малый Атлым 1, жилище 1. Глубина 0,5 м.
 Образец отобран Е.А.Васильевым в 1978 г.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Последние годы ознаменовались большими успехами в области изучения условий становления скотоводстве в Старом Свете. Многолетняя дискуссия между сторонниками полицентрического или моноцентрического происхождения крупного и мелкого рогатого скота и лошадей разрешилась в пользу сторонников монофилиетического происхождения этих основных видов домашних животных. В свете хромосомной теории и новейших открытий в детированных комплексах установлено, что приручение мелкого рогатого скота произошло в Передней Азии, по Э.Маркинсу, еще в IX тыс. до н.э. и получило широкое распространение в зоне цивилизаций II порядка в VI тыс. до н.э. К VI тыс. до н.э. относится и приручение крупного рогатого скота в Передней Азии, откуда затем эти основные виды постепенно распространились в большей части Старого Света. Приручение коня относится к IV тыс. до н.э. и центром его domestикации, по В.И.Громовой, В.А.Палкину, В.И.Виноковой, были южнорусские степи, где водился дикий предок лошади. В свете новейших исследований палеозоологов выдвигавшееся некоторыми археологами предположение о возможности существования самостоятельного очага domestикации в Западной Сибири должно быть оставлено.

2. Если производящее хозяйство в Передней Азии и в зонах цивилизаций II порядка было комплексным, сочетавшим земледелие и скотоводство, то в условиях высокогорий и пустынь с количеством годовых осадков менее 250 мм в год, интенсивное развитие земледелия было невозможно, и там сложились предпосылки для развития специализированного скотоводства.

В южнорусских степях распространение производящей экономики под влиянием переносных древнейших очагов относится к IV тыс. до н.э., однако в этой зоне с тяжелыми почвами и суровым климатом при неразвитой агротехнике интенсификация хозяйства могла идти только по линии увеличения удельной роли скотоводства, и здесь уже в III тыс. до н.э. утвердился скотоводческий тип хозяйства с доминантой крупного и мелкого скота и коня, чему способствовало появление колесного транспорта. Исследованиями Н.Я.Мернера и *

особенно В.И.Шилов показало, что в южнорусских степях разнообразие природно-географических условий обусловило уже в ямную эпоху различное направление развития скотоводства на разведение крупного (в лесостепи) или мелкого (в полупустынях) скота. На юге Западной Сибири сложение производящего хозяйства относится к III тыс. до н.э. и повальские его, по С.В.Киселеву, связано с культурными влияниями и возможной миграцией населения с запада из южнорусских степей, что подтверждается новейшими материалами аэньясьевской культуры.

Дальнейшее развитие скотоводства в степной зоне Западной Сибири во II тыс. до н.э. идет теми же путями, как и в западных областях евразийских степей, достигая своего расцвета у носителей андроновской культуры. Состав стада и распределение видов в андроновском стаде были близки к неолитическим (крупный рогатый скот — 30-45%, мелкий — 44-50%, лошадь — 10-12%). Малочисленность остеологических определений на андроновских поселениях Западной Сибири не позволяет продемонстрировать преобладание в стаде крупного или мелкого рогатого скота в зависимости от конкретных географических условий (остепенности района), как это показано в других районах андроновского ареала. Однако важно подчеркнуть, что даже при абсолютном преобладании в стаде овец решающую роль в экономике играли бык и конь, на долю которых, как показал В.А.Цалкин, приходилось в пересчете на живой вес 60-90% мясного рациона андроновцев.

4. В лесных районах Западной Сибири распространение скотоводства относится в основном ко второй половине — концу II тыс. до н.э. и связано прежде всего с прогрессивным влиянием андроновцев, что подтверждается археологическими данными культур андроновидного типа.

5. Гипотеза об определяющей роли западного степного по своему происхождению андроновского населения в развитии скотоводства в лесной зоне Сибири надежно подтверждается лингвистическими данными, если принять индоиранскую принадлежность андроновцев. Исследованиями Т.Барроу, Г.Гамхедва, Е.Д.Поливанова, А.М.Цербака, К.А.Новиковой надежно установлено, что названия крупного и мелкого рогатого скота и коня и различные скотоводческие термины в угрофинских, урало-алтайских и некоторых палеосибирских языках заимствованы из индоевропейских языков, в первую очередь индоиранского (причем не только иранских, но и мидийских диалектов,

что позволяет отнести время контактов ко II тыс. до н.э.). В.В. Ивановым и В.Л.Топоровым показано, что у кетов (палеосибирская группа) термин, которым называется главное ч их экономики животное - олень - дословно означает "конь" и является заимствованным индонезийским словом. Из этого следует, что первоначально кеты жили значительно южнее, основу их хозяйства составляло разведение коней, позднее же они переселились на север и сменили тип хозяйства в соответствии с изменившейся экологической средой.

6. Изучение названий домашних животных в сопоставлении с археологическими данными могло бы явиться важным источником для исследования этногенеза и путей миграций некоторых сибирских народов.

О ТИПАХ И ФОРМАХ ПОГРЕБЕНИЙ ТИСКИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Интенсивное изучение памятников ХУ-ХУП вв. на территории Томской области связано с именем А.П.Дульзона, под руководством которого с 1946 года осуществлялись археологические и лингвистико-этнографические экспедиции. Археологические раскопки рассматривались как один из путей комплексного изучения этнического состава дорусского населения области. При решении этой проблемы ставились определенные задачи: связать исторически известные народности с конкретными археологическими памятниками. Результаты этих исследований были им опубликованы¹.

С середины 50-х годов интерес исследователей к поздней археологии постепенно ослабевает — все внимание специалистов переключается на изучение древнейших этапов истории края.

На необходимость обращения к поздней археологии, на пробелы в ее изучении и отсутствие публикаций неоднократно обращали внимание исследователи². Об этом же шла речь на IV Западносибирском археолого-этнографическом совещании 1978 года, проходившем в г.Томске.

Публикация материалов одного из курганов Тискинского могильника была осуществлена Л.А.Чиндиной³. Привлекая архивные данные и свидетельства путешественников, Л.А.Чиндина считает возможным связать погребения Тискинского могильника с древнеселькупским населением. Предлагаемые новые материалы этого памятника позволяют ознакомиться с типами и формами погребений Тискинских курганов.

Могильник находится в Колпаевском районе Томской области. Расположен на левом, активно разрушаемом берегу реки Оби, на юго-восточной окраине пос.Тискино.

¹ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулым и проблема происхождения чулымских татар. — Уч. зап. /Томск. гос. пед. ин-т, 1953, т. X. Он же. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби. — Уч. зап. /Томск. гос. пед. ин-т, 1955, т. XIII. Он же. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби. — Уч. зап. /Томск. гос. пед. ин-т, 1957, т. XVI.

² Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгу-Тайге. — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. I. М.—Л., 1960, с. 149, 150; Дьяконова В.П. — В кн.: Погребальный обряд в Сибири как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 17, 18 и др.

³ Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского приоясья. — Из истории Сибири, вып. 16. Томск, 1975.

памятник известен под № 383 в Археологической карте А.П.Дульзона⁴. За 1972 и 1977 гг. Л.А.Чиндиной на площади могильника вскрыто 2 кургана⁵. В 1978 году в связи с аварийным состоянием памятника были приняты срочные меры по его спасению. Раскопана группа курганов (7, 8, 8А, 9), которым угрожало полное уничтожение рекой. Вскрыто полностью три кургана, из них: курган 8А большей частью разрушен рекой, на кургане 9 раскопано 13 могил, курган законсервирован.

Зафиксирована 91 могила. Хронологически выделяется 4 группы могил: XIX-XX вв. XVII-XVIII вв., к. XVI-нач. XVII вв., XIX-XVI вв.

Так как насыпи тискинских курганов включают в себя до 40 погребений (курган 7 - 39 могил, курган 8 - 33 могилы), то при таком обилии и скученности захоронений часто затруднительно выделить в однородном заполнении насыпи тип погребений. По типу погребений в кургане выделены: грунтовые, захоронения в насыпи, наземные могилы на погребенной почве.

Отмечена единственная форма погребения - труположение. Вероятно, одной из разновидностей таковой является труположение с полным сожжением тела умершего на месте погребения (кости расположены в анатомическом порядке).

Перейдем к характеристике каждой из выделенных групп.

37,3% могил по обнаруженным в них монетам и кафельным крестам могут быть датированы XIX-XI вв. Умерших хоронили в деревянных гробах, плахи которых скреплялись железными коваными гвоздями, иногда согнутыми в виде скобы. Встречено два погребения в колодах, оба детские, одно без верхней крышки. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о том, что большая часть могил XIX-XI вв. была впускными грунтовыми могилами с незначительной глубиной захоронения. Умерших хоронили на спине, с руками, согнутыми в локтях и положенными: левая - в области тазу, правая - на груди, очень редко обе руки сложены на груди. Ориентация умерших головой на ЮЗ, СЗ, З.

Изготовление гробов, складывание их гвоздями заимствованы у русского населения, влияние которого сказывалось и на погребальной обрядности местного населения, оставившего могильник.

⁴ Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области. - Труды Томск. обл. краеведческого музея, т. У. Томск, 1956, с. 181.

⁵ Чиндина Л.А. Указ. соч.

В традиционном погребальном обряде над умершими возводились деревянные сооружения из полубревен и толстых плах, покрытых берестой, где вообще не зафиксировано ни одного гвоздя. Берестяное покрывало и подстилка из бересты были обязательны в гробах и в колодах (рис.1 - 1,2).

Основная масса захоронений среднего яруса курганов - погребения в насыпи, их около 44% от общего числа раскопанных могил. Дата погребений - XУП-XУШ вв. Умерших хоронили либо в неглубоких ямах (глубина до 30-50 см), либо на земле. Над погребенными сооружалась деревянная рама-обкладка из полубревен. Внутри могила выстилалась берестяным полотнищем, существовало и берестяное покрытие. Если дно такого сооружения выстилалось относительно тонкими плахами, то верхнее перекрытие, укреплявшееся на раме, застилалось полубревнами или широкими толстыми плахами, также обернутыми в бересту (рис.1 - 3,4). Иногда эти сооружения поражают своей фундаментальностью (курган 8, могила 14; курган 9, могила 11). Умершие похоронены вытянуто на спине, с руками вдоль тела, ориентация - ЮЗ, ЮВ. В ногах обязательен сосуд, он может быть целым или, как это встречено в могиле 26 кургана 7, во фрагментах. Среди инвентаря этих могил встречены привозные русские украшения: медные подвески-"пуговицы", серьги знак вопроса, бусы. Привозных предметов быта (медные котлы) и орудий труда (топоры) не встречено.

Среди общей массы могил с труположением встречено несколько могил (3,3%) с полным сожжением умершего на месте погребения. Кости скелета серовато-голубого цвета, очень хрупкие, расположены в анатомическом порядке (курган 8, могила 31; курган 8А, могила 37; курган 9, могила 7). Эти захоронения относятся к грунтовым: два первых - в погребенной почве, последнее - в насыпи (рис.1-5). Могильная яма неглубока - в курганах 8 и 8А она лишь прорезала толщу погребенной почвы до материка. Погребение кургана 9, где умерший был обернут полностью в ткань (ситник?), возможно, относится к позднему этапу существования могильника. Захоронение в кургане 8А - одно из самых ранних на этом кладбище. В кургане вообще отсутствуют могилы XУШ-XI вв. При своей значительной высоте (до 2-х метров) и диаметре (10 метров) содержит он лишь 6 могил, четыре из которых названы таковыми условно, и были выделены по сохранившимся остаткам деревянных перекрытий.

Могила 37 располагалась по центру кургана, так как основная часть его обрушилась в беку, сохранилась лишь верхняя уцелевшая часть скелета. Вещественного материала нет. Деревянная рама-обкладка обуглилась дотла, прокол суглинка мощностью до 35 см выделялся своим ярко-красным цветом. Над могилой был возведен курган высотой 60-70 см. Насыпь кургана темного цвета дернового характера, на кургане, по-видимому, был сооружен деревянный "домик" длиной более 3-х метров, ширина его 1 метр. Над ним по простетивии определенного времени был погребен новый умерший. В насыпи древнего кургана с юго-западной стороны от могилы 37 (труположение на спине, руки вдоль тела, ориентация головой на СЗ) найдены нижние челюсти лошадей и кости рыб, среди них и кости осетровых.

Аналогично описанному выше погребение кургана 8 - могила 31. Отличие - отсутствие деревянного сооружения на древней насыпи. Прослежено лишь могильное пятно очень четких очертаний. В ногах умершего был поставлен сосуд, в области груди найдены бронзовые подвески "крыжовник". Захоронение произведено вытянуто на спине, руки вдоль тела, ориентация ЮЗ.

Наземные захоронения на погребенной почве составляют 17,6%. Среди них встречены одиночные и парные, погребения с черепом кома на деревянном перекрытии могилы. Отмечено только труположение на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентация умерших головой на ЮВ (6), ЮЗ (3) и неопределенная - остальные. Деревянные сооружения над погребенными уступают по своей мощности предыдущим. Сооружение сделано из нешироких и тонких плах в виде ящика, который устанавливался прямо на поверхности. Иногда фиксируются остатки бересты. Кости скелета, как правило, очень плохой сохранности. Умершие похоронены со своим обычным инвентарем (копьяные наконечники стрел, железные ножи, сосуды в ногах). Привозные русские вещи (предметы труда, украшения) отсутствуют полностью, что, по-видимому, является свидетельством раннего возраста могил этой группы. Вещественный материал этой группы могил позволяет датировать их XIV-XV вв.

Анализируя поздние материалы Басандайского, Тургайского и Балагачевского могильников, А.П. Дульзон⁶ считал грунтовыми погребения, в

⁶ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап./Томск. гос. пед. ин-т, т. X. Томск, 1953, с. 168.

том числе и сожжение, старше, чем наземные. Согласиться с этим, имея Тискинские материалы, очень трудно. Напротив, более молодой их возраст по сравнению с наземными фиксируется по инвентарям как уже говорилось выше, в наземных захоронениях на погребенной почве полностью отсутствуют предметы массового русского привоза ХУП в., что позволит датировать их временем не позднее ХУІ в. В могиле 3І кургана 8 - сожжение - найдены остатки бронзовых полых подвесок "крышеник", являющихся уже частью этого привоза, а следовательно, и возможная дата - нач. ХУП в.

Сожжение, хотя и зафиксировано во всех курганах, кроме кургана 7, не является преобладающим. На Тискинском курганном могильнике основными являются наземные захоронения без следов обжигания погребенной площадки и без следов огня в могилах вообще.

Единственным случаем - сооружение по центру кургана рамы-обкладки с последующим обжиганием её, зафиксированный в кургане 7, является, безусловно, свидетельством позднего влияния, а возможно, и прихода населения с правобережья Обь, где этот обряд зафиксирован исследователями повсеместно⁷. Произошло это, по-видимому, на рубеже ХУП-ХІХ вв. погребения, обнаруженные в раме, все потребованы возведением могил ХІХ столетия.

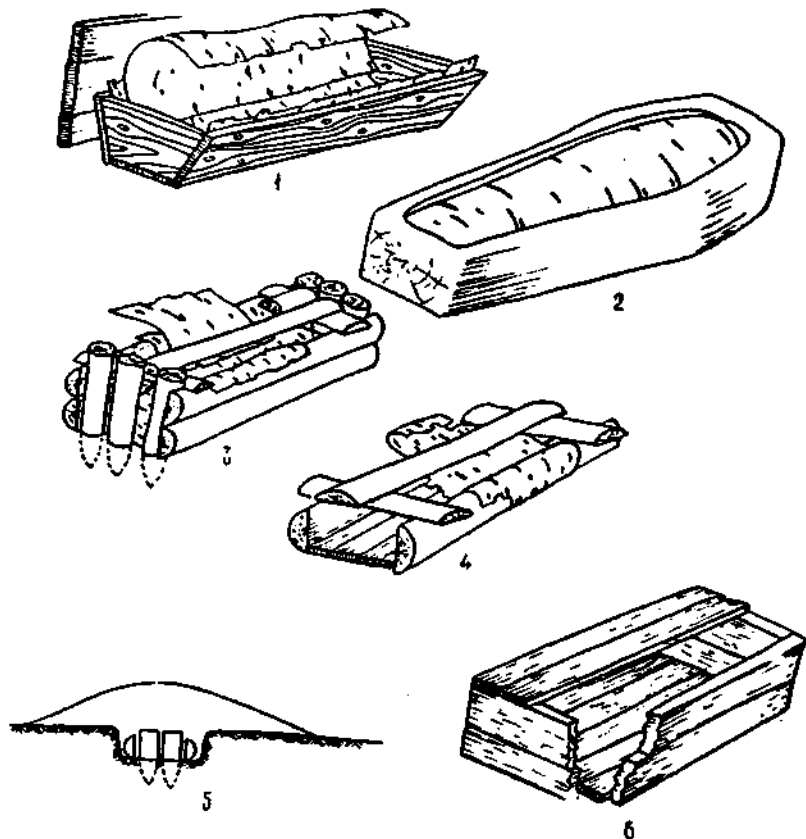
Таким образом, в Тискинском курганном могильнике основной формой погребения на протяжении шести с лишним веков было труположение: на погребенной почве, в грунтовой могиле, в насыпи.

Одновременно с этим зафиксировано полное сожжение умершего, произведенное на месте погребения. Возможно, погребения такого рода могут объясняться особым положением умершего в обществе при жизни. Тискинский курган - семейная усыпальница и погребение главы этого семейства или лиц, отмеченных "свыше", могли приобретать специфические формы.

Наряду с основной массой наземных захоронения на погребенной почве и в насыпи кургана, зафиксированы погребения в грунте. Они неглубоки и прорезают лишь погребенную почву до материка - это захоронения с полным сожжением трупа. Связывать их с подвлиянием пришлому населению у нас нет достаточных оснований.

Определенное влияние, возможно, даже приход населения с правобережья Обь /Чулэт, Кеть/ в ХУП-ХІХ вв. фиксируется в Тискинских курганах с появлением рамы-обкладки в центре кургана 7 со следами обжигания площадки внутри её.

⁷ Бульзоч, А. П., Указ. соч., с. 139. Сиверова Г. И., Отчет о летних полевых работах детского отряда за 1977 год. Доклад АИСТУ. 1979.

- 1,2 - гроб и колода с берестяной подстилкой и покрытием из бересты (XIX-XX вв);
 3,4 - деревянные сооружения с остатками берестяной подстилки и покрытия (XVI-XVII вв);
 5 - грунтовая могила и деревянное сооружение в ней (к.ХУ1-нач.ХУП вв);
 6 - деревянное сооружение наземных захоронений на погребенной почве (XV-XVI вв).

ПОДВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОБРОВ ИЗ ПРИМРТЬШЬЯ

В памятниках I тысячелетия н.э. в Прикамье, Приуралье, в Западной Сибири широко известны бронзовые поделки с антропоморфными сюжетами - предметы так называемого звериного стиля. Проблемы возникновения, развития и обаяния этого стиля на протяжении многих десятилетий занимает исследователей¹, и тем не менее каждая новая находка подобного рода вызывает большой интерес.

В одном из жилищ Мурлинского городища в Тарском районе Омской области, датированного второй половиной I тыс. н.э., найдена бронзовая подвеска с изображением бобров и человека² (рис. I).

Подвеска овальной, выполнена техникой плоского литья в односторонней форме. В верхней части подвески небольшое подтреугольное отверстие. На оборотной стороне была петелька, но она обломана. После отливки поделка, видимо, тщательно обработана - никаких производственных дефектов на ней нет.

В реалистической манере в профиль изображены два бобра - в верхней части подвески смыкаются их морды, в нижней - хвосты. Угловатыми линиями показаны глаза и ноздри. На туловищах косыми штрихами обозначены ребра: на левой фигуре их семь, на правой шесть. Изображение внутренних органов животных косыми штрихами - прием, обычный для металлических предметов звериного стиля I тыс. н.э., сохранился он и в современном изобразительном искусстве обиходных угроз³.

У бобра, изображенного слева, хвост широкий, чешуйчатая кожа его передняя сетчатой штриховкой. Хвост второго бобра узкий, передняя насечками в виде елочки. Лапы животных короткие, трехпалые.

¹ Аничкин Д.Н. К истории искусства и верованиям у приуральской чуди. - Материалы по археологии восточных губерний России, т. II. М., 1899; Спицын А.А. Древности камской чуди. - Материалы по археологии России, № 26, 1902; Вильдт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. - В сб. МАЭ, VI. I., 1927; Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. - МИА СССР, № 35, М., 1953; Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976 и др.

² Чегалева А.С. О хронологии памятников Чувашского мыса. - В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 235 а.

³ Чернецов В.Н. Указ. соч., с. 154.

Эта черта, как и сетчатая штриховка, весьма характерна для известных урало-сибирских изображений бобров⁴. Причем трехпалость конечностей, по мнению В.Н.Чернецова, связана с определенными религиозными представлениями сибирских народов⁵.

На спине и на шею бобров — шкуровой (ложновитой) орнамент. Он играет подчиненную роль по отношению к основной композиции и лишь обрамляет ее.

Обращает внимание стремление мастера поделки подчеркнуть различие между изображаемыми фигурами бобров — это разная форма хвостов, неодинаковая их штриховка, неровное количество зубер. По этнографическим данным известно, что у ряда сибирских народов четные числа означают связь с женскими образами, а нечетные — с мужскими⁶. Можно предположить, что перед нами изображение самца и самки — "бобровой семья".

В прямоугольнике между лапами и туловищами бобров схематично изображена фигура человека с расставленными ногами и сложенными на животе руками. Фигура непропорциональна — голова и ноги примерно одинаковы по длине, а туловище составляет меньше одной трети высоты изображения. Лицо овальное, длинное, глаза и рот переданы небольшими овальными углублениями, а длинный нос — рельефом. Пропорции головы, моделировка черт лица напоминают известные скульптурные изображения духов у хантов и манси⁷.

Рассматриваемая поделка — одна из немногих находок подобного рода, обнаруженных на поселении. Чаше изображения бобра, равно как и медведя, лося и некоторых других животных, встречались в кладах и жертвенных местах, что указывает на существенную роль образов этих животных в религиозных представлениях древнего за-

⁴ Тельпухов Ф.А. Древности Пермской чуды в виде бесполосных ладей и животных. — В кн.: Пермский край. Пермь, 1893; Спицын А.А. Шаманские изображения. — В кн.: Записки отделения русской и славянской археологии, т. VII, вып. I. М., 1906; Чернецов В.Н. Указ. соч., табл. У1-16; Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

⁵ Чернецов В.Н. Указ. соч.

⁶ Бартенев В. Погребальные обычаи обдорских оленей. — "Древняя старина", 1895, вып. III-IV, с. 491; Соколова З.П. Перехитки религиозных верований у обских угуров. — В об. МАЭ, XXII. М.-Л., 1971.

⁷ Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX вв. Л., 1970, рис. 10.

педносибирского населения.

Сизет подолки весьма своеобразен и приблизиться к пониманию его семантики можно лишь обратившись к данным этнографии. Известно, что в прошлом бобр был довольно широко распространен на территории Западной Сибири. И тем не менее они не имели большого промыслового значения по сравнению с другими животными сибирской фауны, хотя шкурка бобра, отличающаяся красотой и прочностью, ценилась довольно высоко. Вместе с тем изделия из шкурок бобра являлись элементами шаманской одежды⁸ и культовыми предметами⁹.

В.М.Кулемзин, характеризуя элементы шаманской одежды васюганских хантов, отмечает интересную деталь: разноцветные доскут. А ткани на подкладке мехового воротника из бобровой шкурки символизировали промысловых животных, добывавшихся хантами; но на подкладке отсутствовал цвет бобра и других охотимых для хантов животных — выдры и горностая¹⁰.

Охотники Малой Сосьвы стреляли бобров "только при случайных встречах из-за поверья, что встретившийся бобр, если его не убить, коммуеет невдечет на человека смертельную болезнь"¹¹. Ценнейшей частью убитого бобра была его струя, которая являлась "для туземного населения Тобольского Совера одним из главных лекарств и непременной принадлежностью при многих ритуалах (религиозных и бытовых обрядах)"¹². О существовании у васюганских хантов запрета убивать бобров сообщает Н.В.Лукина и В.М.Кулемзин¹³.

Как известно, для сибирских народов, и в частности, обских угров, типично сознание кровного родства с тотемом — животным какого-то вида. Тотемический род или локальная группа обычно носила название этого животного, считая этот вид братом по крови, строго соблюдали табу на истребление тотемных животных¹⁴. Стремление вы-

⁸ Кулемзин В.М. Материалы по шаманскому костюму хантов. — Советская этнография, 1973, № 2, с.133.

⁹ Пригкова Н.Ф. Жертвенное покрывало казымских хантов. — В сб. МАЗ, XI, М.-Л., 1949, с.376.

¹⁰ Кулемзин В.М. Указ.соч., с.132.

¹¹ С.А.К. В верховьях рек Конды и Сев.Сосьвы. (По материалам В.В.Васильева). — Уральский охотник, 1927, № 12, с.20.

¹² Там же.

¹³ Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов. — В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972, с.72; Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов. — В кн.: Из истории шаманства. Томск, 1976, с.37.

¹⁴ Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров. — В сб.: Советская этнография, т. VI—VII, 1947; Грибова Л.С. Указ.соч., с.26.

делать себя из окружающего населения приводило к появлению определенной символики, неизменным элементом которой было изображение собственного тотема¹⁵. У васиганских хантов бобры считались священными животными, появившимися на Васигане одновременно с хантами¹⁶. Больше того, этнографические материалы, полученные Н.В.Лукиной, свидетельствуют о том, что представления о кровнородственной связи васиганских хантов с бобрами сохранилось до сих пор¹⁷. В.М.Кулемзин приводит легенду васиганских хантов о последнем на Васигане бобре. Охотник, услышавший ночью песню этого бобра, убрал поставленную на него ловушку, поскольку смысл песни состоял в следующем — как только переведутся на Васигане бобры, переведутся и ханты¹⁸.

Бережное отношение хантов к бобрам, запрет убивать их, видимо, связан с тотемным характером этого животного. Из этнографической литературы известно, что у обских угров существовали родовые знамя, тамги, среди которых знак бобра встречался довольно часто — в остишках волостях Иконда, Конда Малая и т.д. Причем В.Б.Сямченко подчеркивает, что это был самый архаичный знак среди тобольских ясачных людей¹⁹. Устойчивую тамгу — знак бобра — с XVII в. имели и васиганские ханты²⁰.

Антропоморфный сюжет, о котором идет речь, на наш взгляд, является материализацией представления примитивного населения о кровнородственной связи с бобрами. Несовпадение величины бобров и человеческой фигуры (она в несколько раз меньше бобров), ее непропорциональность (большая голова, маленькое туловище), расположение в композиции как бы подчеркивают младенческий возраст изображаемого существа. Вероятно, мы вправе видеть в изображаемой человеческой фигуре производное бобров, их детеныш — символ кровного родства бобра и человека.

Можно предположить, что население, обитавшее во второй половине I тыс. н.э. на Муралинском городище, почитало это животное, возможно даже связывало свое происхождение с бобром.

¹⁵ Грибова Л.С. Указ.соч., с.46.

¹⁶ Лукина Н.В. Указ.соч., с.72.

¹⁷ Лукина Н.В. Устное сообщение.

¹⁸ Кулемзин В.М. Шаманство васиганско-ваховских хантов, с.37.

¹⁹ Сямченко В.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, с.63.

²⁰ Лукина Н.В. Указ.соч., с.71.

Культ бобра, как известно, наиболее отчетливо прослеживается у обских угров, что нашло выражение и в мифологии, и в гетумровке, и в наличии темнообразных знаков. Учитывая эти данные, а также археологических материалов (рассматриваемая поделка, керамика и проч.), предположительно можно говорить о древнеугорской принадлежности Мурлинского городища и аналогичных памятников Омского Прииртышья. Керамика с гребчатой и фигурно-штамповой орнаментацией, подобная мурлинской²¹, выявлялась В.Н.Чернецовым о древнеугорским населением нижнего Приобья и Прииртышья²². В связи с этим интересно мнение Н.В.Лукиной, которая на основании этнографических материалов связывает появление угров на Васюгане с районом Прииртышья между Тарой и Демьянкой²³, откуда происходит и наша находка.

Судя по нашей находке, традиции плоского литья, поделки которого В.Н.Чернецов рассматривал "целиком подчиненными их религиозно-магической роли и содержанию"²⁴, по сравнению с подобными изделиями раннего железного века в I тыс. н.э. мало изменились. В частности, сохранялся обычай изображать бобров в профиль, с трехпальными копытостями. Но следует отметить более реалистическую манеру изображения их по сравнению с ранними²⁵. Поскольку нам известны лишь немногие находки о подобных сюжетах (случайная находка из Прииртышья²⁶ и из Сургутского Приобья²⁷), трудно судить о характере этих самых изображений (хронологических или локальных).

²¹ Чагаева А.С. Мурлинское городище и его датировка. - В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г.Томска, т.2. Секция гуманитарных наук. Томск, 1968, с.193-194.

²² Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. - ММА СССР, № 58. М., 1957, с.180.

²³ Лукина Н.В. Указ.соч., с.80.

²⁴ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуночного времени, с.178.

²⁵ Чернецов В.Н. Указ.соч.; Старков В.Ф. Указ.соч.

²⁶ Конников Б.А. Зооантропоморфные изображения эпохи раннего средневековья на Омского Прииртышья. В печати.

²⁷ Федорова Н.В. Устное сообщение.

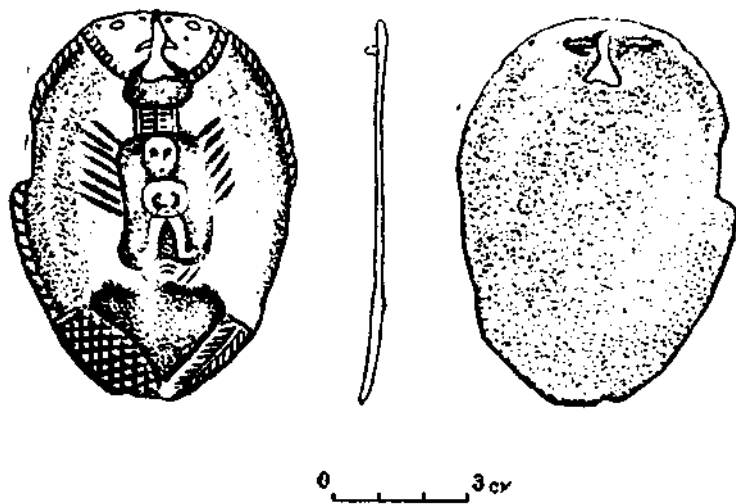

Рис.1. Бронзовая подвеска с изображением бобров и человека из жилища Мурвинского городища.

СВЕДЕНИЯ И.Г. ГМЕЛИНА О НАРОДАХ СИБИРИ

Л.П. Белковец

Советские этнографы высоко оценивают вклад участников академических экспедиций XVIII в. в развитие этнографии народов Сибири. Широкую известность приобрели труды Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Я. Линденау, П.С. Палласа, И.И. Георги и др. Важное место среди них занимает «Путешествие по Сибири» И.Г. Гмелина, путевой дневник, изданный в Геттингене в 1751–1752 гг. Стому труду, говоря словами Л.А. Штернберга, «наука обязана первыми точными данными о народах Сибири»¹. Профессор Петербургской Академии наук И.Г. Гмелин был участником академического отряда Второй Камчатской экспедиции В. Беринга (1733–1743 гг.), провел в Сибири почти 10 лет, занимаясь вопросами естественного научения края. Простальное внимание ученого привлекали и сибирские народы, их образ жизни, быт, нравы, религиозные верования. Поэтому в путевом дневнике его отложился чрезвычайно богатый и разнообразный этнографический материал.

Ценность этого материала неоднократно отмечалась уже исследователями². Часть его была введена в научный оборот в трудах дореволюционных и советских ученых, А.Н. Пыпина, К. Харламовича, В.А. Ватина, В. Гирченко, Э.П. Зиннера³. Тем не менее практическое использование этнографиче-

1. Штернберг Л.А. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев. — Природа, 1925, № 7–9, с. 46.

2. Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. — ТИЭ, нов. серия, т. 64, № 4, 1961; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966.

3. Пыпин А.Н. История русской этнографии, т. 4, СПб., 1892; Харламович К. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733). Казань, 1904; Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этнод по истории Сибири. Минусинск, 1919; Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVIII, XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

частных известий Гмелина при написании специальных работ остается минимальным. Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что само «Путешествие по Сибири», изданное на немецком языке свыше 200 лет тому назад, стало библиографической редкостью. В связи с этим встает задача выявления и систематизации этнографических сведений в трудах И. Г. Гмелина.

При оценке этнографического материала Гмелина нужно иметь в виду, что этнографические исследования участников академической экспедиции строились на основе научной методики, о чем убедительно свидетельствует инструкция-программа, которой руководствовались они при сборе этого материала. Программа эта, в составлении и обсуждении которой кроме Г. Ф. Миллера участвовали профессор Н. Делиль, Д. Бернулли и И. Г. Гмелин⁴, говорит об относительно высоком уровне, на котором стояло понимание задач этнографического изучения страны. В описаниях сибирских народов И. Г. Гмелин следовал указаниям этой инструкции, предлагавшей «наблюдать ... где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождения народы между собой смешаны, или нет». Предлагалось также узнавать, «какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа жилища, преселения, дела и проч.»⁵.

Ученые представляли себе и цель этнографических исследований. «Они, — говорится в инструкции Г. Ф. Миллера Э. И. Тишеру, — полезны для истории, чтобы показать взаимное родство народов на основании общности явков нравов, и поэтому ко всему тому, что только кажется занимательным, необходимо относиться как к явлениям серьезным, дабы во всех мелочах и в их самых мелких деталях проявить внимательность, потому что не всегда можно представить будущее значение каждой такой детали»⁶.

4. Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803, т. 1 (1725-1743). СПб., 1897, с. 65.

5. Токарев С. А. Зинаид русских ученых в мировую этнографию. — ТИЭ, т. 30, М., 1956, вып. 1, с. 7.

6. Эта инструкция опубликована Д. Клеменцем в кн.: Сборник музея антропологии и этнографии при Имп. Академии наук. Спб., 1909.

Отказавшись от картезианской теории врожденных идей и понятий, следуя за высказанным в конце XVII в. Локком утверждением об их отсутствии, Гмелин подошел к правильному пониманию того, что человечество в своем развитии прошло определенные стадии. В основу общественного прогресса он ставил уровень знаний и степеней распространения просвещения. Поэтому и к сибирским народам он подходил как к закономерной существующим и не видел принципиальной разницы между ними и западноевропейскими народами. Просветительский подход к ним, не признававший предвзятых теорий, обеспечил теплый и дружеский тон, в котором написаны посвященные этим народам строки. Так, рассказывая о тунгусах, живущих вблизи Братского острова, он писал: «Обычно их считают глупыми, так как их легко можно обмануть, однако я считаю, что и другие народы с точки зрения тунгусов также глупы, и что таким образом можно было бы каждого человека назвать глупцом, который не особенно сведущ в тех вещах, слышать и видеть которые он имеет мало возможности. У большинства народов следует признать естественный разум в их обычных делах и занятиях. То, что тунгусы, следовательно, не упражняли свой разум в тех вещах, которые им не известны, не является чудом. Они на свой лад также остроумны, как и те, которые лучше всего умеют обманывать, и глупы, например, на охоте, в которой тунгусы так искусны»⁷.

У Гмелина вызвали добрые чувства и такие качества сибирских народов, как мужество, естественная любовь к справедливости, скромность, исполнительность, прилежность и честность, которые он отмечал и у эвенков, и у тобольских татар, и у бурят, и у жителей Инусинской котловины.

Известно, что сибирские материалы Гмелина способствовали более яркому изображению в западноевропейской литературе народов с неразвитым общественным строем. Так, друг Гмелина А. Галлер, писавший о них прежде как о «рябах порока, ... похотливых, ленивых, завистливых

7. Gmelin I.G., Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bd. 2, Göttingen, 1751-1752, s. 216.

и суетных", под непосредственным влиянием Гмелина «существенно изменил слов концепцию истории человеческой цивилизации» и заметно приблизился к воззрениям французских просветителей⁸.

Отказавшись от презрительного уничижения по отношению к сибирским народам, Гмелин был далек, однако, и от фальшивой идеализации их жизни. Он не видел «золотого века» в жизни человечества на ранних ступенях развития и показывал также неприглядные стороны примитивного образа жизни и быта сибирских народов. Именно так нужно почитать высказывание его о тунгусах, «которые в рассуждении пищи и беспрестанного с места на место прохождения не много от зверей разнятся»⁹. Оно дало повод Л.С.Бергу говорить о том, что Гмелин относился к народам «пренебрежительно, смотря на них с высоты своей европейской культуры, как на диких»¹⁰.

Необходимо отметить также приведенные Гмелиным известия об образе жизни, хозяйственных занятиях, степени зажиточности, религиозных верованиях и церемониях отдельных народов дамы в сравнении друг с другом, что свидетельствует о применении им на практике сравнительно-исторического метода в этнографических исследованиях.

Все это в сочетании с широким научным кругозором и энциклопедическими знаниями ученого обеспечило появление описаний сибирских народов, вошедших в этнографическую науку под названием «классических». В них, говорил словами Д.Клеменца, поражает полнота и «широкий взгляд на этнографию», стремление отразить все, «начиная от физического типа, языка, религиозных представлений до мельчайших интимных явлений домашнего быта»¹¹.

8. Диннер Э.П. Сибирь в поэтическом творчестве Альбрехта Галлера. - Русско-европейские литературные связи. М.-Л., 1966, с. 273-274.

9. Перевод предисловия, сочиненного профессором Гмелиным к первому тому Флоры Жбирской. Сиб., 1747, с.41.

10. Берг Л.С. История географического общества колонии о Якутским краем. Избранные труды. Т.1. История науки. М., 1966, с. 52.

11. Сборник музея по антропологии и этнографии..., с. IX.

Среди этнографических известий И. Г. Гмелина особой полнотой отличаются записи, относящиеся к тюркоязычным народам Сибири, западносибирским татарам и якутам, а также эвенкам и бурятам. «Путешествие по Сибири» содержит также некоторые известия о шорцах, хакпсах, алтайцах и некоторых других народах Сибири. Все они содержат данные о внешнем облике, одежде, жилищах, образе жизни, хозяйственных занятиях и религиозных верованиях.

Отложившиеся в дневнике Гмелина сведения о сибирских татарах относятся к тобольским, барабинским и чулымским тюркоязычным группам. Тобольские татары — магометане характеризуются автором «Путешествия по Сибири» как потомки тюркских племен, осевших в этих местах еще до прихода русских. К ним он относит и потомков «бухарских татар», которые селились здесь постепенно с разрешения «Великого князя», получали некоторые привилегии и издавна занимались торговлей.

Татарские семьи, как отмечает Гмелин, жили оседло, держали скот, обычно разделяя с ним свое жилище, что объяснялось их большой бедностью. Бедностью, а также христианским окружением объяснял ученый и тот факт, что татары, как правило, имели по одной жене. Гмелин отметил обычай украшать татарских детей амулетами, назначение которых — оберегать детей от опасности (один такой амулет у ребенка из деревни Пехтер им подробно описан)¹².

Живущие в сельской местности татары имели обыкновенные строить зимние и летние юрты. Так, расположенный на пути из Тобольска в Тару Уттус-аул состоял из трех аулов: 2-х летних и одного зимнего. Этот обычай, как замечает ученый, вел свое начало от древних времен, и именно в связи с ним возникла традиция русского населения прокладывать зимние и летние пути¹³.

15 марта 1734 г. Гмелин побывал на татарской свадьбе в деревне Сибанака и оставил в дневнике подробнейшее ее описание, куда вошли сведения о внутреннем убранстве

12. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. Bd. 1, s. 133-134.

13. Ibid., Bd. 1, s. 174.

жизня, музыкальных инструментах и исполняемых песнях, конных состязаниях и призах для их победителей, угощения для гостей, в так же описание самой церемонии бракосочетания¹⁴.

Тобольские татары — мухаммедане редко изменяли своей религии. Перешедший в христианство презирался всеми бывшими единоверцами, которые обвиняли его в том, что он совершил этот шаг, чтобы иметь возможность предаваться пьянству, являющемуся у них одним из самых тяжких пороков, или чтобы избавиться от подати. Как отмечает автор «Путе ествия», эта причина была главной, и татары часто переходили в христианство во второй половине XVII в., перекладывая податной груз на плечи своих соплеменников. Однако стоящее на страже исламских интересов казны правительство сделало строгое распоряжение, которое сильно ограничило возможности перехода, теперь в христианскую веру принимали лишь тех татар, которые действительно были внутренне убеждены в правоте христианской религии¹⁵.

Главными церемониями тобольских татар были обряд обрезания, во время которого 6—14-летние мальчики приобщались к таинствам мусульманской религии¹⁶, и обряд бритья головы. Обе церемонии у богатых татар сопровождались увеселениями и угощениями, как и во время свадьбы.

Тобольские татары сопровождали отряд во время плаванья по Иртышу, и Гмелин имел возможность весьма близко наблюдать их обычаи и образ жизни. «Они худы большей частью, — писал он, — кожа их коричневого цвета, волосы черные». Их обычная пища состояла из ячменя, немного подсушенного, который они называли «курмач» и ели сырым или поджаренным на сковороде с маслом. Лакомством служило мясо жеребенка и бишбармак, церемония приготовления которого Гмелин привел на с. . 197 первого тома «Путешествия».

14. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd.1, s.137-144.

15. Ibid., Bd.1, s.168.

16. Ibid., Bd. 1. s.163-167.

Автор "Путешествия" высоко оценивал нравственные качества этого народа. «Люди эти тихие и исполнительные, — пишет он. — Они не знали покоя ни днем, ни ночью, выполняя тяжелую работу, и никто не слышал их ропота. Когда один из дощаников получил пробоину, они с готовностью выгружали на берег куски копченой свинины, притрагиваясь к которой у них являлось большим грехом. Мы часто ощущали их братскую привязанность друг к другу. Между Алезинской и Яшишевской крепостями часто трое или четверо татар должны были прокладывать дощанику дорогу, продвигаясь впереди вплывь или вброд, чтобы не дать ему сесть на мель ... Однажды один из них провалился в глубокое место, и не умея, вопреки обыкновению, плавать, чуть не утонул. Но стоявшие на судне татары оказались на чеку, трое или четверо из них спрыгнули в воду, подплыли к своему собрату и спасли его. Мы ни разу не имели случая кражи, и они вообще известны как верные люди. Их честность не менее известна. Они не связывают себя клятвой, которых у них нет, но единственное рукопожатие у них стоит больше, чем у некоторых христиан тысячи клятв»¹⁷.

Проезжая летом 1741 г. по Барабинской степи, Гмелин много раз встречался с барабинскими татарами и оставил некоторые известия об их образе жизни, хозяйственных занятиях, черованиях. Он характеризует барабинцев как многочисленный торкюзычный кочевой народ, главным занятием которого было скотоводство — разведение крупного рогатого скота и лошадей. Он отмечает при этом и большую роль в их хозяйстве охоты на дичь и рыбной ловли в многочисленных на Барабе озерах. Благодаря этим озерам барабинские татары разводили также водоплавающую птицу, в особенности уток.

Дневник Гмелина дает также возможность говорить о переходе некоторой части барабинских татар к занятиям земледелием. В расположенной на восточном берегу Оби татарской деревне Орские юрты, где проживали чаты (в основном служилые — 30 дворов) и барабинцы (15 дворов), в

17. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. Bd. 1, s. 194—195.

округе осваивались низменные заливные земли. На них татары после спада воды сеяли яровые, которые быстро росли и редко не удавались¹⁸.

В своем путешествии по Бараба Гмелину пришлось несколько раз наблюдать камлание барабинских шаманов. Описания их полно представлены в дневнике вместе с описанием одежды шаманов, бубна, колотушки, сравнений приемов камлания¹⁹. Интересно, что у барабинских татар пользовались большим уважением колдуны-предсказатели, которые называли себя "дякутеретер" (я колдую о луком). Ими могли быть и шаманы²⁰. Как сообщает Гмелин, к барабинским татарам часто наведывались священники татар - мухаммедан, стремившиеся обратить их в свою веру. Иногда они имели некоторый успех, но, зная о строжайшем запрете русских властей, делали это тайно и не слишком усердно²¹.

Побывав на Алтае в 1734 г., Гмелин оставил записки об отдельных племенах южных алтайцев, телеутах и теленгитах. Последних он в соответствии с бытовавшей в XVIII в. терминологией²² называет урянхай-калымками. Небольшой караван урянхайцев, живших у истоков реки Чарыша, прибыл на Колывано-Воскресенский завод в день приезда туда Гмелина 20 августа (ст. стиль). Возвращаясь к их недалекому прошлому, Гмелин пишет, что дружеские отношения их с русским населением установились сразу, как только прибыли на Алтай посланцы Демидова для строительства завода. В этот раз урянхайцы прибыли сюда, чтобы купить провиант. Скорее всего, это была меновая торговля, во всяком случае Гмелин замечал позднее, что видел у них шкурки канкарагайского соболя, который отличался от других видов соболя небольшими размерами и черным цветом²³.

18. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd. 4, s. 87.

19. Описание одного из них см. в приложении.

20. Ibid. Bd. 4, s. 128.

21. Ibid., Bd. 4, s. 133.

22. Народы Сибири. Под ред. М.Г. Левина и П.П. Потапова. М.-Л., 1956, с. 245.

23. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd. 1, s. 253.

По просьбе ученых бывшие у них в гостях телеуты устроили стрельбу из лука в цель. Для этого использовались довольно широкие и тупые стрелы. Проезжая на всем скаку мимо нарисованных на земле мишеней, они попадали в цель с ловкостью, приводящей в восхищение зрителей. Идя на лошади, они вешали справа колчан, слева — лук. Для охоты на зверей употребляли другие стрелы, намного острее и тоньше тех, которыми стреляли в цель.²⁴

Наиболее подробные сведения о телеутах. Здесь и описание зимних и летних жилищ, одежды, украшений, внешнего вида, религиозных верований, способа приготовления вина из юбильного колючка, церемонии жертвоприношения в священном месте «тайлга», некоторых других обычаев и способов захоронения.²⁵

Находясь в Куансике летом 1734 г., совершая поездки по его окрестностям, Гмелин наблюдал жизнь и быт нескольких тюркоязычных групп, являющихся историческими предками современных шорцев, в том числе кондомских и мресских татар, тюльберцев и абинцев.

Небольшая деревня, в которой жили абинцы, находилась в версте от Куанецка на противоположном берегу Токи. Ученый нашел их жилища очень бедными, это были полуземлянки, построенные из жердей и земли и утыканые в пазах тряпками. Внутренний вид жилища был сходен с телеутским, только здесь, как замечает ученый, было намного грязнее. Религия их схожа с телеутской, только у абинцев бытовал обычай уничтожать хижину умершего. Поэтому ученым не удалось осмотреть жилище умершего 2 месяца назад шамана. Шаманский бубен был погребен вместе с ним.²⁶

Услышав, что татары с рек Кондомы и Мрасы умеют плавить прекрасное железо, которым они снабжают всю округу, ученые выехали в деревню Гадаеву на реке Кондоме, чтобы самим наблюдать плавку. От этой поездки остались в дневнике описания жилищ кондомских татар, шаманского кремления, процесса плавки железа.²⁷

24. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd.1, s.249-251.

25. Некоторые из них приведены в приложении.

26. Ibid., Bd.1, s.278-279.

27. См. в приложении описание плавки и шаманского бубна кондомских татар.

Интересны изложенные Гмелиным представления этого народа о боге, душе, дьяволе, которые свидетельствуют о его языческих верованиях. Не менее интересны и изгения об орудиях труда, применяемых в хозяйстве кондомойских татар, которые помимо кузнечества занимались и земледелием.

В верховьях Томи на пути из Кузнецка в Томск Гмелин побывал в нескольких юртах, населенных татберскими татарами. Это были Кокошниковы и Сустананковы юрты и деревня Камышева, в которой вместе с одним русским крестьянином проживало 6-10 татберцев. В Сустананковых юртах Гмелин заметил девушку, носившую по 2 косы с двух сторон - это была обрученная девушка. Замужние женщины имели всего 2 косы, а девушки иногда до 20. Эти татары, в отличие от телеутов, не приносили в жертву лошадей, довольствуясь зайцем. Когда ученые спросили их о местонахождении их бога, они, возможно, в угоду гостям, ответили, что он живет рядом с русским богом, хорошо с ним ладит и обменивается с ним визитами²⁸. Чтобы расположить к себе дьявола и воспользоваться в случае необходимости его советом, ему жертвовали иногда пиво, разбрызганное над костром. Бог, по их разумению, жил на небе, а дьявол на земле, поближе к людям, которым поэтому было проще пользоваться его советами.

В дневнике И. Г. Гмелина содержатся также некоторые известия о чулымских татарах. Они заслуживают тем большего внимания исследователя, что этнография этого народа изучена недостаточно²⁹. У Гмелина мы находим сведения о месте расселения чулымских татар в 30-е гг. XVIII в., каковым было Причулымье, а на пути следования академического отряда - промахуток между Чердат-аулом и Мелесским острогом³⁰. Ученый путешественник приводит названия татарских юрт, рассказывает о способе, которым были креще-

28. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. Bd. 1, s. 299-300.

29. Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961, с. 452-454.

30. Имеется в виду население Среднего и Нижнего Чулыма, называемое в дореволюционной литературе еще и мелесскими татарами.

цели чулымские татары архиепископом било!еем Лешинским. Придя в эту местность лет 16 тому назад с отрядом драгун, архиепископ велел разыскивать татар и приводить их к Чульму, куда их загоняли силой, а при выходе из нее надевали на шею крест. На следующий год в Борбачаковых уртах было построена церковь, а татары, живущие ныне по Чульму, отнесены к приходу церкви Колесского острога. Эти татары, как замечает ученый, знают теперь основные требования христианской религии, носят кресты, ходят в церковь, крестят своих детей, берут только одну жену, не употребляют в пищу конину и мясо белок, держат в уртах иконы и знают одну молитву «Господи помилуй». Требовать от них большего нет возможности, так как русские поныне, которые должны разъяснять им основы христианства, как правило, не знают их языка и своим образом жизни и поступками подает татарам мало хороших примеров³¹.

Гмелин кратко упоминает и о языческих верованиях чулымских татар и отмечает их сходство с верованиями других тюркских групп населения Сибири. «Они не знали о боге, — пишет ученый, — кроме того, что когда у них что-либо украдено, они говорили: бог накажет вора. Когда кто-либо из них умирал, они складывали лошадь и жертвовали ее шкуру черту. Умерших они погребали, и все, кто принимал участие в погребении, прыгали, когда возвращались от могилы, через костер, чтобы смерть, которая, по их разумению, боится огня, не последовала за ними. Если кто-нибудь заболел, они обращались за помощью к камням. У камов же было одно общее лекарство от всех болезней, состоявшее обычно из горностаевой шкурки со оставленными в нее металлическими глазами, которую кам на виду у больного носил повязанной вокруг шеи и бил при этом в бубен»³².

«Лицами чулымских татар, по описанию Гмелина, служили хижны, сделанные из жердей и земли, вход в которых устраивался с восточной стороны. Внутри них находились скамьи вдоль стен и камни с отверстием через крышу, расположенный в центре или в стороне, но всегда отделенный от

31. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd. 1, s. 335.

32. Ibid., Bd. 1, s. 334.

стены проходом. В этом проходе Гмелин часто видел привязанных телят. Сконные отверстия заделывались на зиму замороженным льдом. Однако ученый встретил у чулымцев уже нередкие черные избы, построенные по русскому способу, который становится у них все более употребим. В новых жилищах не всегда соблюдался и обычай устраивать вход с восточной стороны. Гмелин отметил также, что в последние годы у чулымских татар часто смирепствовала оспа, уносящая уже много людей. Из рассказов чулымцев он мог заключить, что эпидемия оспы появлялась у них через определенные промежутки времени, достигавшие иногда десятилетия, и длилась по 2-3 года.

В дневнике И. Г. Гмелина сохранились также сведения об отдельных группах хакасов и прежде всего о качинцах, менее подробные — о бальтирах, сыгайцах, койблах. Описывая внешний облик жителей Минусинской котловины, Гмелин отмечает их сходство с европейцами, глаза у них посажены неглубоко, лица широкие и плоские, как и носы, большинство их высокого роста и стройны. Кроме того, они привлекали внимание своим веселым и живым нравом, приветливостью, общительностью и честностью³³.

В феврале 1736 г. Гмелин вместе с Миллером побывал у качинцев в улусе Мунгат, описал устройство их юрт; их занятия и религиозные верования, а в октябре 1736 г. в Красноярске наблюдал камлание качинской шаманки, о котором оставил подробное сообщение³⁴.

У Гмелина имеются сведения о кето- и самодийскоязычных группах коттов, асанов, аринец и камасинцев. Хотя они и очень краткие, но заслуживают внимания потому, что Гмелин застал упомянутые группы в момент завершения их языковой тюркизации. Котты жили в районе Абаканского и Канского острогов, камасинцы на реке Мане и у истоков реки Кана. Арины были уже в 30-е гг. XVIII в. совсем малочисленным народом, их оставалось, по замечанию Гмелина, чуть более 10 человек, из которых лишь немногие знали тинский язык. Столь же немногочисленны были и асаны,

33. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. Bd. 3, s. 344-347.

34. Ibid., Bd. 1, s. 380-383.

жилище по рекам Усолке и Оне, которых оставалось 14 человек, и лишь 2-3-е из них владели родным языком. Оба эти племени были прежде многочисленным народом³⁵.

Весьма разносторонние и обширные сведения отложились в дневнике И.Г.Гмелина о жизни якутского народа. Они значительно дополняют известия, при описании Г.Ф.Миллером в его «Истории Сибири». Гмелин, так же как и Миллер, считал якутов народом, который пришел в низовья Лены с юга, из Прибайкалья, основываясь не только на бытовавшей среди них легенде³⁶, но и на некоторых чертах сходства их привычек ведения скотоводческого хозяйства с приемами, бытовавшими у кочевников степного юга. Таковы: было годовое подножное содержание скота на пастбищах у Олекминского острога и Якутска. Якуты, по мнению Гмелина, несмотря на долгую зиму и большие снега, не заготавливали кормов, а пасли скот в течение всего года, «как это делали ранее их предки в верховьях Лены»³⁷.

В приведенном во втором томе «Путешествия по Сибири» очерке о якутах Гмелин касается различных сторон их жизни и нравов³⁸. Сравнивая их с другими народами Сибири, он замечает, что они уже мало кочуют, а больше живут оседло, разводят лошадей и коров, и продукты скотоводства составляют для них основную пищу. В пищу употребляется также мясо диких животных и грызунов, лис, соболей, горностаев, белок, сурков, медведей, лосей, росомех и т.п. Большим подспорьем были дикие птицы: утки, гуси, лебеди, журавли, огромные стаи которых весной и осенью пролетали над Леной к побережью и обратно. Продукты собирательства также употреблялись ими в пищу. Гмелин называет корни растений гуссака и бедреницы, корни рачьей шейки и лилий, все виды дикого чеснока и лука,

35. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd.1, s.358.

36. Перевод ее см. в приложении:

37. Там же, Bd.2, s.472.

38. Некоторые сведения Гмелина о якутах введены в научный оборот В.Л.Серошевским. Он отмечал, что они интересны не только потому, что они были первые по временны показания интеллигентного очевидца, но также по своей точности и богатству характерных деталей". - Якуты. Т. 1, Спб., 1896, с. 652.

растущие вокруг Якутска, внутреннюю пору молодых сосен, которая в высушенной и растертом виде употреблялась как приправа к пище.

Гмелин отметил искусство якутов плавить железо и хорошо делать кузнечную работу. В хозяйстве их использовалась посуда собственного производства, особенно славились железные котлы с вделанной в стены берестой. Хороши были и сундуки вилюйских мастеров, соединявших кузнечество со столярными работами.

Чтение ученого привлекали верования и церемонии якутов, в особенности ли шаманизм. Исходнократные наблюдения шаманских камланий, беседы с якутами и их шаманами дали Гмелину возможность составить небольшой очерк о религиозных представлениях якутов, который не может не привлечь внимание этнографа. Пантеон якутских добрых и злых богов, исходя из следений И.Г.Гмелина, был весьма обширным. Злые духи составляли целые семьи, многие из них имели жен и детей. Одна такая семья вредила скоту, другая взрослым, третья детям и т.д. Злые духи делились на живущих в облаках и под землей. Добрые духи выполняли различные охранительные функции: одни берегли скот, другие приносили удачу на охоте, третьи охраняли людей и т.п. Это были общеизвестные злые и добрые духи. Однако у якутских шаманов перечень их был более длинным, и чем старше был шаман, тем больше он знал имен различных духов. Имена некоторых из них, известные одному шаману, не были известны другому; это навело Гмелина на мысль, что шаманы сами придумывали новые имена³⁹.

Образы духов воплощались в идолах, которые изготавливались из тряпок в виде кукол, вместо глаз им вставлялись бусинки или пульки, а рот смазывался жиром или кровью животных. Якутские идола, по замечанию Гмелина, отличались от тунгусских, так как были кроме всего прочего обернуты в тряпки, а деревянные поделки вообще не считались идолами⁴⁰.

³⁹ Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd.2, s.357.

⁴⁰ Ibid., Bd.2, s.475

Гмелины описан и основной якутский праздник, весенняя церемония жертвоприношения кумыса духам, во время которой каждый ее участник как бы обращался к духам с просьбой об исполнении желания. Каждая якутская семья устраивала у себя эту церемонию по мере накопления кумыса, которого требовалось не менее 10-15 ведер. Обычно **преддверье** начинались во второй половине июня, и центральным участником их был шаман, который являлся в юрту в своем повседневном платье (шуба, используемый во время каления, исключался). Вокруг него рассаживались все члены семьи от мала до велика в праздничной одежде. 12-15-летний мальчик становился помощником шамана, последний, стоя лицом на восток, трижды разбрасывал колоко для каждого из называемых им духов. Затем все покидали юрту и, расположившись неподалеку от нее, распивали по очереди оставшийся кумыс, получая его из рук стоящих на коленях шамана и помогающего ему мальчика ⁴¹.

Что касается способа захоронения, то, как замечает Гмелин, в его время якуты хоронили своих умерших обычным способом, чему, вероятно, способствовало общение с русскими, но не имели определенного кладбища. В прежние времена они или сжигали трупы, или похоронивали их на дереве, или оставляли в юрте и покидали ее. Существовал также обычай, когда любимые слуги богатых якутских князев сжигали себя после их смерти на костре. Однако этот варварский обычай с приходом русских совершенно исчез.

С большим интересом наблюдал ученый жизнь расселенного на обширной территории эвенкийского народа. Сведения о тунгусах, как тогда называли эвенков, отличаются у него наибольшей полнотой и проникнуты искренней теплотой, с которой относился ученый к этому народу.

В «Путешествии по Сибири» мы находим известия о жителях трех эвенкийских групп: забайкальских, илимских и тунгусов енисейско-ленского междуречья. Материалы, отложившиеся от встреч с первыми двумя группами, тунгусами забайкальскими и илимскими, получили уже краткую

41. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd.2, s.360-364.

оценку в недарно вышедшей статье Э.Д.Титовой⁴². Поэтому, оставляя их за пределами статьи, остановимся на характеристике сведений Гмелина о тунгусах енисейско-ленского междуречья.

Первая встреча ученого с ними произошла во время путешествия по Лене летом 1736 г. у деревни Шалагиной. Заметив на берегу временное стоябище тунгусов, Гмелин и Гиллер остановили дощаники и направились к ним. Однако им удалось побеседовать только с женщинами, так как мужчины при виде направляющихся к ним гостей, бросив все, убежали в лес. «Казалось, — пишет Гмелин, — что они приняли нас за служилых, которые всякий раз грабят этих бедных людей»⁴³. Женщины рассказали им, что прибыли на Лену с Нижней Тунгуски, откуда они с началом весны обычно выходят на охоту, промышляя соболя по рекам и речушкам, впадающим в Лену. Потом в начале лета спускаются по одной из этих речек до ее устья, идут вверх по Лене и проводят на ней все лето, охотясь на лосей. «В этих местах, — замечает ученый, — это делается двумя способами. Летом их загоняют в реки и наступают затем в лодках, которые ходят быстрее, чем могут плавать лоси. Зимой, когда выпадает глубокий снег, препятствующий быстрому продвижению этих животных, их травят собаками». Осенью тунгусы снова возвращаются на Тунгуску и остаются там, пока вновь не придет время охоты.

Женщины были приглашены на дощаник, где ученые угостили их табаком, хлебом, мукой. В результате этой встречи в дневнике осталось описание женской одежды и ритуала, связанного с принесением тунгусами присяги. Здесь же впервые Гмелин сообщил о способе, каким имели обыкновение звенки — таежные жители отгонять от себя гнус. Каждый из них нес за спиной глиняный горшок, отделанный сверху берестой, в котором лежали дымящиеся ветки, так что издали они походили на «кучу движущихся дымовых труб».

42. Титова Э.Д. Материалы Гмелина о тунгусах XVIII века. — Советская этнография. № 1, 1978, с. 69-71.

43. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd. 2, s. 300-301.

Естественно, что такое краткое общение с народом, чей образ жизни и обычаи были почти неизвестны науке, не мог удовлетворить ученых. Поэтому зимой 1737—1738 гг., находясь в Киренском остроге и следуя не только по собственному желанию, но и, вероятно, просьбе вынужденного уехать в Иркутск Миллера⁴⁴, Гмелин нашел возможность для более близкого знакомства с нижнетунгусскими эвенками. В конце января 1737 г. он познакомился с прибывшими в острог мангазейскими сборщиками чсака — «башлаками», которые прислали затем к нему тунгусскую семью, прогостившую в Киренске 10 дней. Семья состояла из родителей и троих детей. Они не захотели жить в черной избе, предложенной им ученым, и соорудили во дворе чум. Все 10 дней Гмелин кормил семью, снабжал ее молоком, мясом и ячменем, подарил им теплые одеяла, табак, трубки, китайские швейные иглы. Радушный прием, оказанный гостям, помог ученому узнать многое о жизни северных эвенков, он оказался даже свидетелем процесса татуирования 6-летней девочки.

Полученные им сведения и собственные наблюдения легли в основу специфического очерка «Различные известия о катангинских тунгусах, живущих на Нижней Тунгуске». Эта статья не была опубликована, но вошла она и в «Путешествие по Сибири». Немецкий оригинал ее, хранящийся в ЦГАДА⁴⁵, еще ни разу не использовался исследователями истории эвенкийского народа. С публикацией перевода этой статьи, сделанного Э.Д.Титовой, советские историки получили в руки интереснейший материал по этнографии эвенкийского народа. Эта публикация сделала лишним анализ гмелиновской статьи, который первоначально входил в планы автора настоящих строк. Остается только отметить, что приведенные в статье известия вместе с содержащимися в «Путешествии по Сибири» сведениями об эвенках позволяют считать И.Г.Гмелина одним из первых этнографов, положивших начало научному изучению этнографии эвенкийского народа.

44. Во всяком случае он заканчивает рассказ о гостивших у него эвенках словами, что все собранные известия передал Миллеру.

45. ЦГАДА, ф. 199, портр. 509, л. 8, л. 1-10.

д «Путешествия по Сибири» Гмелина имеется также весьма обширный материал о бурят-монгольском населении Сибири. Мы оставим его за страницами статьи, поскольку более или менее полный анализ его сделан в свое время В. Гирченко⁴⁶.

Все сказанное дает возможность говорить о том, что сделанные Гмелином описания сибирских народов, чаще всего подробные и основательные, подчас превращающиеся в специальные очерки, по широте охвата явлений, по точности характеристик являются для своего времени уникальными и заслуживают пристального внимания современного этнографа.

Особое внимание ученого привлекал шаманизм, наименее известная сторона жизни сибирских народов. Это подтверждают многочисленные описания шаманских камланий, одежды, бубна, колотушки и других применяемых во время камлания ритуальных средств, стремление ученого показать представления этих народов о мире, душе, боге, дьяволе.

Этнографические описания Гмелина содержат также некоторые известия об управлении, родовой организации, браке, семье сибирских народов. Они не занимают, однако, большого места в этих описаниях, поскольку интерес к исследованию общественного строя не мог еще приобрести в это время ведущего значения.

Оценивая этнографические результаты участников академического отряда экспедиции, М.О. Косвен отметил в свое время, что Гмелин и Линденау впервые в русской, да и в мировой этнографии сделали записи музыкального фольклора⁴⁷. У Гмелина приведены образчики мелодий и текста бурятской песни, песен качинцев, камасинцев, котовцев⁴⁸. Гмелину же принадлежат и первые записи легенд и преда-

46. Гирченко В. Русские и иностранцы путешественники ХУП, ХУИ и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939.

47. Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. - ИЭ, Новая серия, т. 64, с. 211.

48. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien. Bd. 3, s. 370-372, 475, 522-527.

ний, подтверждавшие его интерес к народному творчеству. Исслед за Д. Г. Мессершмидтом он положил начало изучению народной медицины, которой отведено в его дневнике немалое количество страниц.

Не лишены интереса сведения Гмелина о прошлом того или иного народа, его миграциях и взаимоотношениях с соседями. Представленные в «Путешествии по Сибири» материалы показывают также ясную политику царского правительства в Сибири, деятельность в ней православных миссионеров. Описывая сибирские народы, Гмелин нередко высказывал мысли о состоянии их под русской властью. У них отсутствует картина всеобщего благоденствия, хотя нередко говорится о благотворном влиянии на местное население русской власти и общении с русским народом. Это влияние сказалось, например, в смягчении нравов, исчезновении из языческих обрядов варварских обычаев, прекращении междоусобных столкновений и т.п. Русское население в свою очередь заимствовало у сибирских народов орудия труда и приемы ведения хозяйства в суровых сибирских условиях. Подобные высказывания ученого заслуживают тем большего доверия, что наряду с ними мы находим в его записках известия о волнениях бурят и эвенков в 30-е гг. XVIII в. в районе Илимского и Братского острогов, сведения о злоупотреблениях сборщиков ясака по отношению к эвенкам и якутам, сообщения об истреблении пушных запасов.

Внимание ученых привлекали и языки сибирских народов, причем не только в чисто языковедческом плане. Они нужны были как источники для исторических построений, для «установления пределов каждого народа», их происхождения и взаимоотношений, для установления родственных связей между отдельными племенами и народами. Не случайно так богат содержащийся в «Путешествии по Сибири» лингвистический материал, названия народов, населенных мест, рек, озер, растений, животных, продуктов питания, жилищ, одежды, средств передвижения и т.п. Причем названия эти даны «точно по настоящему того народа произношению», о котором шла в данном случае речь, и как то

предписывала полученная учеными инструкция⁴⁹.

Все это в конечном итоге является свидетельством большой ценности «Путешествия по Сибири» и некоторых неопубликованных работ И. Г. Гмелина и необходимости привлечения их к изучению истории и этнографии сибирских народов.

---

⁴⁹. Цит. по : Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.-Л., 1954, с. 41.

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ Л. Л. БЕЛКОВЕЦ
СВЕДЕНИЯ И. Г. ГМЕЛИНА О НАРОДАХ СИБИРИ

ОПИСАНИЕ КАМЛАНИЯ ШАМАНА БАРАБИНСКИХ ТАТАР
(17, 107-108, 18 июня 1741 г.)

В двух верстах отсюда (от Убинского паса, — Л.Б.) остановились татары Барабинской волости, у которых был Кам. И хотя я уже много раз видел, как они справляют свое ремесло, но поскольку этот был очень близко, я захотел посмотреть и его колдовство, и он по моей просьбе появился вечером у меня. Это был седой мужчина, зрение его было изрядно попорчено старостью, и он, вероятно, считал и чертей, стоявших у него, по его утверждению, на службе, так же слепыми. У него было три главных черта, Продай (Prödaï), Алтинг-хан (Alting-Chan), и Акинек (Akinék), у которых он сам или по просьбе других людей спрашивал совета и редко получал от них хороший ответ. Только начало смеркаться, он сказал, что пора приниматься за дело, так как он видит плохо и в ясный день, а с заходом солнца почти совсем ничего не видит. Ему было все равно, какое место вблизи для колдовства, так как он надеялся, имея о себе хорошее мнение, сладить с чертями и поставить их в услужение даже в таком месте, где сколько угодно было крестов (предыдущий шаман не хотел камлеть вблизи христианского кладбища. — Л.Б.). Поэтому его черти вполне могли стерпеть и всех русских, которые со мной были. Это должны были быть ожесточенные черти! Бубен у него, как и у вчерашнего шамана, был круглый; деревянная ручка в форме человеческой фигуры и все снаряжение на нем ничем не отличались от прежнего, только на нем были еще две поперечные палки, одна вблизи верхней, другая вблизи нижней части бубна, и под верхней располагалась железная перекладина, на которой справа от ручки было 7 железных колец. Чолотушка была деревянной, не обтянута никакой кожей. Платье шамана было также одинаковым с обычным народом шаманов у других татар. Его колдовство было ве-

селее наблюдать, чем вчерашнее. Как и тот шаман, он сел сначала лицом на юг. Приглашение с помощью ударов в бубен длилось недолго. Скоро он начал ползать туда и сюда, прыгать, бегать, петь песни для того, чтобы, как он сказал, доставить удовольствие чертям. Он называя их по именам, низко им кланялся, вызывал их, чтобы появились, и как только один из них показывался, он начинал вызывать другого: «Почему же ты не приходишь? Уже ночь, и здесь собрались одни только смелые люди!» Таким же способом он пригласил и третьего. Он был босяк и часто сопровождал свое колдовство интермедией, например, он бегал по углям в костре или держал подошву над его огнем. Этого, по его утверждению, хотели черти для своего удовольствия. Шаман был очень словоохотлив и многими превращениями своего тела устраивал для чертей удивительные способы приглашения, катался по земле, вспрыгивая неожиданно, прыгал вокруг костра, менял голос на различные лады, так что его представление не было меланхоличным. Иногда он чавкал, один раз захохотал во все горло, но я не слышал, чтобы он свистел.

Общие основы этого языческого колдовства у них таковы же, как и у других народов, у которых я побывал, к примеру, никто не может стать шаманом сам, но его выкликают и призывают к этому черт, также не может себе сам сделать бубен без его приказа, ровно как и придать ему определенную форму. Поэтому они умеют очень высоко продемонстрировать чертовскую профессию, особенно по сравнению с теми, чья профессия сомнительна, то есть с теми, которые не умеют так хорошо подтвердить свою принадлежность к этой профессии. Это выдает за нечто особенное то, что черти у него появляются не только вечером, но и в любое время и в любом месте, когда им захочется, в различных образах, и именно в образе человека, зверя или птицы, только когда они принимают образ человека, все тело у них покрыто волосами. Последнее я уже слышал от многих, и кажется очевидным, что волосатые существа считаются почти у всех людей самыми отвратительными в природе.

О ТЕЛЕУТАХ (1, 267-269, сентябрь,
1734 г.)

Деревня Калтирак у одноименной речки.

Это татарская деревня, и в ней всего 4 русские избы. Живущие в ней татары принадлежат к различным родам: большинство телеутские и киштымские. Среди них много таких, которые были крещены во время поездки к остоякам тобольского архиепископа Тилуфея. Но они, кажется, о том мало вспоминают. Так как даже то, что у христиан этих мест считается существенным, а именно крест, который был им дан во время крещения, они не носят, а ссылаются на то, что забыли его дома. Они без страха говорят также о том, что их принудили к крещению и что по своей воле они никогда бы на это не согласились. А между тем они с готовностью могут перекреститься, когда их об этом попросят. Они пользуются христианской религией также и тогда, когда хотят вступить в брак, и иногда посещают русскую церковь. Мы побывали в нескольких их избах и видели, что они имеют все признаки татарской избы, которые состоят в низюх широких склмьях, камине и кухонном очаге. Только разница была в том, что камин стоял не высоко на стене, а почти уровень с землей, как и наши каминь. Кухонный очаг был таким же низким.

Мы попросили привести в нашу квартиру женщину-телеутку и девушку, чтобы осмотреть их одежду. Женщина была необычайно красива: черные волосы, белое, милостивое лицо, приветлива и хорошо сложена. ... Она говорила довольно хорошо по-русски, и то, что она говорила, было интересно. Ее одежда состояла из длинной юбки красного шелка и под ней — шерстяной рубашки; при этом на ней, так же, как и на всех татарских женщинах, были холщовые шаровары. Воротник рубашки вокруг был обшит китайским бисером, а рубашка спереди по всю длину, как и мужская, имела разрез и застегивалась на пуговицы различной величины, сделанные из различной материи. На ней хорошо сделанная тамирская шапка, обрамленная соболем. Волосы, сплетенные в две косы по обеим сторонам, почти в фут длиной, откидывались на плечи, и оба конца

их были связаны. В ушах у нее было по две серебряные серьги, большая и маленькая. На маленькой висел голубой камень, отделанный по верхнему краю серебром, на большой - почти круглая, сужающаяся к низу пластинка и на ней 5 круглых ядришек или камешков. У девушки были те же предметы одежды, только платье ее было хуже и волосы заплетены в одну, спускающуюся по спине косу".

(I, 272-274)

"16 (сентября 1734 г. - Л.Б.) после полудня отправились мы в деревню, расположенную в трех верстах от Кузнецка и населенную телеутами. Когда едем сюда от Ильинского погоста, она остается слева. Деревня состоит из жилищ двух видов, в одних живут летом, в других - зимой.

Зимние жилища похожи на те, которые мы видели в Калтираке. Летние - круглой формы, заострены кверху, в нижней части в разрезе они составляли примерно 3 сажени. Небольшое отверстие, снебянное дверь и устроенное во всех юртах с восточной стороны, служит входом. Вверху, в центре, есть еще одно круглое отверстие, через которое выходит дым. Внутри вокруг устроены широкие скамьи, земля в центре немного вынута, и в этом месте варят. Строительный материал этих жилищ - камыш, вплетенный в промежутки между связанными друг о другом палками. Чтобы дождь не мог пробиться внутрь, между камышом и палками вставлена береста. Мы вошли в одну из юрт, где переголяли водку. Это происходило на месте обычного очага. На треножнике стоял железный котел, накрытый деревянной крышкой с двумя отверстиями - в центре и сбоку. Центральное отверстие было заткнуто. В боковое входила деревянная кривая трубка, второй конец которой опускался в небольшой сосуд стоящий в другом, сделанном наподобие нашего свиного корыта деревянном сосуде, наполненном водой. Водку переголяют на кобыльего молока, которое прежде квасят. Сосуд, в котором оно квасят, кожаный. И все это выглядит очень грязно; поэтому также в водку несмотря на то, что выглядит довольно крепкой, имеет очень неприятный запах. Они не хвалят в этой водке то, что даже если очень много ее выпьешь, голова от нее не болит, как и после зерновой,

в то время как виноградная не имеет этого хорошего качества".

ПЛАВКА ЖЕЛЕЗА КОНДОМСКИМИ ТАТАРАМИ

(I, 280-283, 19 сентября 1734 года)

"На следующий день мы предприняли еще одну поездку. Мы слышали, что татары, живущие по рекам Кондоме и Ирске, умеют плавить железо из руды, и что в округе нет другого, которое бы не было получено от этих татар. Поэтому мы захотели посмотреть плавку, тем более, что, как нам сказали, ехать было недалеко. Хотя имеется много таких мест, где плавят, но нам было достаточно посмотреть одну плавку, ибо все они производятся одинаковым способом. Мы выбрали ближайшую деревню Гадьеву и послали вперед человека с тем, чтобы предупредить о нашем приезде и велеть все приготовить для наблюдения... Наконец, нас повели в ярту и, входя в нее, мы сразу увидели плавильную печь. Мы смогли сразу увидеть, что для плавильной печи она не строили особой ярты, но что каждая ярта могла быть приспособлена для этого. Это не мешало людям жить в этой ярте, и все это имело большое преимущество перед европейскими плавильнями, сооружение которых стоит больших затрат. Печь располагалась на месте, где обычно готовят пищу, и земля в этом месте немного вынута. Это углубление, которое имеется в любой татарской ярте и служит очагом, составляет часть плавильной печи. Глиняная крышка, чья нижняя часть соответствует окружности выемки в земле, а именно составляет полфута в диаметре, заужена сверху, где она не более полутора вершков в разрезе и едва достигает высоты в один фут, составляет вместе с выемкой в земле всю плавильную печь. Спереди есть в ней отверстие, которое во время плавки замуровано, а по сторонам две другие, в которые вставляются две воздуховодки. Двое татар обеспечивают всю работу плавильни, один носит уголь и лезет его с рудой, но так, чтобы в каждом слое руды было небольшое количество и она должна быть мелко истолчена. Таким способом он наполняет печь, а другой в это время постоянно вдвигает воздух обеими воздуховодками. Как только уголь оседет, вновь добавля-

ют руду и уголь, и все это продолжается до тех пор, пока не будет засыпано около 3-х пудов руды. Больше они за один раз не плавят; после того, как еще некоторое время вдвует в печь воздух, плавильщик вынимает щипцами выровненный камень. Крайца лежит в щемке, ее выбирают из углей и очищают от них, постукивая деревянной колотушкой. Из 3-х пудов руды получают они около 2-х пудов железа, которое внешне выглядит очень нечистым, но, кажется, должно быть очень хорошим. За полтора часа мы посмотрели все".

ОПИСАНИЕ ШАМАНСКОГО БУБНА КОНДОМСКИХ

ТАТАР (I, 283-284)

"Во время плавки позволял им капе, чтобы он нам поколдовал. Он принёс с собой свой маленький бубен, который по форме выглядел как сито, а с одной стороны был обтянут кожей. На пустой стороне посредине располагалась деревянная переключная, тонкая в центре, где обычно шеман держал в руке бубен. Обе стороны этой ручки были много толще и выдолблены в виде кубков, вероятно, для того, чтобы усилить звук, концы же переключной были вновь тонкие и имели треугольную форму. Поперек этой переключной, но не через центр, так как иначе нельзя было бы держать бубен, проходил железный прут, на котором висело с одной стороны 4, с другой - 5 железных колокольчиков. У шемана была при этом колотушка для бубна, которая представляла собой кусок набитой и зашитой пятками заячьей шкурки, на ней висели всевозможные ленты и побрякушки".

ПРЕДАНИЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ЯКУТОВ С ВЕРХОВЬЕВ ДЕНЬ

(П, 344-346, 1737 г.)

"... в 2 часа мы достигли Гусельных гор, по-якутски Огиллинг-кае (Ogiljung-kaje), лежащих выше устья реки Перемной (по-якутски Артуик-урьяк (Artuik-urjak) ... Что значил Огиллинг-кае, я не смог узнать, однако, когда я об этом расспрашивал, то услышал, что

эти горы в древней якутской истории очень знамениты. Среди якутов бытует предание, что их предки жили некогда в верховьях Лены и были так угнетены и теснены бурятами, что большое количество их однежды со скотом, с женами и детьми добровольно спустились вниз по Лене. Но часть их осталась и по возможности оказывала бурятам сопротивление; наконец, они подверглись таким притеснениям, что должны были все бросить и, даже не имея времени приготовить лодки для путешествия, взяли первые попавшиеся бревна, и поплыли вниз по Лене, где они объединились со своими соотечественниками, обосновавшимися уже в ее низовьях. Хотя они и были в большой бедности, все же многие сумели кто женитьбой, кто работой добиться того благосостояния, которое имели раньше. А так как якуты были воинственным народом, то богатые вскоре стали эксплуатировать тех сородичей, которые не смогли добиться средств к жизни, и одолели их рабами. Но как только им стало некого больше грабить дома, а они слышали, что патомские тунгусы очень зажиточны, то они выгнали их из местности, где стоит теперь Якутск и где их, якутов, и было первое место жительства, а также побили и уничтожили большую группу тунгусов в районе Гусельных гор. Еще и теперь патомские тунгусы и живущие в этой местности на другом берегу Лены якуты пребывают в вечной осоре. Якуты считают, что район Патомы принадлежит им столько же, сколько и тунгусам, а ходят туда на охоту; однако тунгусы часто прогоняют их оттуда, так как теперь тунгус легко может прогнать 10 якутов, потому что лучше умеет стрелять на лука".

П.Е. Бардина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕРЕСТЫ РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Береста издавна находила широкое применение в быту и хозяйстве многих народов, проживающих в лесной зоне, благодаря своим качествам: доступности, эластичности, легкости обработки и относительной прочности. Береста использовалась многими народами Сибири для изготовления утвари, для покрытия жилищ, для изготовления лодок и др. С давних пор береста применялась и русским населением Европейской России. Русские имели глубокие традиции в художественной обработке бересты: резьба, роспись, тиснение. Таким образом, русское население Сибири, имея свои давние традиции, встретилося здесь с местными глубокими традициями в обработке и использовании бересты. Какую-то роль также играли трудности, связанные с переселением, с суровыми природными условиями и с удаленностью от крупных рынков. Береста, как и дерево, была дешевым материалом и предметы из нее изготавливались для себя или выменивались на местном рынке.

Об использовании бересты русскими Сибири и Приуралья есть сведения у многих авторов, писавших о русском населении этих районов. В некоторых из этих работ отмечается связь традиций в изготовлении берестяной утвари у русских Сибири и Приуралья с русскими Севера Европейской части¹. Имеются сведения в этих работах и о приобретении русским населением Сибири некоторых изделий из бересты у аборигенов.

---

1. Крулянская В.В., Поляков Н.С. Культура и быт горнозаводского Урала (к. XIX - н. XX вв.). М., 1971, с. 145; Лебедева А.А. Северные традиции в материальной культуре русских переселенцев в Забайкалье. - В кн.: Фольклор и этнография русского Севера, Л., 1973, с. 90.

ного населения². Есть также сведения о приобретении аборигенным населением берестяных сосудов у русских³.

О применении бересты русским населением Томской области в литературе сведений очень мало. Данное сообщение подготовлено по материалам этнографических экспедиций Томского государственного университета, собранным в последние годы и относящимся к концу XIX-XX вв.⁴

На территории Томской области русское население издавна проживало в тесных контактах с аборигенным населением: селькупам, хантам, эвенкам, татарам. По национальному составу населения Томская область является одним из наиболее сложных районов Сибири, что неоднократно отмечалось в печати. В таких условиях неизбежны были заимствования каких-либо навыков и даже выработка новых. Русское население Томской области использовало бересту для изготовления предметов утвари, средств переноски тяжестей, некоторых орудий труда, при строительстве жилых и хозяйственных помещений, при изготовлении одежды, для производства дегтя, для детских

2. Лебедева Н.И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX - н. XX века). - В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. 1. Приангарье. Новосибирск, 1971, с. 87; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в. Новосибирск, 1976, с. 107, 162; Сабурова Л.М. Русское население Приангарья. - В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. Новосибирск, 1971, с. 43-44.

3. Например: Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII - н. XX в.) Л., 1969, с. 117-118.

4. Экспедиции, организованные проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, проходили в составе: Бардиной П.Е. - начальник отрядов и студентов ИЭ ТГУ - в 1975-1976 гг. в Томском районе, в 1977 г. в Бакчарском районе, в 1978 г. в Парабельском и Каргасокском районах. Используются также материалы этнографических практик 1977, 1978 гг., проходивших под руководством Львовой Э.Л. и Бардиной П.Е. в Верхнекетском и Кривошеинском районах Томской области. Материалы по Чаинскому району были получены из писем корреспондента МАЭС ТГУ Котова И.И. в 1978 г.

иг. ушк, в качестве бумаги для письма и пр. Для названия бересты существовало несколько вариантов : бересто, береста, берест, берество, берешина и др.⁵ Причем очень часто употреблялся термин бересто, который является более древним по сравнению с названием береста и известен с XV-XVI вв.⁶

На территории Томской области преобладают хвойные породы леса, но повсеместно распространены лиственные породы, главным образом береза и осина⁷. Так что исходного материала для заготовки бересты было достаточно. Заготавливали бересту весной, в конце мая - начале июня. Более точные сроки зависели от весны и погодных условий. В это время «береза начинает линять», начинается движение сока и береста хорошо отделяется от коры. В июле-августе береста уже «присыхала» к коре. Осенью, в сентябре-октябре, бересту можно было отдирать, но уже с трудом, с применением силы, поэтому осенняя береста называлась «силодер». Весной заготавливали бересту про запас, стараясь не пропустить срок «линьки» березы (10-15 дней). Заготовкой бересты занимались и мужчины, и женщины, и дети. Перед тем как снимать бересту, выбирали подходящую для этой цели березу. Это должно быть дерево с достаточно толстым (более 30 см в диаметре) и гладким, без сучков и наростов, стволом. Обычно такие березы растут в глубине леса. Выбрав березу, проверяли качество ее бересты и способность бересты отдираться, так как, по словам информаторов, «не всякая береза линяет». Для проверки делали топором зарубку вдоль ствола. Если береста при этом шелкала и легко отставала от коры, то она будет хорошо сниматься. Для проверки качества бересты отдирали небольшой её лоскуток и сгибали : хорошая береста при этом не ломалась и была мягкая как кожа. Если на бересте были большие поперечные полоски-игловики, то такое «игластое бересто» не подходит для поделок. Для дегтекурения выбирали, наоборот, толстую, морзяную берес-

5. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В.В. Пелагиной. Т.1. Томск, 1964, с.34-35; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби(дополнение). Ч.1, Томск, 1975, с.29.

6. Жижина С.Г. Художественные изделия из бересты.-В кн.: «Сокровища русского народного искусства.Резьба и роспись по дереву».М., 1967, с.221.

7. Беккина М.С. География Томской области. Томск, 1966, с.38.

ту со старых берез.

Снимали бересту при помощи топора, ножа или специального резака — ножа в виде острого крючка, закрепленного на длинной палке. Имеющимся орудием труда делали разрез по растущей березе вдоль ствола метра 3—4 высотой, стараясь не повредить кору березы под берестой. Если кора не будет повреждена, то береста, хотя и хуже по качеству, нарастает снова через 5 лет. После разреза вдоль ствола березы делали надрезы вокруг ствола вверху и внизу. Если дерево выбрано правильно, то береста легко отставала от коры, стоило только ее легко пошевелить тем же резцом. Снятую бересту укладывали в лесу в кучи, чередуя слоями вдоль и поперек и придавливая палками, чтобы береста не скручивалась. Дома бересту хранили в прохладном месте, в тени: под амбаром, на погребке, в подполье. Здесь она хранилась в расправленном виде, придавленная тяжестью, и свернутая в трубку.

Особым способом заготавливали сплошной слой бересты, необходимый для изготовления туесов. Эта береста — «сколотень» или «снимок» — снималась со спелого березового ствола определенной длины. Для этого под кору вводили тонкую палочку — «сочалку» или металлический стержень, обводили им вокруг ствола, продвигая все глубже под кору. Затем при помощи веревки поворачивали бересту вокруг ствола и снимали ее вместе с корой от комля к вершине. Иногда сколотень снимали, ударя березовый чурбан о пенек. Нижний слой березовой коры легко отставал от бересты после легкого покручивания в руках.

С растущей березы сдирали не только сплошные листы бересты, но и длинные ленты. Для этого у комля березы делался продольный разрез бересты в ширину будущей ленты (обычно от 1,5 до 4 см). Затем один человек, более опытный, острием ножа вел вокруг ствола березы по спирали, поднимаясь от комля к вершине. В это время второй человек, часто ребенок, держась за конец снимаемой ленты, ходил вокруг ствола березы и сматывал берестяную ленту в клубок или сверток. Иногда такой клубок имел форму пустотелого шара (рис. 1 в).

Изготовлением поделок из бересты занимались в свободное время: зимой дома, весной на рыбной ловле и т.п. Обработка бересты заключалась в том, что счищали ножом наружный тонкий слой «что ветром сдувает», а непосредственно перед изгото-

товлением поделок и во время работы смачивали бересту горячей водой или помещали на 1-2 часа в корыто с кипятком. Иногда бересту подогревали у костра на почтительном расстоянии по 5 минут каждой стороной. Целью обработки было получение мягкого материала, который можно легко гнуть, протыкать шилом, сшивать и скреплять «в замок». Подобные приемы заготовки и первичной обработки бересты существовали у русского населения других районов и известны с давних пор.⁸ У аборигенного населения исследуемого района несколько отличаются сроки заготовки бересты: они заготавливали три раза в году; ранней весной, в июне, осенью⁹. Причем береста, снятая ранней весной и осенью, особо ценилась для изготовления утвари с выскобленным орнаментом¹⁰. У аборигенного населения для некоторых изделий бересту вываривали, что не было принято русским населением.

Наибольшее применение у русских исследуемого района береста находила при изготовлении различной домашней утвари. По выражению информаторов, вся посуда раньше была «доцата да берестата». Простейшим приспособлением из бересты, в часте

8. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX - н. XX в.). - В кн.: Этнография русских Сибири и Средней Азии. М., 1969, с. 148; Левашова В.П. Изделия из дерева, дуба и бересты. - В кн.: Очерки по истории русской деревни X-XV вв. М., 1959, с. 90; Маслова Г.С., Станкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX - н. XX в.) - ТИЭ, 1960, т. 5⁷, с. 163-164; Федорова-Дылева Н. Великоустюжская художественная резьба на бересте. СЭ, 1946, № 3, с. 139 и др.

9. Дмитриев-Садовников Гр. Береста и изделия из него у остяков р. Ваха. - Живая Старина, кн. 1. СПб., 1916, с.9; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в к. XIX - н. XX в. Томск, 1978, с. 40; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972, с. 35 и др.

10. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - н. XX в. - ТИЭ, т. 2, М., 1954, с.34; Пелих Г.И. Указ. раб., с. 35.

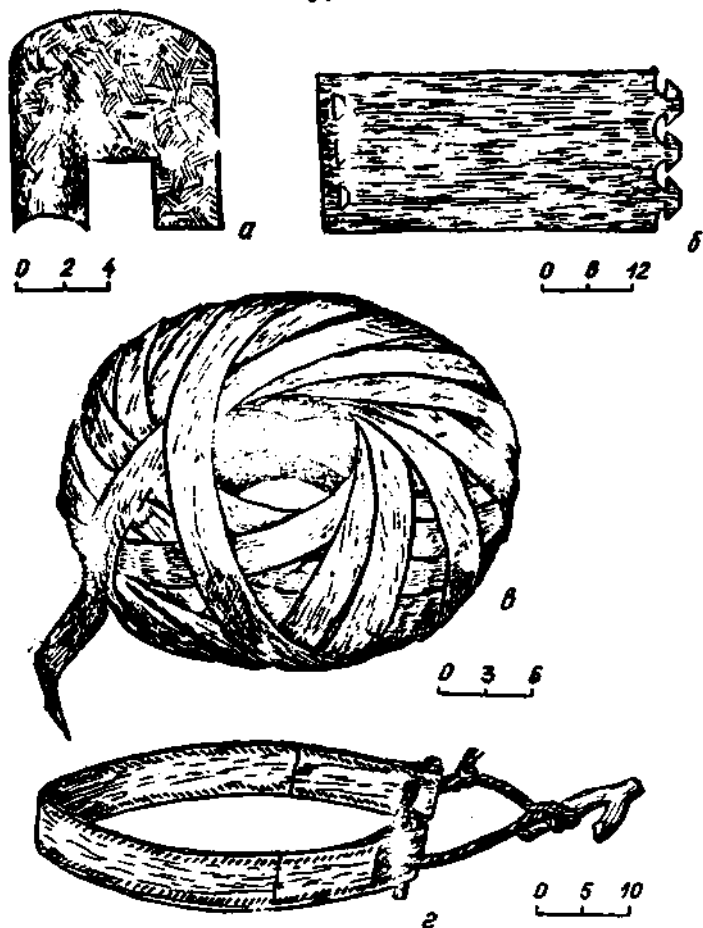

Рис. 1. а - высечка для изготовления туеса (с полевой зарисовки автора); б - наружная стенка туеса (с полевой зарисовки автора); в - сверток ленты из бересты (МАЭС ТГУ, колл. № 7314-1); г - лямка из бересты (МАЭС ТГУ, колл. № 7314-9)

для разового пользования, была ложка — «черпалушка». Она делалась из куска бересты, сложенной складкой и захваченой в этом месте расщепленной палочкой-ручкой. Такой ложкой пили из ручья в лесу, а дома использовали для вычерпывания хидкостей. Подобным же образом сооружался «калик» — ковш для сбора роя пчел. Круг бересты диаметром 20–25 см разрезался по радиусу и сдвигался сантиметров на 5 по окружности. Место крепления ручки и край ковши прошивались для прочности нитками.

Немного сложнее по приемам изготовления были коробки из четырехугольных кусков бересты, у которых отгибали и закрепляли углы. При кратковременном пользовании такой коробкой углы закрепляли расщепленными палочками в вертикальном направлении. Такие коробки делали в лесу для сбора ягод, сока и т.п., если не было другой посуды. Для длительного пользования углы коробки прошивали в горизонтальном направлении нитками или черемуховой саргой. Служили они для хранения ягод, рыбы, картошки и пр., использовались в качестве таза, селыши для муки. Русские северных районов области (Каргасокского Парабельского) иногда покупали такие же по приемам изготовления, но украшенные выскобленным орнаментом, коробки-куженки у аборигенного населения. Подобные коробки-чуманы были в широком употреблении у многих народов Сибири¹¹, у русских Приуралья и северных областей Европейской России, у карел и вепсов¹², у русских Забайкалья¹³ и др.

Самым распространенным видом берестяной утвари у русских Томской области были туеса. Внутренние стенки туесов делались сплошные, из сколотня, а наружные скреплялись «в замок». При изготовлении наружный слой — «рубашка» — тщательно вымерялся и на концах его делались вырезы при помощи металлической «высечки» (рис. 1 а).

11. Алексеевко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, с.115; Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XIX-н.ХХ в.) Л., 1969, с.117; Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-н.ХХ в. — ТИЭ, т. 22, М., 1954, с.33–42, 59; Кулемзин В.М., Лукан Н.В. Указ. раб., с. 104; Пелих Г.И. Указ. раб., с.36–37 и др.

12. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. раб., с. 162.

13. Лебедева А.А. Указ. раб., 1969, с. 149.

Разогрев наружную стенку туеса в горячей воде, соединяли ее концы. Затем сколотень вводили в рубашку, нагревали в воде и верхний, выступающий край сколотня отгибали на рубашку в виде венчика. Дно и крышку для туеса обычно делали из кедр, чтобы в нем дольше не портились молочные продукты. Крышка, как и дно, тщательно вымерялась и вставлялась настолько прочно, что за ручку крышки можно было переносить жидкости. Внизу туеса надевали венчик из полоски бересты, скрепленной «в замки». Иногда встречались туеса, наружный слой которых скреплялся в треугольный замок (рис. 2 а). В северных районах области встречались туеса, боковые стенки которых спивались нитками, а дно вставлялось деревянное (рис. 2 б). По мнению хозяев, скреплять «в замок» медленнее и сложнее, а снять быстрее. Возможно эта техника изготовления была заимствована у аборигенного населения. Боковые стенки туесов иногда украшались тисненным орнаментом, нанесенным при помощи штампа или палочки с рисунком на одном конце (рис. 2 г, д). Иногда встречались туеса, расписанные красками. Эти техники художественной обработки бересты хорошо известны русским Европейской части¹⁴. Туеса, изготовленные самими или приобретенные у местных мастеров, широко применялись в быту русского населения Томской области в конце XIX — начале XX вв., в годы войны и отчасти применяются и изготавливаются в настоящее время. В туесах хранили молочные продукты, квас, мед, муку, закваску, соль, воду и пр. Размеры туесов были различные: от полудюймовых масленок до 2-3-ведерных. Иногда к туесу прикрепляли ручку из проволочки, и он служил в качестве ведра. Туеса хорошо известны у русского населения Европейской России. Встречаются туеса и у аборигенного населения Сибири: у хантов, алтайцев, кумандинцев, шорцев и др.¹⁵ Возможно, они распространились под влиянием русских, так как техника их изготовления аналогична русской.

14. Жижина С.Г. Указ. раб., с. 221; Калыкова Л.; Узорная береста. — Декоративное искусство, 1960, с.29 и др.

15. Иванов С.В. Указ. раб., с.661,634; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Указ. раб., с.106; Сатлаев Ф. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX вв. Горно-Алтайск, 1974, с. 77.

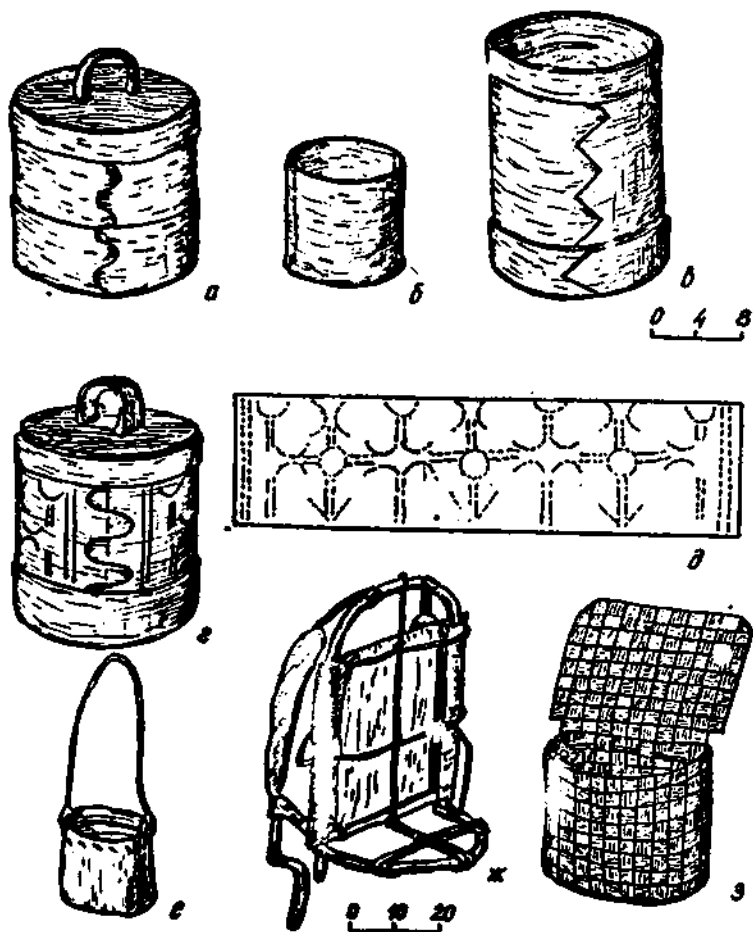

Рис. 2. а, б, в, г - туеса (с фотографии автора); д - тисненый орнамент на стенке туеса (с полевой зарисовки автора); е - крошма (МАЗС ТГУ, колл. № 7314-7); ж - мешочек для ягод (по полевой зарисовке автора); з - сумка из лент бересты (МАЗС ТГУ, колл. № 7314-3).

У русского населения исследуемого района были известны берестяные лукошки и коробки круглой или овальной формы, с пришитым дном и вкладной крышкой из бересты. Некоторые из таких коробок делали сами информаторы, сшивая их черемуховой саргой или нитками. Таким образом сооружались «севалки» для зерна, «роельниц» для сбора роя пчел. К таким лукошкам можно отнести «конобу»¹⁶ — большой берестяной короб овальной формы с пришитым дном из бересты (рис. 3 а). Он шит саргой из двух слоев бересты, с прокладкой черемуховых обручей по верхнему (внутри) и нижнему (снаружи) краям. Обычно в таких коробах хранили муку и другие продукты, но иногда использовали их в качестве средств переноски тяжестей за спиной, помещая их на «крошки». У русского населения Томской области использовались в быту шитые коробки с выскобленным по бересте орнаментом, приобретенные у аборигенного населения (рис. 3 б). В них хранили продукты, мелкие вещи и т.п. Русские старожилы «чалдоны» северных районов области умели сами изготавливать такие коробки, обучаясь мастерству у аборигенов на совместной рыбной ловле, где в свободное время занимались изготовлением поделок из бересты. Но используя в быту и умея сами изготавливать такие коробки, русские не усваивали новой для них техники художественной обработки бересты — выскабливания.

У некоторых групп русского населения области, в частности у переселенцев из Пермской и Тюменской областей, бытовали коробочки из 6 квадратов бересты, сложенных и скрепленных между собой без единого шва, с помощью отогнутых припусков (рис. 3 в). Наверху коробочки делался вырез, закрывавшийся задвижной пластинкой из бересты. Такие коробочки служили для хранения: мелких вещей, для соли, а также в качестве детских игрушек. Процесс её изготовления был прост, и дети сами делали себе такие коробочки. Из бересты выреза-

16. По В. Далю: коноб-кувшин, умывальник. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, с. 151. А в словаре старожильческих говоров бассейна р.Оби: коноб и коноба — большой берестяной кузов, обычно надеваемый на плечи. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби. Под ред. В.В.Палагиной. Т.2, Томск, 1965, с. 92.

лась шесть одинаковых квадратов с припусками на загиб с двух, продольных по слоям бересты, сторон. Припуски отгибались при помощи молотка или зубами. Затем коробочка складывалась таким образом, что все припуски были снаружи, обматывалась нитками, погружалась на несколько секунд в горячую воду и просушивалась на трубе русской печи. После этого коробочка становилась очень прочной.

Русские исследуемого района использовали приспособления из бересты для переноски груза за спиной. Наиболее распространены были кузова - «кузовья», «туручи» (рис. 3 г, д). Кузов изготавливался из двух слоев бересты, сложенных наружными белыми сторонами друг к другу. Длинный прямоугольник из двух слоев бересты складывался пополам, прошивался по бокам саргой, а углы внизу отгибались вверх и тоже прошивались. Вверху кузова иногда прикреплялась крышка из бересты. У кузова чаще всего делали ляжки - «зацепки» из ткани или кожи, прикрепленные с помощью двух поясов вокруг кузова. Иногда ляжки не делали, а помещали кузов на специальное приспособление - «крошню» и привязывали при переноске вертикально и горизонтально натянутыми бечевками (рис. 3 д). «Крошню», или «крошню», в свою очередь, изготавливались с применением бересты, прикрепленной к двум дугам (рис. 2 ж). Такие кузова и крошню в северных районах области используются русскими до сих пор. Только на крошню вместо бересты натягивается брезент или кожаменитель. В кузовах из бересты удобно переносить ягоды, грибы, рыбу, шивки и т.п. Размеры кузовов обычно были от одного до трех ведер. Точно такие же по способу изготовления кузова распространены у аборигенного населения Томской области¹⁷. По нашим материалам, русское население часто приобретало такие кузова у аборигенного населения готовыми, но некоторые умели делать их сами. Такое приспособление для переноски груза, как крошню, было известно русским и других районов¹⁸, но для изучаемого района характерно именно их сочетание с берестяным кузовом.

17. Кулемаин В.К., Лукина Н.В. Указ. раб., с. 104; Пелих Г.И. Указ. раб., с. 37.

18. Лебедева А.А. Средства переноски тяжестей у восточных славян. - В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975, с. 26.

Такой же конструкции, как и кувовы, но меньше по размерам, были набирки для ягод с веревочкой для надевания на шер (рис. 2 в). Такие же набирки были и у аборигенного населения исследуемых районов¹⁹.

У русского населения Томской области была известна также утварь, сплетенная из лент бересты. Из лент шириной 3-4 см плели корзины и заплечные сумки. Сумка в МАЭС ТГУ, инв. № 7314-3, привезенная в 1977 г. из Верхнекетского района, имеет форму ранца и предназначалась для переноски тяжестей за спиной (рис. 2 з). Она изготовлена из лент бересты прямым плетением и аналогична "хлебням" для переноски продуктов на полевые работы, известными у русских Европейской части²⁰. Узкие ленты бересты (шириной 1,5 см) использовали для плетения маленьких сумочек, а также для ремонта глиняной посуды. Этими лентами с применением клея обвивали по спирали треснувшие горшки и крышки. Такой прием продления срока службы глиняной посуды известен и русским Европейской части²¹, что отражено в известной загадке о горшке, который «стар стал - пеленаться стал».

Береста находила применение у русских Томской области при изготовлении некоторых орудий труда, в частности - орудий рыболовства. Из нескольких оловянных бересты шили дьямки с деревянным крюком на конце для вытаскивания невода (рис. 1 г). Из камней, зашитых в бересту, делали грузила для сетей. Подобные грузила применяли и в Древней Руси²². Из туго свернутых и опущенных на несколько минут в горячую воду, полосок бересты делали поплавки для сетей. Такие же поплавки были и у аборигенного населения Томской области²³, но известны и у русских других районов²⁴.

У русского населения исследуемого района в конце XIX -

19. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Указ. раб., с. 104.

20. Лебедева А.А. Указ. раб., 1975, с. 25.

21. Там же, с. 23.

22. Малыш В.А. Промыслы древнерусской деревни. - 8 кн.: Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1956, с. 124.

23. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Указ. раб., с. 21.

24. Лебедева Н.И. Указ. раб., 1971, с. 90.

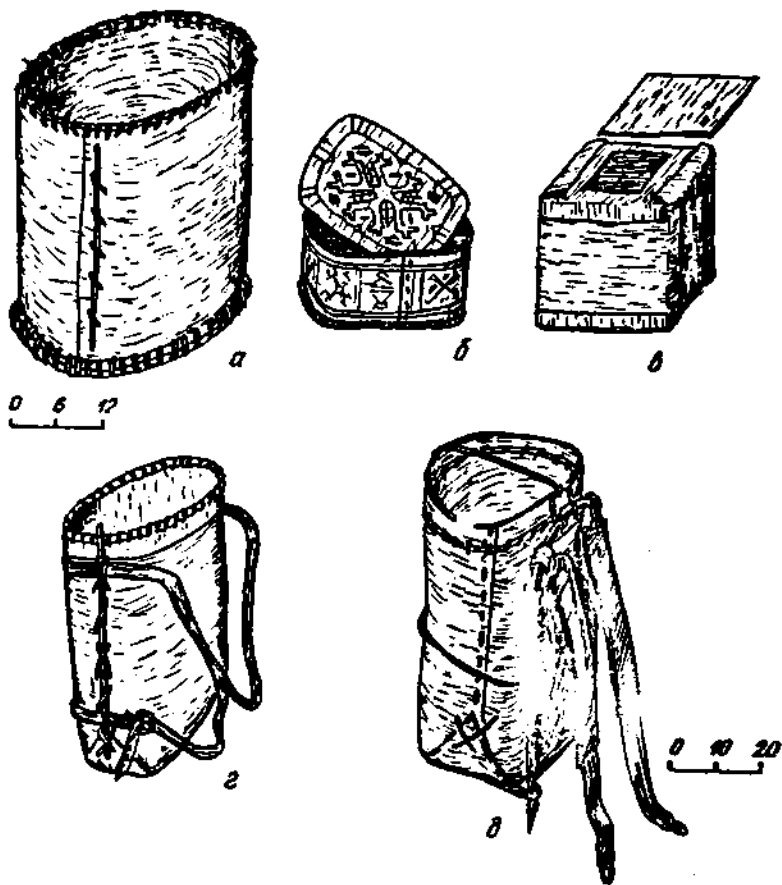

Рис. 3. а - човобе (МАЭС ТГУ колл. № 7311-17); б - шитая коробка (с фотографии автора); в - коробка из шести квадратов бересты (с фотографии автора); г - кузов с лямками (МАЭС ТГУ, колл. № 7314-8); д - кузов на крошнях (с фотографии автора)

нач. XX вв. береста применялась при строительстве жилых, хозяйственных и временных построек. Обычно бересту использовали в качестве прокладки между слоями теса крыши, но иногда крыли крышу и одной берестой. Последнее встречается в избушках бедных слоев населения, у недавних переселенцев и на жилищах в старообрядческих скитах. Чаще всего такие постройки были рассчитаны на непродолжительный срок, до строительства хорошего дома. Более длительное время они сохранялись у старообрядцев. В нач. XX в. уединенные жилища старообрядцев встречались в глухих местах Томской области на притоках рек Парабели, Кети, Парбига и др. Единичные замки сохранились до настоящего времени, что позволило автору в 1978 г. сфотографировать жилища с берестяными крышами в Кривошеинском районе (рис. 4 а, б). Крыши были двускатные, стропильной или самцовой конструкции. Обычно ставилось три пары стропил и в них врубались слегы. Внизу концы стропил оканчивались «крючьями» — отростками корня или специально врубленными под углом штырями (рис. 4 а). Сюда укладывали желоб, который держал здесь скат крыши. На слегы крыши настилали обрешетку — «вислаки» из сырых березовых жердей. При этом выбирали длинные жерди, в середине длины их подрубали и перекидывали на второй скат крыши. Вершину и комель жердей последовательно чередовали. Иногда обрешетку делали из тонких еловых или сосновых жердей. На обрешетку настилали бересту, начиная с нижнего края ската и располагая лист бересты продольными слоями по скату крыши. Каждый следующий лист настилали на предыдущий, отступая на 20—25 см от края и поднимаясь, таким образом, к коньку крыши. Благодаря этому на каждом месте крыши было 4—5 слоев бересты, и крыша была достаточно прочной и водонепроницаемой. Настелив бересту на одну часть ската, от нижнего края до конька, сразу же придавливали настеленные слои «авилками» — сырыми березовыми жердями, тонкими полубрезнами и т.п. Затем приступали к покрытию другой части ската, а затем — второго ската. Если бересту сразу же не придавить, то она будет оседать и скручиваться. По коньку крыши укладывали несколько слоев самой прочной бересты. Затем уже по всей крыше бересту придавливали при помощи поперечных слег, укладывая их над нижними слегами и скрепляя с ними попарно черемуховыми прутьями — «вицами». Иногда скрепляли также попарно верхние выступающие вершины давилок.

Сооружение крыши из бересты требовало определенных навыков и сноровки, поэтому частов одной местности это делал один человек. По мнению информаторов, крыша из бересты могла стоять лет 20-25 и больше (если не снесет ветер), так как береста меньше подвержена гниению, чем тес. Но такая крыша была опасной в пожарном отношении, поэтому иногда вместо «дзвилюк» бересту засыпали землей. Чаще бересту использовали для покрытия хозяйственных построек, кроме бань. Иногда берестой был закрыт весь двор²⁵.

На временных постройках, иногда полуземлянках, сооружались крыши с двумя очень пологими скатами. Они крылись берестой, настланной в несколько слоев на обрешетку, и засыпались землей. Такие постройки служили жильем на охотничьем и рыболовном промысле. В северных районах такие полуземлянки назывались, как и у аборигенного населения, «карамо». Есть сведения в наших материалах и в литературе (см. например, Бломквист Е.Э., 1956, с. 244) о том, что русские Сибири на промыслах строили конические шалаша, типа аборигенных чумов, крытые берестой. Использование бересты-скалы при строительстве хижин и амбаров в качестве прокладок между слоями теса у русских Европейской части известно с давних пор²⁶. Исследование материальной культуры русского населения Сибири показали, что береста использовалась в качестве прокладок между слоями теса крыши, а также в качестве самостоятельного

25. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950, с. 25.

26. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. - ТИЭ, 1956, т. 31, с. 107; Ганцкая О.А. Строительная техника крестьян. - Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 181; Сабурова Л.М. Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна. - Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 117; Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище Вологодской области. - В кн.: «Толклор и этнография русского Севера». Л., 1973, с. 55 и др.

покрытия у бедных слоев населения наряду с дерном и соломой²⁷. Составленная А.В. Сафьяновой на основе архивных материалов карта распространения материалов покрытия крыши у русского населения Сибири показала, что во II половине XIX в. береста наряду с другими кровельными материалами использовалась, в основном в лесостепной и степной зонах²⁸. На этой карте покрытие берестой отмечено как единичное явление на территории Томской области. В отличие от степных районов здесь достаточно и других материалов для покрытия, и применение бересты, возможно, объясняется влиянием аборигенов, у которых береста в качестве покрытия жилищ была широко распространена²⁹. Причем берестой крылись не только временные постройки, но и срубные жилища с двускатными крышами, на обрешетку которых настилали бересту и придавливали ее землей или бревнами-гнетами³⁰. В то же время конструкция крыши с берестой у русских исследуемого района типично русская: с курицами, потоками, на самцах или стропилах. Возможно влияние аборигенов было не прямым, а косвенным. Использование бересты при строительстве временных жилищ на охотничьих

27. Громыко М.М. Трудные традиции русских крестьян Сибири (XVIII - пер. пол. XIX вв.). Новосибирск, 1975, с. 236; Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII-XX вв.) - Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974, с. 64, 70, 74; Охрименко Г.И. Резьба по дереву у семейских. - В кн.: Этнографический сборник БКНИИ СО АН СССР, вып. 2, Улан-Удэ, 1961, с. 72-73; Сафьянова А.В. Материалы по традиционному жилищу сельского населения Томской области. - В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972, с. 236; Сафьянова А.В. Разработка материалов подворных переписей населения о сибирском жилище (по данным вопросных листов 1877 г.) - В кн.: Проблемы изучения населения Сибири. М., 1974, с. 266 и др.

28. Сафьянова А.В. Указ. раб. М., 1974, с. 286.

29. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Указ. раб., с. 68-74; Пелих Г.И. Указ. раб., с. 37 и др.

30. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Указ. раб., с. 74-75.

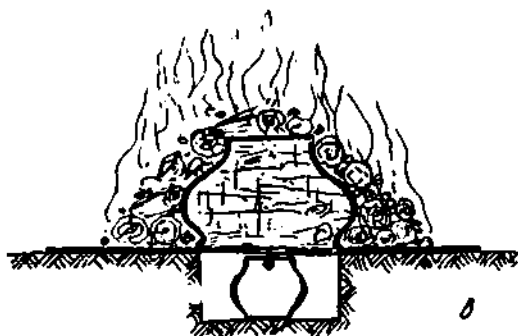
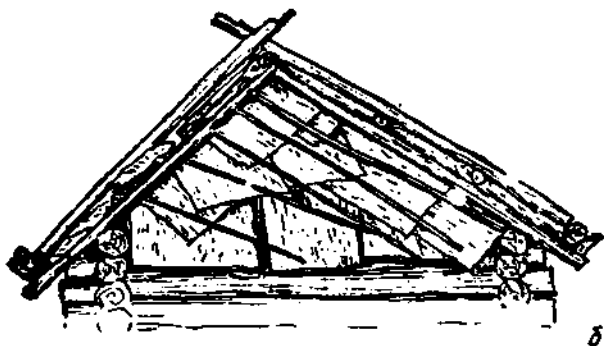
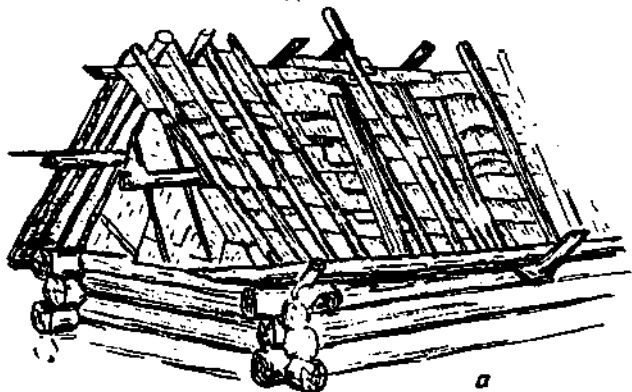

Рис. 4. а, б - крыша из бересты (с фотографии автора); в - схема легтекурения (с полевой зарисовки автора)

и рыболовных промыслах, как и сами эти постройки, были восприняты русскими у аборигенного населения Сибири³¹.

Береста применялась также в качестве всевозможных покрытий: для стогов сена, для погребов, для лодок и т.п.

У русского населения исследуемого района береста находила применение в одежде и при ее изготовлении. Из бересты вырезались прокладки, вставляемые между слоями кожи в задники обуви - чирков и броден. Иногда прокладки из бересты шивались в подошву, чтобы обувь поскрипывала при ходьбе. Из бересты делали выкройки для обуви. В некоторых деревнях около г. Томска в нач. XX в. было модно вставлять бересту в голенища сапог, чтобы они не собирались в складки. У переселенцев из северных областей Европейской России бытовали некоторое время в Сибири и даже изготавливались лапти, сплетенные косым плетением из лент бересты. Летом, на покосе и других работах, русские надевали на голову берестяной обруч, смазанный дегтем для отпугивания гнуса.

На территории Томской области в конце XIX - нач. XX в. занимались производством дегтя из бересты. В некоторых районах он был развит в качестве промысла³², но чаще гнали деготь для собственного пользования. Измельченную бересту загружали в большой чугунок, ведро или корчагу. Важно было проследить, чтобы с берестой не попала земля, иначе выход дегтя будет маленьким. На месте, где будет печь, выкапывали яму глубиной 50 см, ставили в нее сосуд для дегтя. Затем яму закрывали листом железа с отверстием, опрокидывали на него чугунок с берестой и сверху разводили огонь (рис. 4 в). В течение суток поддерживали огонь, так что чугунок разогревался докрасна, и из бересты начинал стекать деготь в сосуд в яме. Иногда делали «половинчатый» деготь: вместе с берестой загружали смолье. «Половинчатый» дегтем смазывали оси телег, он считался более дешевым. Получение дегтя из бересты явным способом известно русским Европейской части с

31. Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В. Указ. раб., с. 75 и др.

32. Кустарные промыслы Томской губернии. Составлено членами статистического семинария под ред. М.Н. Соболева. - Известия Томского университета, 1910, т. XXXV1, с. 50.

дженности³³. Таким же способом добывали деготь и в более позднее время в различных районах, в том числе и в Сибири. В исследуемом районе верхняя яма заменена чугуном, но принцип добычи тот же.

Можно отметить еще использование бересты у русских Томской области для изготовления детских игрушек: коробочек, свистков и т.д., а также в качестве бумаги для письма и рисования. В качестве бумаги береста использовалась в отдаленных, глухих районах в трудные годы войны. Лист бересты разделялся на тонкие слои, на которых писали покупными перьями или острыми палочками при помощи чернил, изготовленных из березового нароста чаги или из свеклы. На толстых, не расслоенных листах бересты пропаривали буквы и рисунки гвоздем или острой палочкой, подобно новгородским берестяным грамотам.

Береста использовалась как оберточный материал, например, для заворачивания и хранения свеч. Бересту заготавливали и в качестве топлива, для разжигания дров.

Таким образом, береста находила у русского населения Томской области очень широкое применение. Большинство навыков ее обработки и использования были привезены русскими из Европейской России. Но если у русских Европейской части берестяные изделия встречаются наряду с аналогичными изделиями из луба или лыка, то у русских исследуемого района лубяных и особенно лыковых изделий очень мало, по-видимому это объясняется отсутствием материала. Длительное соседство с оборотенным сибирским населением: хантеми и селькупами — проявилось в распространении изделий из бересты, характерных для этих народов: кузовов, орнаментированных кухонек, наборок, а также в использовании бересты при сооружении временных халуп на промыслах. Можно сказать, что формирование традиций в использовании бересты было достаточно сложным делом, это и вызвало интерес к теме данного сообщения. Традиции в изготовлении берестяной утвари у русского населения области не заглохли до сих пор. Они будут использоваться в работе экспериментальных мастеровских народных промыслов, созданных в г. Томске.

---

33. Левашова В.П. Добывание и использование вспомогательных производственных материалов. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XII вв. — ТГУИ, вып. 33, М., 1959, с. 95.

ОБ ОДНОМ ИЗ КОМПОНЕНТОВ В СОСТАВЕ ЧУЛЫМСКИХ ТУРКОВ

Этногенез и этническая история чулымских турков уже привлекали внимание исследователей. Работами В.В. Радлова¹, А.П. Дульзона² и Г.И. Пелих³ установлена этническая неоднородность населения, принимавшего участие в формировании чулымских турков. Выявлены и хорошо обоснованы на лингвистическом и историко-археологическом материале субстратные элементы кетского и оymодийского происхождения, очевидно, вошедшие в состав пришедших на Чулым турков.

Вопрос о происхождении собственно туркского культурного, языкового и этнического элемента, ставшего ядром формирующейся народности, намечен только в самом общем виде. А.П. Дульзоном⁴ определены пути рапространения туркоязычия на Чулыме и выделены три основных направления этого процесса. Наиболее ранний, шедший с юго-востока вниз по Чулыму и начавшийся с УП-УШ веков; более поздний, датируемый XII-XIII веками и связанный, очевидно, с южными территориями. Наконец, завершает картину туркизации причулымских территорий проникновение в низовья Чулыма туркского языкового элемента с юго-запада, рапространявшегося в направлении вверх по Чулыму (или вниз по Яе) и закончившийся, очевидно, не позднее XV столетия⁵.

1. Радлов В.В. Образцы народной литературы туркских племен Южной Сибири и Джунгария, ч. П. СПб, 1868; Radloff W. Aus Sibirien. Bd. 1. Leipzig, 1884.

2. Дульзон А.П. Диалекты и говоры турков Чулыма. - Советская туркология, 1973, # 3. Баку; Он же. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. - Уч. зап. Томского гос. пединститута, т. X, 1953; Он же. Чулымские татары и их язык. - Уч. зап. Томского гос. пединститута, т. IX. Томск, 1952; Он же. Этно-лингвистическая дифференциация турков Сибири. - Структура и история туркских языков. М., 1971.

3. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

4. Дульзон А.П. Диалекты и говоры турков Чулыма; Он же. Этнолингвистическая дифференциация турков Сибири.

5. Дульзон А.П. Диалекты и говоры турков Сибири, с. 21.

Одной из крупнейших на Чулыме была Каргачинская волость. Сведения о ней довольно рано появляются в русских письменных источниках. О «Каргачинных землях» сообщается, в частности, в отписке кетского воеводы Постника Бельского, документе, датированном 1605 годом⁶. По численности населения Каргачинская волость в ХУП-ХУШ вв. следовала за наиболее многолюдными на Чулыме Мелесскими волостями. В год первоначального учета (1623 г.) в ее составе числилось 29 ясачных людей⁷. В ХУШ веке число каргачинцев увеличилось до 116 ясачных⁸. После 1764 г. произошло разделение Каргачинской волости на две самостоятельные административные единицы — Большую и Малую Каргачинские волости⁹. В 1771 г. Фальк¹⁰ отметил на Чулыме две одноименные волости *Kitsohi Russokki Ioa* (Малая Каргачинская) и *russokki Ioa* (Большая Каргачинская). Фонетически различные варианты этнонимов указывают, очевидно, на лингвистическую неоднородность каргачинского населения.

Географическое местоположение Каргачинских волостей усугубляется с трудом. Юрты каргачинцев располагались узкой полосой в среднем течении Чулыма. Западная граница волости проходила несколько ниже впадения в Чулым реки Яи. Эту границу уточняет положение старинного села Пышкино-Троицкого (теперь районный центр Первомайское), ранее юрты Пышкинские на реке Куендат, притоке Чулыма. В ХУП в. Каргачинская волость называлась «волость Пышкинская Каргачина над Чулымом рекою», а обитатели ее именовались пышкинскими татарами¹¹. Восточную границу волости определяло положение Бергайских (Пергайских) юрт на Чулыме.

6. Шиллер Г.Т. История Сибири, т.1, М.-Л., 1937, с.413.

7. Боляринова Э.Я. Население Томского уезда в первой половине ХУП в. — Труды Томского гос. ун-та, т. 112. Томск, 1956, с. 89.

8. ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 526, д. 6, л. 20; Потапов Л.А. Происхождение и формирование хакасской народности. Обакан, 1957, с. 170.

9. Томские губернские ведомости, 1862, № 12.

10. Falk I.P. Beitrage zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. Bd.III. SPb. 1785, s. 555.

11. ГАТО, ф. 321, оп.1, д.12; ЦГАДА, ф.199, оп.2, №526, ч. II, д. 6, л. 20.

Этнические судьбы населения Каргачинской волости после ее разделения сложились неодинаково. Сравнительно малочисленное население Малой Каргачинской волости, составлявшее в 1831 г. 49 душ, а в 1889 г. — 52 человека¹², долгое время оставалось этнически однородным. До 1859 года на ее территории не было ни одного русского населенного пункта¹³. В течение XIX века заметно уменьшилось число урт, входивших в состав Малой Каргачинской волости, и со второй половины XIX столетия в ней числятся только урты Бергайские, Каштаковские и деревня Перевов (Кециг). Связи по браку уводили малокаргачинцев главным образом в соседнюю Тутальско-Чулымскую управу и мало распространялись на лежащую ниже по Чулыму Больше-Каргачинскую волость. Можно предположить, что и это обстоятельство подтверждает изначально неоднородный состав Каргачинской волости ХУП — начала XIX столетия.

Больше-Каргачинская инородческая управа вплоть до конца XIX столетия была, напротив, весьма многочисленной. В 1831 году в ней числилось 101 душа оседлых инородцев и 145 душ кочующих¹⁴. В 1889 году общая численность инородческого населения увеличилась до 542 душ (260 мужчин и 282 женщины), живших оседло в поселках и уртах, часто смешанно с русским населением¹⁵. Село Пышкино-Троицкое и деревня Сергеевка были одними из самых первых русских поселений на Чулыме, и внедрение новых форм быта и хозяйства стало быстро сказываться на культурном облике местного населения. Перевод из разряда «кочующих» в разряд «оседлых» инородцев отражал обычно осуществившийся переход к земледельческому хозяйству, требовавшему постоянной оседлости.

Вместе с тем, исчезала этническая замкнутость местного населения, все более многочисленными становились сме-

12. ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 89, 312.

13. Агеева Н.И. К истории основания русских поселений Томской области в связи с изучением русских говоров Сибири. — Уч. зап. Томского гос. пединститута, т. X. Томск, 1953, с. 123.

14. ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 54, л. 16.

15. ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 69, л. 33 и след.

шанные браки, что привело в итоге к частичной, а затем и полной утрате языковой, культурно-бытовой и этнографической обособленности местного населения. Этому способствовало и продолжавшееся в течение XIX столетия расселение чулымских турков этой волости в районы обитания томских и обских татар. Так, по сведениям 1891 года, каргачинцы вне пределов своей волости жили также в селении Иштанском Николаевской волости (на берегу Оби около р. Кужербак)¹⁶.

Ведущим этнонимом для обитателей Каргачинской волости выступает название Мышка (Пушка, Пышка, Ушка и другие фонетические варианты). От него ведет происхождение и название административного центра волости — села Пышкинское. Название Пышка (Мышка) распространено здесь не только в качестве этнонима, но встречается также и в роли родового антропонима и эпонима. Так, в фольклоре каргачинцев имя Мышка стрижено в представлении о двух богатырях-соперниках Уаши Мышка (Длинный Мышка) и Кичиг Мышка (Маленький Мышка). Родоначальником обитателей Малой Каргачинской уезды считается Берегаевский богатырь — Пергай (Бергай) Атэзы, называемый иначе просто Мышкой. По легенде, этому богатырю подчинялось все население, живущее в междуречье Чулыма и Чети, правого притока ЮИИ, впадающего в нее несколько выше устья.

В составе Каргачинских волостей в конце XIX века одной из наиболее распространенных была фамилия Мыскичковых. Источник называет представителей этой фамилии в селе Пышкинском, в деревне Сергеевой и в составе Аргунской волости в юртах Колоначевых¹⁷. В носителях этой фамилии нетрудно увидеть потомков семейно-родовой группы, происхождение которой, очевидно, следует связать с именем Берегаевского богатыря Мышки (этноним Мышка + тюркский суффикс уменьшительности -чек + русское суффикральное -ов). Сейчас на территории современных Эрянского и Асиновского районов, куда вошли земли прежних Каргачинских волостей, нередко встречается фамилия Мысквичевых. Ее появление нельзя объяснить иначе, как переосмыслением и переозвучиванием старинной тюркской фамилии, исходя из понятий и чуждым русскому языку, на котором стали говорить Мыскичково-

16. ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 54, л. 26.

17. ГАТО, ф. 23, оп. 4, д. 89, л. 26.

вы- обрусевшие потомки Мышки.

Привлекает внимание и личное имя Мышки — Бергай Атаэз, обе составные которого дают интересный материал для обобщения. Собственное имя Бергай по форме чрезвычайно схоже с антропонимом монгольского происхождения Берке. Сложный термин АТЭЭИ, которым на Чулыме именуются в исторических преданиях родоначальники отдельных семейно-родовых групп, является слитной формой двух лексем: ата (отец) + ээи (хозяин). Примечательно, что на русский язык этот термин переводится информаторами понятием «тесть» или, реже, «свекор». Термин имеет, таким образом, насыщенное социальное содержание. Сама традиция обозначения представителя власти термином родства характерна вообще для многих тюрко-монгольских народов, у которых именование правителя отцом, дядей, старшим братом и т.п. означало признание себя подданным или свазереном¹⁸.

Чулымско-тюркский этноним Мышка имеет близкие параллели в тюрко-монгольской этнонимике Центральной Азии и Восточной Европы. Так, в составе казахов, у башкиров, в западномонгольском племени дәрбәт существует аула, подразделение родов и роды под названием МАСКАР. По устному разъяснению Р.М. Бирюкович, монгольское по типу окончание этого этнонима могло быть утрачено в чулымско-тюркском языке в результате свойственной для него редукции конечного согласного «р». Род маскар у казахов Младшего жуэа входил в отделение байгулы. Здесь же имеется два старинных кара-китайских аула такого же названия. По мнению Р.Г. Кузеева¹⁹, эти этнонимические материалы, как и некоторые другие черты этнической характеристики башкирских катаяцев, указывают на их связи с Алтаем и Центральной Азией.

Примечательно, что указанный этноним встречается у тех тюрко-монгольских народов, этническая история которых связана с киданями. Распространение этого этнонима в среде тюрков Восточной Европы и Средней Азии связано с появлением в долине Или во второй четверти XII столетия государства

18. Мән-да-бей-лу («Полное описание монголо-татар»). 1975, с. 130.

19. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа, М., 1974, с. 232.

Западное Ляо (Си Ляо), которое у мусульманских авторов называется Кара киданьским. Со среднеазиатским каракиданьским этносом и связывают происхождение киданьского субстрата в составе многих современных тюркоязычных народов — казахов, кара-калпаков, башкиров, туркмен.

Возможно, на основе приведенного выше этнонимического материала предположение об участии киданьского этнического субстрата в формировании тюркоязычного населения Среднего и Нижнего Чулыма подтверждается и весьма обстоятельными сведениями из полевых этнографических сборов и фольклорных записей, сделанных на этой территории. В 1908 году на Чулыме С.Е. Малов²⁰ записал предание (на тюркском языке с русским подстрочником) «Пурун кыдай кижилер ...» — «Когда-то были люди кыдай. Они жили на высоком берегу реки Чулыма (т.е. на правом берегу. — Э.Л.). Тут они выкопали себе зыбове (агда кыштаг калкыа) ... (От них остались и теперь) есть три бугра в «тагал-туге», при изгибе реки, по мысу. Это (были) люди кыдай, а мы ясешиме. Между нами происходили брань и был мир. Ружей не было, были луки и стрелы (мылтых полбан, ок цоцак полган, чыда полган)». Полевые материалы, собранные автором среди чулымских турков в 1870—1875 гг., показали, что подобные представления сохраняются в исторической памяти народа и по сей день. Местом расселения группы, упомянутой в легенде, приведенной С.Е. Маловым, наши информаторы назвали среднее течение реки Чулыма, в начале устья и низовьях реки Кии.

Известно, что кидани принимали участие в формировании некоторых народов, населявших Южную Сибирь. На территории Саяно-Алтайского нагорья, например, следы пребывания здесь кыдаев сохранились в названии сеока Кытат (Китат) и в многочисленных преданиях южных алтайцев²¹. Киданьский субстрат установлен в этногенезе якутов, прослеживается в ис-

20. Малов С.Е. Отчет о командировке студента восточ. го факультета С.Е. Малова. — Изв. комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении, Спб., 1909, № 9, с. 35—49.

21. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, 1920, вып. 1, л. 12—13; Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Т. 1, 1930, с. 99.

тории тунгусских народностей. Для выяснения исторических обстоятельств, связанных с появлением и частичным оседанием киданей в Южной и Западной Сибири, следует обратиться к моменту массового переселения киданей на запад, начало которого имело место еще до окончательного разгрома государства Ляо в 1125 году.

Начальная волна переселения была связана с событиями 1017-1018 гг., когда вышли турки из Сина в большом числе, свыше 300 тысяч кибиток из туркских родов, среди них хитай, которые овладели Мавераннахром...²². Это движение не имело успеха: турки, в том числе и хитай, были разгромлены Газневидами и отступили в прежние пределы. За этой начальной волной рассеивания, которая, очевидно, не сыграла еще большой роли в изменении этнического состава населения Центральной Азии, последовала следующая, гораздо более значительная по своим последствиям.

Она была связана с установлением на территории Северного Китая, монгольских степей и обширных прилегающих районов политической гегемонии чжурчженей, полностью уничтоживших киданьскую государственность. В итоге часть киданей вошла в состав нового государственного образования — Чжурчженскую империю Цзинь, а часть ушла на запад. Движение этой группы шло двумя маршрутами. Часть киданей двигалась через земли Восточного Туркестана, где им был нанесен сильный урон войсками Арслан-хана Ахмеда Кашгарского. Движение киданей через Восточный Туркестан не имело, таким образом, успеха.

Более благоприятным для киданей оказался другой маршрут, который прошел значительно севернее. Киснино на этом пути кидани вынуждены были пройти через киргизские земли. Известия о движении части киданей на запад и о столкновении на этом пути киданей и киргизов проводятся в работе средневекового персидского историка Джувейни (XIII век). По словам Джувейни, «когда кара-кидани подошли к пределам киргизов, они сами производили набеги на жившие в этих пределах племена; те ответили им такими же нападениями;

²² Материалы по истории киргизов в Киргизии, вып. 1. Ч. 1973, с. 501.

²³ Бартольд В.В. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, с. 48-49, 502.

кара-кидани были вынуждены уйти еще далее на запад", а затем поселились в области нынешнего Чугучака в Тарбугатае, положив тем самым начало кара-киданьской государственности в Средней Азии²³. Джувейни не приводит хронологической даты похода киданей на киргизов, но она может быть приблизительно установлена по другим источникам. Э.В. Бартольд, оперируя материалами китайских хроник и некоторых мусульманских источников, пришел к выводу, что столкновение с киргизами имело место после 1121 г. и до 1124 г.²⁴

В свете историко-этнографических фактов можно объяснить причину столь легко осуществившегося оседания части киданей в тюркоязычной среде и быстрой его ассимиляции. Средневековые кидани включали в свой состав не только искусных земледельцев и кочевников-скотоводов, но и племена, ведущие охотничье-сбирательский образ жизни. Характеризуя древний быт дома киданей, китайская летопись сообщает: «Занимались звериной ловлей, не имели постоянного местопребывания»²⁵. Общие культурно-бытовые навыки, сходный тип хозяйствования не могли не способствовать быстрой консолидации части пришлого этнического элемента в составе ранее обосновавшихся на Чулыме тюрков.

Происхождение части тюрков, осевших в Причулымье, было связано с древней теле-уйгурской средой²⁶. Но оба народа — уйгуры и кидани — в эпоху древнетюркской, а затем киданьской государственности нередко выступали как политические союзники. Более того, в киданьском государстве глава его по традиции брал себе жену из аристократического уйгурского рода.

Сходство древних тюрков и киданей особенно прослеживается в погребальном обряде. Обыкновения (киданей. — Э.Л.) вообще несколько сходны с тукюэскими. Покойников не погре-

24. Бартольд В.В. Сочинения ... с. 503.

25. Бичурун (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.-Л., 1950, с. 362-363.

26. О месте термина БЕЖИ в системе тюркской этнонимии. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 21. Томск, 1976, с. 261 и след.

бали, а на телеге, запряженной лошадью, относили в гору и полагали на вершину дерева²⁷. Это замечание заслуживает особого внимания, поскольку представление о воздушном погребении весьма четко сохранилось в фольклоре чулымских тюрков, в частности – каргачинцев. Этот однотипный во всех рассказах обряд воздушного погребения подробно описывается в очень распространенной на Чулыме биличке.

Вот примеры таких описаний. «В Буянах ниже по Чулыму жил старик Мангачак с женой. Детей у них не было. Старик был скулой. Было много рыбы. Мангачак похлепал припусти рыбу старухе. Он будто бы умер. Раньше не понимали, что хоронить – закопывать в землю, несной он «умер». Жена положила его в стиронку, закрыла, каждый день напещала. Обычай: положить мертвому котелок, ложку, но есть не дожить. Каждый день жена ходила и видела, что борода у старика в рыбьей икре снежей. Больше недели лежал. Стала примечать старуха, что старик живой. Однажды утром подошла, плачет. Лишних людей не было. Был раньше зверь кик²⁸, сейчас его нет, он был похож на оленя, их было много. Старуха плакает: «Сколько кик ходит, а убить их некому». Старик соскочил: «Где кик, старуха?» – «Чего же дед делаешь? Лучше бы ты мне давал одного карасика, но жил. Старик раскаялся и вернулся к себе в землянку» (Сообщила Н.С. Кулева, пос. Куднова Гарь).

В других рассказах информаторы добавляют, что для воздушного погребения сооружался специальный помост – лабаз: «А вот раньше наших не хоронили. Рубили сруб в лесу с лобого дерева, примерно метра два вышиной было. Туда лестницу ставили, как рассадник, и туда клали с собой что имеется, с чем на охоту ходят – все туда клали. Притворился (один), который нарочно умер, его все снасти тут, тоньки в озере стояли. Раньше питались рыбой и мясом. Жена приходит в памятный день, увидела, что здесь у него икра осталась во рту, в губах. Она давай плакать: «Дет был бы

27. Бицурин (Накинф) И.Я. Указ. раб., с. 362.

28. Кик, а-кик (чул.-тюрк.) – ср. древнетюрк. КИК – зверь, дикое животное (родовое понятие); кроме того, кик-горный козел.

мужик живой, пять штук оленей идут, поймал бы". Он и вскочил". (Сообщил Г.И. Толбенов, пос. Берегаево).

Обычай воздушного погребения широко распространен у многих народов тюркской группы: якутов, телесов, шорцев, тувинцев, карагасов, киргизов (временное погребение) и, очевидно, восходит к эпохе совместного существования предков всех названных народностей в одной историко-культурной среде. Возможно, что и широкая распространенность подобного обычая воздушного погребения у народов тунгусоманьчжурской группы, в особенности у эленков, и монгольской группы (бурят) объясняется теми же причинами.

Во всяком случае, китайская летописная хроника о тюрках-теле сообщает: «Покойных полагали в гробу и ставили в горах или привязывали на деревьях»²⁹. О схожем обычае у племени си (хи), кумоси (кумохи), входившем в состав киданей, также сообщается, что они «умерших, завернув в тростник и траву, вешают наверху дерева»³⁰.

Кроме древних, средневековых и современных тюрко-монгольских и тунгусоманьчжурских этносов, обычай воздушного погребения известен у ряда сибирских народов, не входящих в алтайскую языковую семью. Он распространен у ближайших соседей чувшмцев — хантов, кетов и селькупов. У последних Г.И. Пелих например, выделяет особый культурный компонент «Г», включающий воздушное погребение, особой формы полуземлянку, напоминающую тюркский одаг, лук из двух пород дерева и пр.³¹ Компонент «Г» у селькупов выражен весьма слабо и в полном сочетании встречается «не столько у нарымских селькупов, сколько у их ближайших соседей — карагасов», т.е. у тюркоязычных обитателей Оби, Томи и Чулыма³². По мнению Г.И. Пелих, наиболее характерные черты

29. Бичурин (Иакинф) И.Я. Указ. раб., с. 348.

30. Конер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 305; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 326.

31. Пелих Г.И. Указ. раб., с. 213-215.

32. Там же, с. 147.

этого компонента, в особенности погребальная обрядность, могут быть сопоставлены с культурными традициями киданей.³³

В числе этнографических особенностей чулымцев, которые, возможно, относятся к киданьскому первоисточнику, следует упомянуть местный обычай, по которому после захода солнца нельзя покидать помещение и заниматься какой-либо работой вне его. О сходных привычках киданей упоминается в арабской хронике Ибн-ал-Асира³⁴. Хронист сообщает об одном из эпизодов борьбы между киданями, хорезмшахом и царями Гура. Победа в этой борьбе осталась за гурцами, потому что они внезапно ночью напали на киданей, «а у хитаев в обычай ночью не выходить из шатров и не покидать их».

Совокупность рассмотренных исторических и этнографических материалов приводит к заключению, что происхождение киданьского элемента в составе чулымцев следует связать с центрально-азиатскими киданями и датировать время его появления второй четвертью XII столетия.

Киданьский компонент, несомненно, мог влиться в состав и других групп тюркского населения, но по ряду обстоятельств исторические следы его существования сохранились отчетливее всего в этнографии и этнонимике каргачинцев. На более широкое проникновение этнических элементов киданьского происхождения указывает, возможно, название одной из татарских волостей на Томи — Соргулиной волости. Она очень поздно, только в 1661 году выделяется в составе старых ясачных волостей Притомья. По предположению Б.О. Долгих, Соргулина волость могла отделиться от какой-то известной ... группы плательщиков ясака, или, может быть, даже от зуштинцев³⁵.

Во всяком случае, выделение Соргулиной волости во второй половине XVII в., бесспорно, указывало на этническую обособленность ее населения. В 1771 году Зальк записал местное название волости в форме *Woschî Ion* — боши, или боши Ион.

33. Пелих Г.И. Указ. раб., с. 213-215.

34. Материалы по истории киргизов в Киргизии, с. 70.

35. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов С.-сири в XVII в. М., 1960, с. 97.

Этноним этот известен в Центральной Азии с глубокой древности. В китайских источниках он встречается как название одного из племен хунну — Боши³⁶. В более позднее время он упоминается как название одного из киданьских племен³⁷. Несомненным указанием принадлежности боши или боши к киданьской этнонимике является фонетик си (ши), которой и был этнонимом или государственным наименованием киданей. В эпоху киданьской государственности он был представлен фонетическим рядом чи — це — ци — ки — си — се (диалектические варианты членов ряда си — се — ши — ше). По мнению Стратановича, «этот фонетический ряд, связанный с первым наименованием киданей ... приводит нас к наименованиям различных народов тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской групп ... некогда, в период складывания родоплеменных образований, весьма близких друг другу».

Следы киданьского культурного и этнического элемента на территории Причулымья и Притомья сохранились не только в этнонимах, очевидно, киданьского происхождения, к которым можно отнести название местных волостей мышха и боши, но также и в материалах фольклора и этнографии тюркоязычного населения этого района.

---

36. Стратанович Т.Т. К вопросу о наименовании государства Кидань и Ляо. — В кн. : Топонимика Востока. М., 1964, с. 98.

37. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895, с. 239.

Н.Э. Лукина

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА ХАНТОВ р. НОРОЛЬКИ

Во время этнографических экспедиций 1971-1973 гг. мы занимались уточнением вопроса о границах расселения хантов р. Васюган. С этой целью производились, в частности, респросы пожилых хантов о территории проживания их предков, о культовых местах, о топонимах и связанных с ними легендах. Особый интерес представлял бассейн правого притока Васюгана - Норольки, считающейся в устной традиции границей между васюганскими хантами и селькупами. Наиболее полные сведения о культовых местах и топонимах этого района были получены от Е.Н. Ангадиной¹ и частично проверены в беседах с другими лицами. Эти данные о расположении притоков и поселений р. Норольки совпадают с официальными².

Прежде чем перейти к изложению полученных сведений, перечислим категории упоминаемых объектов в понимании хантов:

Амалтыв - прорубь.

Вонт - лес, урман.

Игай, игы - небольшая река.

Игол - небольшая река с несколькими притоками, берущая начало с болота.

Бх - река, приток, лоды; местность, заселенная лодыи или животными.

Егон - большая, главная река.

Кор - плес.

Чеги - ответвление реки, рукав.

Мэлэн - глубокое место, омут.

Пэля - мыс, яр.

Пёх - временная речушка.

Пугал - поселение, юрта. Наличие хотя бы одного жилища позволяет говорить о пугале.

---

1. Елена Николаевна (по матери Тагаева, по отцу Синарбина) родилась в 1920 г. в с. Аллолово на Васюгане. Была замуж за Ангадиной и после этого проживала на Норольке.

2. Юрта Томской губернии, 1911.

Сига - небольшая река, берущая начало с болота.

Сур - имеет несколько значений : пастбище или место отдыха лосей и оленей, местонахождение духов, поселение древних людей.

Сэв - речушка, мещая исток в озере.

Тух - озеро (редко).

Уры - курья.

Эмтор - озеро, большое озеро.

Перечень топонимов приводится, начиная с устья Нурольки.

Ярын-ях, Ярын-ёгон (Большой разлив, река) - р. Нуролька.

На ней жил народ Ярын-ях-пэлэк-ях (пэлэк - сторона). В устье находились орты Ярын-ях-он-пугал (он - устье). Здесь находилось женское жертвенное место, на котором, по преданиям, женщины выбирали себе мужей³. Старые ханты рассказывают об этом так : «В устье Нурольки, там, где на мысу стоял старый кедр, находилось женское жертвенное место. Оно называлось Саваркыла (Лягушка, Жаба). Там только женщины делали подарки духам. Давным-давно женщины выбирали там себе мужей. Собирался народ, разводили костер и ставили на него котел с водой. Когда вода закипала, туда бросали лягушку или жабу. Когда она сварится и утонет в воде, к котлу садились парень и девка. У них в руках были деревянные ложки, которыми они ловили в котле жабу. Если их ложки не встретились, к котлу садился другой парень. Когда ложки встречались, парень с девкой потом женились. А к котлу садилась другая пара. А вот недавно один цужик, некрасивый лицом, сварил себе две жабы - самца и самку. От самки взял косточку - вилку и пришел на локоть левого рукава рубахи, от самца взял косточку - крючок и пришел на локоть правого рукава. Вот понравилась ему женщина, он мимо нее шел и как будто невзначай задел ее правым локтем. Она вся к нему тянется, да и только. Стали вместе жить. Он задел ее левым локтем, и она начала его гнать : «Уходи, черт страшный !» Разошлись. Так он всех женщин в деревне то

3. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Часюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Томск, 1977, с. 204-206.

правым локтем заденет, то левым. Жабы привораживает и наоборот"⁴.

Недалеко от устья Нюрольки устраивали жертвоприношения местным духам. «Я видела, как недалеко от впадения Нюрольки в Чапаган семья Кына-ряч устраивала парры (угощение). На берегу доски постелили, черного быка закололи. Три котла мяса наварили, на стол положили. Потом старик смотрит на Нюрольку и кричит: «Шё-ё-ёк! Шё-ё-ёк! Смотрите, местные духи, водный дух, все сюда смотрите!». Народ собрался, суп с крупой едят. Некоторые загадывают в шутку: «Сколько я в этом году добуду?». Ложкой суп зачерпнут, сколько крупинок в ложку попадет, столько зверя добудет. Один говорит своей дочери: «Ну-ка ты загадай, сколько найдешь женихов?». Шкуру быка потом в воду бросили, она была обещана Яенк-онгу (водному духу)».

Река Эмишал. Рты Пернянгини, жили Эмишал (русская фамилия Пернянгин). «Здесь было место Старика - главного духа Нюрольки Эля-юнг-сур (Большой дух, место). Оно называлось Эгон-ягорт. На Нюролке было еще два юнг-сур: в Мыльджино и выше Чарыново. Они были дети этого старика. В лесу около Пернянгино старик Пернянгин нашел котел с золотом, берестой закрытый».

Река Славгородка.

Сегаркин-пугал (Захаркины рты). Жили Мыльчи (Мыльджини) и Кырах - Шехок (Карауловы).

Река Ад-ни (Маленькая женщина). На ней рыбачили Вачу, жили Мыльчи.

Река Саллар. Жили Мыльчи и Кырах.

Мыльчи-пугал. Жили Мыльчи. «Сейчас там никто не живет, все переселились в пос. Мыльджино. На месте этого поселка, там, где р. Шайтанка впадает в Нюрольку и стоит дом Е.Н. Ангалиной было жертвенное место, второе на Нюролке юнг-сур. Оно называлось Ват-ов-юнг-сур (ват - город)».

4. Рассказ П.Н. Синарбина (брат Е.Н. Ангалиной), 1928 г. рожд. Пос. Новый Васюган Кедровского района Томской области. Все последующие рассказы ведутся от имени Е.Н. Ангалиной.

5. Материалы по фольклору хантов. Записи, введение и примечания В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. Томск, 1978, с. 152, текст 140.

Рена Ихватали-ёгон.

Бека Калага-игы.

Сол-уры (Ийшки курья). «Здесь дрались богатыри Альви и Дэвэс»⁶. Река Тачнал. Жил народ Анкаля-Пень (Ангалины).

Уры-пугал (Куры юрты) - Нижние Члоровые. Жили Анкал и старик Талин-ряч (Алдаров).

Пухлялим-полэк-уры.

Ихвяи-уры.

Пыхал-меги-уры. Старица Дасюгана.

Лат-уры (Яма курья). Здесь куры ямами соединяются.

Калага-игы.

Кагач-игэй. Кагач-пугал (Кагач - «кто-то давится, когда ест») - юрты верхние Члоровые. Жили Кагач, Анкаля и Талин-ряч.

Кугач-пугад-пеля. «Выше Члоровой богатырь жил, там оборона была»⁷.

Ангалин кий плес. «Линный плес на Члорольке. Там жили остяки под землей. Потом эти остяки, Ангалины, дрались начели между собой, землянки обвалились, всех задавило».

Пугалын-игы.

Чарах-уры.

Ряч-пеля. «Узле Члоровой было такое место, называлось Ряч-пеля (Старик инс), или Ряч-пеля-энг-сур. Его называли Анка-мёнкам (дух змея). Здесь на высоком яру есть бугор, похожий на стог сена. Когда мимо едут - стреляют в него. Что попадет, тот долго жить будет. У кого стрела или пуля в уриан уйдет - скоро умрет. За яром есть озеро Ряч-тух, Анка-мёнкам-тух. Земля в нем черная. Если озеро два-три раза обокдешь, то вода в нем закипит, там крутит сильно. Там кто-то живет. Один остяк рыбачил и поймал на удочку маленького человечка (показывает размеры, длина около 20 см. - Н.Л.). Он был в сапогах».

Мелең-уры (большой омут курья).

Чаги-пинкы-уры (Белой воды курья).

Ехвар-уры.

6. Там же, с. 44, текст 62.

7. Там же, с. 36, текст 47.

Крты Окуневка. Хантыйского названия нет. Основана лет 50 назад. Жил старик Кына-ряч (Кунин).

Река Кулы-пёх.

Река Коны-ёгон.

Аппал-мин-вонт (Тобака лэых урман).

Река Каленкоял.

Река Тух-сигат. Крты Тух-сигат. Основаны недавно, жили разные фамилии.

Кырах-пугал (Мешок врты). Жили Кырах. "Это нехороший поселок. В доме у них в чугале ночью кто-то в две ступки стучит. Люди собрали свой шай (веали) на нарты и ушли отсюда".

Яр Путин-инка-пеля (Иотельный яр). Здесь две семьи жили.

Сэв-пугал. Основаны недавно, жили Кырах.

Река Сэв-пугал.

Кыкын-уры. "Здесь находится инка-мёнкам. Когда человек сюда впервые приходит, нужно маленький молоток (мах) в дар положить. Когда мы сюда подъезжали, мне снится ночью старик и говорит, чтобы я сделала три молотка - на себя и на двух ребятшек. Нужно было опустить их в воду за облаком и тянуть. Мы туда приплыли, я сделала три маленьких (показывает размеры, около 25 см) молотка, на один три красных ленточки повязала и на дерево повесила".

Мяккын-уры-меги.

Томал-игы. "Это место называется Инка-мёнкам-выня (дух вьел невеста). Все Ангальны здесь так делают: если мимо едут и с ними едет невеста, которая еще здесь не бывала, то она должна надувать рот и живот".

Кор-сэв. "Здесь мы ехали, в лодке три коровы веали. Лодка остановилась, не идет. Парни лезли в воду, не могли столкнуть. Лодка села на какой-то корень. Потом все же поехали. Один старик объяснил: "Вы две невесты везли, надо было подарок сделать. Невеста здесь должна игольник и украшение в косы сделать и повесить их; а вы не сделали. Поэтому инг (дух) вас держал".

Река Кулун-игы.

Эллэ-виг-меги (Большой дух протока).

Лухунянку-игы (В.И. перевела : Грухариный яр, перевод не точен).

Анг-погол (дух-запор). «Здесь сильно крутит и перелорачивает лодки. Нужно дать дар, и когда еду, всегда пешком обхожу это место. Если семьей едут, то ребяташек высаживают, пешком по берегу идут, а лодки перевками тянут. Жерам-ях⁵ здесь ехали, смеялись : «Чего здесь бояться ?!» Поехали на лодках и все утонули».

Парры-ляхлэм-кор. «Лес, где парры. Здесь семь мысов, ханты большой пир делали».

Кяна-пугал-Чарымово. Имя Кяна, Чарымовы. «Выше Чарымово было третье на Нюрольке место юнг-сур. Оно называлось Анк-акалтыв (Дух прорубь). Там же был мыс Нэгэ-нян'-ики-пеля (Лось хлеб старик мыс). На нем вывешивали в жертву шкуру лосенка с копытами и головой. Здесь все нюрольские остяки должны Торма-Пир (Торум жертвоприношение) делать. Кто оленя добудет, его голову вешает. Мой отец первого оленя добыл около Тух-эмтэр, голову оленя высоко на дерево привязал. Мне показывал : белееет что-то в верхушке дерева, высоко. Обычай такой был : первого оленя или лося добудеэ, мясо они не ешь, отнеси старикам, своим или чужим».

Река Эллэ-кагал.

Река Лиан-игы (Черемуховая).

Река Агэм-сэр-игы.

Как видно из вышесказанного, на Нюрольке существовало немало мест, в том числе и культовых, которые нашли отражение в мифологии хантов. Но одно это не может служить основанием для решения вопроса о давности их проживания на указанной территории. Места, связанные с почитанием духов, могут иметь и сравнительно позднее происхождение. В целом ряде случаев местом обитания духов ханты считали территорию, на которой находился какой-либо необычный предмет или происходило событие, выражавшее их воображение. Чаще всего такие духи причислялись к разряду мест-

9. Так ханты называют селькупов.

ных, и использование данных о них для изучения вопросов этнической истории народа требует большой осторожности.

Более важными нам представляются места, почитаемые определенной группой населения, и только ею (в данном случае — хантами р. !! ролыки) в качестве общественных. Для возникновения подобной ситуации необходим достаточно продолжительный отрезок времени, в течение которого группа должна осознать себя как некую самостоятельную часть своего народа. Если же объект почитания группы связывается с определенной территорией, то можно предполагать и длительное ее проживание. Такая картина наблюдается на Нурольке. Здесь фиксируется наличие жертвенного места Нёга-нян' ки-пеля, расположенного выше урт Наримовых, на котором все ханты Нурольки делали жертвоприношения Торуму. Второе общее культовое место называлось Ёгон-ягорт, где обитал «главный дух Нурольки» и двое его детей. Несомненно, древнего происхождения и жертвенное место в устье реки, где женщины выбирали мужей.

Некоторые культовые места хантов Нурольки могут быть связаны с наиболее важными и древними объектами почитания васюганцев. Как для первых, так и для вторых было характерно признание главного духа и двух его детей, на Васюгане это были духи женского, а на Нурольке мужского пола. Главным жертвенным местом, основанным легендарно: старухой, приплывшей на Васюган «на корабле», когда здесь «было море», считалось Пяй-ими (Мыс старуха) на берегу озера Тух-эмтор. Ее двумя дочерьми были основаны культовые места, расположенные ниже по течению Васюгана — у урт Калтаьга и Калганак. На Васюгане каждое из этих мест почиталось определенной экзогамной группой.

Согласно упомянутой легенде, ее героиня Старуха, двигаясь с семьей в Нурольки по ее притоку Тух-сигэ к озеру Тух-эмтор, на одном из островов пожертвовала духам своего мужа. Это место стало жертвенным и называлось Ики (Старик). Возможно, что оно каким-то образом связано с культовыми местами Ряч-пеля (Старик мыс) и Ряч-тух (Старик озеро), расположенными на Нурольке недалеко от впадения в нее Тух-сигэ; обитал здесь антропоморфный дух мужского пола.

Привлекает внимание и еще один факт. На культовом месте Норольки, у Мякын-буры положено было дарить духу деревянные миниатюрные молоты. Обычай изготовления в дар духу больших деревянных молотов, один конец которых имел форму головы лося, был известен хантам Васьгана и является, несомненно, очень древним, связанным с культом этого животного. На Васьгане было только одно место, где жертвовали молоты — в перховьях реки у озера Тух-Эмтор. Возможно, что с этим обрядом связано принесение молотов в жертву духу и на Норольке. Вообще ханты Норольки относились к культовым местам, сосредоточенным у озера Тух-Эмтор, с неменьшим почтением, чем сами васьганцы.

Все вышесказанное дает основание предполагать давнее проживание хантского населения на р. Норольке, может быть, с тех же времен, что и на Васьгане.

ДЕРЕВО В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХАКАСОВ

С деревом у хакасов связана одна из наиболее интересных и малоизученных сторон духовной жизни этого народа, примыкающая к кругу иррациональных представлений о природе и человеке. На материале хакасской этнографии этот сюжет до настоящего времени не разработан.

Экспедиция Томского университета в 1973 году во время этнографического обследования кизильцев Узурского района Красноярского края встретила с очень интересным явлением, память о котором сохранилась в настоящее время только среди пожилых людей¹. Оказалось, что они осознают принадлежность не только к тому или иному сеоку, но и к особому сообществу людей, имеющих общее дерево рода (сбӧктыц агазы): лиственницу, березу, сосну и т.д.². Северные хакасы (кизильцы и качинцы, живущие по рекам Черный Икс и Белый Икс) считают такое дерево своей шулой, чудой (это одна из категорий души у народов Саяно-Алтая)³, и это, видимо, не случайно, потому что как у северных, так и у южных хакасов с деревом рода было связано благополучие, здоровье и жизнь человека. Южные хакасы в настоящее время не осознают непосредственной связи между деревом сеока (сбӧктыц агазы) и категорией души (чула, шула). Северные хакасы говорят: пистиц шула тыт - "наша шула лиственница" или чон чулвэн хазиц - "чула народе береза", южные хакасы употребляют в этом случае другие словосочетания, в них отсутствует термин чула: пистиц агазымыс тыт - "наше дерево лиственница", пистиц сбӧктыц агазы тыт - "дерево нашего сеока лиственница".

---

1. Экспедицией руководила Э.Л.Львова.

2. Первое упоминание о дереве сеока у хакасов находим в небольшой статье М.И.Боргонкова "Хакасские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения" - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с.8-11.

3. Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение, этимология). - СЭ, 1973, № 5, с.108-113.

В данной статье использован материал, собранный автором среди всех этнических групп хакасского населения в 1975-1977 гг. В числе традиционных вопросов о фамилии, родовой принадлежности, возрасте, месте рождения и т.д. каждому из информаторов предлагался вопрос об их принадлежности к тому или иному дереву сеока. Выяснились все возможные характеристики дерева сеока, как культурные, так и социальные. В самом общем виде картина, иллюстрирующая это явление, такова. Свое дерево сеока в прошлом знали все хакасы. Набор деревьев был следующим: лиственница (тыт), береза (хэзыц), сосна (харагай), тополь (тирек), тальник (сѳт, тал), осина (ос), пихта (пуйган), кедр (хузух арас). Сопоставление фамилий, сеоков и деревьев сеока не выявило каких-либо внутренних связей этой системы. В один сеок могли быть объединены люди, имеющие разные деревья сеока и наоборот (см. таблицу).

Название дерева сеока	Название сеока
тыт (лиственница)	төг карма, суғ карма, хобый, четти-пүрү, кызыл гая, хый, пильтыр, том таяс, ах хасха, сохха, ах сохха, ызыр, хубац, пуға, ығы, аргын
хэзыц (береза)	тилит сарай, суғ карма, хобый, кызыл гая, пильтыр, ах пильтыр, суғ пильтыр, сачи, шор, шөгө, туран, пүрүт, хырғыс, хыры, хырғыс, улуғ акир, кичир акир, акир, хац
харагай (сосна)	төг карма, суғ карма, хобый, кызыл гая, хый, том, шор, туран, ах хасха, хара хасха, пүрүт, хамнар, чоде
тирек (тополь)	хый, хөра пильтыр, сибице, туран, пүрүт, чоде, чоцмай, хац
сѳт (тальник)	төг карма, суғ карма, хобый, сарыг, ах хасха, галчид хасха, пүрүт, хал-не.

хуба тал (светлый тальник)	хобый
хара тал (черный тальник)	пильтыр, табан
оо (осина)	хый, ах хасха, "алчаң хасха, халмах
пуйган (пихте)	хобый, хара пильтыр
хузук ағас (кедр)	пура

Как видно из таблицы, наиболее распространенными деревьями сеока были береза и лиственница. У сагайцев почти одинаково часто встречается "принадлежность" к группе лиственницы и березы, у качинцев и кызыльцев - к группе лиственницы, у койбалов - к группе тополя.

Выяснить более четко характер взаимосвязи дерева сеока и сеока-рода на современном уровне наших знаний не представляется возможным, во-первых, потому что до сих пор не изучена структура хакасского сеока, во-вторых, дерево сеока мы застали в размытом и фрагментарном виде. Тем не менее мы попытались выяснить характер их взаимодействия. Например, установить предпочтительность брака между лицами, принадлежащими к разным или одинаковым деревьям сеока, а также способ "наследования дерева" детьми, т.е. найти в институте дерева сеока характеристики сеока-рода. Узнать дерево сеока жены и мужа одновременно удалось только в нескольких случаях. В с.Трошкино Ширинского района в 1977 году мы встретили две качинские и одну кызыльскую семью, один из супругов деревом своего сеока назвал лиственницу, другой - березу.

муж	Ашния	жена	дев.фам. Кокова
сеок	хырым хырымс	сеок	ах хасха
"дерево сеока"	береза	"дерево сеока"	лиственница
муж	Трошкин	жена	дев.фам. Кадышева
сеок	ах хасха	сеок	пура
"дерево сеока"	белая береза	"дерево сеока"	лиственница

му :	Арыпкзев	жена	дев.фем.Янгулова
сеок	бисагар	сеок	кичиг акир
"дерево сеока"	лиственница	"дерево сеока"	береза

В данном случае супруги имеют разные деревья сеока, однако, нам встречались пары с одинаковыми деревьями сеока.

"Наследование дерева" детьми, по непроверенным сведениям, происходило по мужской линии.

Некоторые информаторы не знают своей родовой принадлежности (сеока в его классическом понимании, например, карма, пильтыр, пурт и т.д.). В ответ на вопрос об их родовой принадлежности они называют дерево: листиц соогыбыс тит - "наш сеок (кость) лиственница" (Артонов, Сунчугашев); листиц соогыбыс харагай - "наш сеок (кость) сосна" (Мамышев, Миягашев, Шулбаев, Чебодаев). Сагалаковы своим сеоком-родом считают калтый гальник (сарыг тал), Паквачаковы - березу (хазыц). Иногда информаторы употребляют выражение листиц аргзыбыс... - "наше дерево хакоб-то". В этом случае аргзыбыс "наше дерево" тождественно понятию соогыбыс "наша кость". От информаторов можно было также услышать: Алахтай чоы - тирек - "народ Алахтаевых - тополь".

Характеризуя социальную сторону этого явления, можно сказать, что сообщество людей, объединенных одним деревом, было крупнее, глобальнее сеока и, возможно, существенно более равным. Видимо, не лишено смысла и предположение о том, что дерево сеока когда-то играло роль регулятора социальной жизни хакасов.

Лингвисты, рассматривая лиственницу, березу и другие деревья сеока в качестве этнонимов хакасов, приводят народную этимологию: "Чичинины делали гробы из тополя тирек, поэтому на них говорят тирек (а их сеок чоигмай)"⁴. В данном объяснении причина и следствие поменялись местами. Наблюдения показывают, что с деревом у хакасов связаны обширные и разноплановые представления. На хакасском материале ясно выделяется культурная, мировоззренческая сторона этих представлений, тесно связанная с образом человека.

Хакасская этнография и лексика позволили выявить факты отождествления хакасами человека и дерева. По рассказам пожилых информаторов, падение дерева, увиденное во сне, означало

4. Боргояков М.И. Указ.соч., с.10-11.

смерть человека⁵. Гибель растущего зеленого дерева ассоциировалась со смертью молодого человека, высохшего — со смертью старого. Этот факт говорит, видимо, о древних представлениях мировоззренческого характера, возникших в ту пору, когда, познавая окружающий мир, человек "строил" его по своему подобию⁶, называя одним словом часть человеческого тела и часть предмета природы. Например, хакасское слово салаа означает одновременно "ветвь дерева" и "палец", слово тамыр — "корень дерева" и "кровеносный сосуд"⁷.

Если человек вообще отождествлялся с деревом, то группа людей могла отождествляться с группой деревьев, род. женная группа людей — с родственной группой деревьев, то есть деревьями одной породы. Здесь мы подошли к так называемой чула (чула) северных хакасов, или дереву соека южных хакасов с несколько другой стороны, показав мировоззренческую сторону описываемого явления.

Живой человек, отождествленный в представлениях хакасов с деревом определенной породы, был связан с ним невидимой нитью. Эта связь обеспечивала здоровье и благоденствие группе людей, шедшей одно дерево соека, поэтому они называют его чон чулавы — "чула народе".

Видимо, не случайно и после смерти человек был связан с деревом. По сообщению И.Г.Георги, в конце XVIII века бельтиры, койбаны, моторы привешивали умерших к дереву⁸, так же поступали

5. Семантика такого рода сопоставлений универсальна. Зеления Д.К. Тотемы-деревья в сказках и обрядах европейских народов. — Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. XV, вып. 2. Л., 1937, с. 47.

6. Гудевич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 40-4.

7. Хакасско-русский словарь. М., 1953, с. 170, 216. Не тождество названий частей дерева и тела человека в алтайских языках обратили внимание и лингвисты. См.: Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 151-223.

8. Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. О народах татарского племени. СПб., 1796, с. 166; Ч. III. Семейские, манджурские и восточные сибирские народы. СПб., 1797, с. 14, 16.

предки современных хакасов в XIX веке⁹. В конце прошлого столетия на деревьях хоронили только маленьких детей, а взрослых — в выдолбленном гробу в могиле, но при этом, отправляясь в лес для изготовления "домовины", говорили, что идут "делать покойнику дерево"¹⁰. Пожилые информаторы рассказывали нам, что умершего помещали в долбленный гроб таким образом, чтобы его голова находилась в том конце, где была вершина дерева. Шаманов могли похоронить, "привязав к лесине головой вверх арканами"¹¹. Детей в середине XIX века не только подвешивали к дереву, завернув в бересту, но "иногда клали их в дупло, а сверху закрывали древесной корой"¹². Деревья, на которых хакасы хоронили в XIX столетии, были следующих пород: лиственница¹³, тополь¹⁴. По свидетельству современных пожилых людей, для этой цели служила и береза.

Таким образом, не лишено смысла предположение о том, что хакасы называли, например, Чичмянских тирек (тополь), не потому что те делали гробы из тополя, а потому, что тополь был деревом их сеока. Поскольку с деревом определенной породы были связаны и жизнь, и смерть той или иной группы хакасов (группа сеоков, фамилий), они делали гробы именно из этой породы дерева. Народная этимология этнонима (с названием дерева), приведенная М.И.Боргояковым, видимо, зафиксировала последнее осмысление явления, корни которого в действительности лежат глубже, чем это кажется на первый взгляд.

В целом описанное явление, заставило автора попытаться по-новому взглянуть на некоторые стороны духовной жизни хака-

9. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. 1845—1849. — Материалы землеведения и путешествий. Географический сборник, т. VI, ч. II, М., 1860, с. 379; Катанов Н.Ф. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. — Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Каз. ун-те, т. XII, вып. 2. Казань, 1894, с. 125.

10. Катанов Н.Ф. Указ. соч., с. 125.

11. Каратавов И. Черты внешнего быта качинг-их гётар. — Известия ИРГО, т. XI, вып. 6. Сиб., с. 634.

12. Катанов Н.Ф. Указ. соч., с. 125.

13. Кастрен М.А. Указ. соч., т. VI, ч. II, с. 379.

14. Катанов Н.Ф. Указ. соч., с. 116.

сов. Выяснилось, что дерево играло важную структурообразующую роль в семейно-бытовой обрядности, в традиционных представлениях о природе и человеке, в шаманстве. Это нашло отражение как в эпосе, так и в шаманском фольклоре. Наблюдения этнографических реалий и знакомство с фольклором убеждает в том, что исследования в этом направлении могут быть плодотворными и не ограничиваются хакасским материалом. Дальнейшее изучение круга явлений, связанных с деревом, поможет осветить еще одну грань древнего мировоззрения саяно-алтайских народов.

В.М. Кулемзин

О ЧУВСТВЕ СТРАХА У ХАНТОВ-ОХОТНИКОВ

В настоящее время ханты успешно приобщаются к общесоветским формам культуры. В их быт прочно вошли современные виды охотничьего оружия; в рыболовстве трудоемкий ручной труд значительно облегчен техникой. Коренной перелом наступил и в области духовной культуры — новое атеистическое мировоззрение вытесняет старые представления о мире. Однако определенная часть людей старшего поколения еще придерживается прежних взглядов, и это, естественно, не может не отражаться на их отношении к действительности. Поведение и реакция пожилых охотников на происходящие события оказывают некоторое влияние на лиц более молодого поколения, стремящихся максимально использовать накопленный в прошлом опыт.

Традиционными источниками существования хантов были охота и рыболовство. Профессия охотника еще и сейчас сопряжена с опасностью и риском, в прошлом же эти факторы, несомненно, имели гораздо большее значение.

С.И. Королев справедливо отмечает, что ряд явлений, с которыми человек сталкивается на практике, невозможно объяснить никакими другими причинами, кроме особенностей психического склада.¹ Для хантов-охотников, по моим наблюдениям², иногда характерно равнодушие к предстоящей опасной ситуации во время охоты. Как известно, осознание человеком опасности вызывает у него определенные эмоциональные реакции. Одна из них — страх — имеет различные формы, степени и оттенки проявления. Психологи различают два вида страха — стенический, т.е. нерезко выраженный, заранее предполагаемый, и астенический, т.е. выраженный мгновенно, например при угрозе для жизни. Дорной проявлялся стенического

1. Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970, с. 13.

2. Данное сообщение основано на личных впечатлениях и материалах, собранных автором в 1969-1975 гг. у хантов Васюгана, Ваха, Югана, Пима и Тром-Агана.

страха может быть осознание опасности, которое вызывает осторожность, продуманность действий. Известно, что биологическим механизмом стенического и астенического страха является активно-оборонительный рефлекс; лишь некоторые степени астенического страха (сильный испуг, ужас) характеризуются полным подавлением рассудка и их механизмом является пассивно-оборонительный рефлекс, проявляющийся в форме оцепенения, слабости, нецелесообразных поступков и т.д.

Астенический, или мгновенно выраженный страх, и реакция на вызывающую его ситуацию проявляется у хантов так же, как и у большинства людей. Подтверждается это их поведением в момент угрозы жизни, например, в случаях внезапного появления змеи у ног идущего, неожиданно раздавшегося рядом сильного звука, случайного падения и т.п. В подобных ситуациях они мгновенно принимают необходимые меры защиты: прыжок в сторону от змеи или стремление найти опору при падении и т.д. При сильном испуге бывают случаи оцепенения, слабости, потери сознания. Что касается страха стенического, т.е. не мгновенно выраженного, а заранее предполагаемого вызывающей его ситуацией, то здесь картина несколько иная.

В этом отношении особенно показательны поведение охотника во время охоты на медведя. Ханты исходят из того, что встретившийся зверь либо добровольно вышел на охотника, поскольку кончился отведенный ему свыше срок жизни, либо этот зверь — один из умерших людей, изъявляющий желание навестить своих родственников. В медведя, по их представлениям, превращается не каждый человек, а только желающий вернуться в общество людей, поэтому каждый встретившийся зверь обязательно должен быть отстрелян, т.е. «приглашен в гости». Отсюда исходит одно из названий этого зверя вор-ку («лесной человек»). Охотник, отстреливающий медведя, действовал хладнокровно. Если позволяло время, он кратко сообщал медведю, что ему не требуется мясо «лесного человека», а последний приглашается как гость. Здесь же охотник должен был продемонстрировать свой достаток — показать зверю приготовленный заранее кусок мяса или сала. Если же обстоятельства не позволяли проделать эти

действия, то последние производились после того, как зверь был отстрелян. Большой рабницы в этом ханты не видели, так как считали, что смерть для любого живого организма наступала только после полного разрушения его внешней формы. Дальнейшее обращение с убитым медведем сводилось к демонстрации того, что это был действительно «пришедший в гости». Собственно говоря, убийство зверя с точки зрения хантов — это единственный способ приглашения «жского человека» в гости. Однако, коллективное поедание мяса в конце торжества должно было как-то объясняться хантами, коль скоро оно «разоблачало» их истинные намерения. В целях своего оправдания они при поедании мяса подражали голосу ворона, и это означало, что «не люди едят мясо, а ворон».

Таким образом, во время встречи со зверем, когда охотнику угрожала реальная опасность, страх в наглядных формах выражен не был. Но было бы неправильно приписывать охотникам его отсутствие вообще. По представлениям хантов, скелет съеденного медведя обрастает плотью, т.е. зверь вновь обретает жизнь. В связи с этим существовал обычай, запрещающий дробить и разбрасывать кости животного, так как впоследствии «искалеченный» таким образом медведь мог отомстить. Человека, случайно нарушившего этот запрет, охватывало чувство страха, освободиться от которого он мог, только принеся искупительную жертву.

Все сказанное выше относится к предусмотренным, заранее отработанным, «стандартным» встречам со зверем. Очевидно, что в подобных случаях ханты в своем отношении к действительности руководствовались не самой действительностью и ее связями, а своими представлениями о ней. Но не всегда эти представления могли служить практическим руководством к действию. В практике охотника часто возникали непредусмотренные ситуации, различные по своей сложности и опасности. В каждом конкретном случае решающую роль играл огромный коллективный опыт, накопленный в течение многих столетий. Он был основан на рациональных знаниях и наблюдениях над поведением зверя и вырабатывал вполне разумные методы и приемы действий. Так, несмотря на представления хантов о том, что встретившийся медведь — это пришедший в гости человек, коллективный и индивидуальный опыт как бы исключал эти представления и предписывал охотнику обязательные

требования : не подходить к зверю с подветренной стороны, иметь не менее двух собак, стрелять или бить рогатиной в наиболее уязвимое место и т.д. В критических ситуациях реакции и поступки хантов определялись не столько их представлениями, сколько коллективным и индивидуальным опытом.

Не менее интересно поведение хонто в тех случаях, когда они теряли в тайге ориентацию. Нужно сказать, что в условиях крайне редкого населения лесотундровой зоны Сибири для русского человека такие случаи часто были роковыми. Осознание полной затерянности в таежных дебрях, как правило, бросает его в панику, и тогда становится практически невозможным повторить в действительности или в памяти трезки пройденного пути или выбрать равнодействующую прямую, ведущую к жилищу. У хантов это выглядело несколько иначе, и дело не только в том, что они лучше ориентируются. Хант делал остановку, разводил костер и начинал восстанавливать в памяти пройденный маршрут. В таком спокойном состоянии он мог пребывать сравнительно долго. Здесь имели место несколько факторов. Во-первых, в условиях полуседлого образа жизни затерянность ханта являлась относительной. Для него новое место в некотором смысле - то же самое старое, поскольку может быть освоено сравнительно быстро. Без спичек он мог разными способами развести огонь ; при помощи одного ножа, используя подручный материал, мог построить жилище, изготовить средства передвижения, ловушки на зверя и рыбу, сделать необходимый запас пищи и одежды. Во-вторых, хантам была очень свойственна вера в «судьбу», поэтому любая ситуация, предвиденная или непредвиденная, рассматривалась ими как случай, который неибежно должен был иметь место. Вера в непреодолимость «судьбы» выступала в качестве средства преодоления страха. Наши информаторы - ханты с р. Юган рассказывали следующий случай, имевший место несколько лет тому назад. Один из охотников не успел засветло выйти к стойбищу и решил переночевать, звернувшись в шкуру только что убитого им лося, но против обыкновения обернул себя мехом внутрь. Ночью ударил мороз и незадачливый охотник оказался замурованным. Предпринятые попытки разрезать ножом замёрзшую снаружи шкуру мездру не увенчались успехом. Выход был единственный - положиться на судьбу. Через несколько дней товарищи наш-

л. его и помогли освободиться. В первую очередь несчастный спросил, сколько дней он лежал «без курева». Подобные эпизоды рассказывают как комические, в них игнорируется чувство страха перед возможной смертью и подчеркивается какой-либо иной момент. Например, в рассказанном случае акцент был сделан на то, что пострадавший не знал элементарной истины, как правильно использовать в мороз шкуру лося.

На вопрос, почему же тот или иной хант во время сильного мороза и ветра пытался найти направление к дому, коль скоро его судьба было замерзнуть (подобные случаи единичны в памяти хантов) следует ответ: «Он не знал, какова его судьба — замерзнуть или прийти домой. Только теперь видно, какова его судьба».

В-третьих, некоторое значение имеет своеобразное понимание хантами реальной и «потусторонней» жизни. По их представлениям, умерший человек мертв здесь, в среднем мире. В нижнем же мире он живет реальной жизнью, но в «обратном» направлении, поскольку время течет там «назад», т.е. после похорон умерший в нижнем мире переживает сначала вчерашние события, затем позавчерашние и т.д. вплоть до своего реального рождения, после чего он возвращается в действительный, средний мир. Этим и объясняется рождение детей. Появление новорожденного у родственников умершего с точки зрения хантов и есть возвращение умершего из нижнего мира в средний.

Поведение хантов, таким образом, во всех рассмотренных случаях определялось в значительной мере их мировоззрением, в котором кроме преобладающего рационального ичелось и иррациональное содержание. Подобное явление совершенно правильно оценил В.Н. Разов: «Черты национального характера, вытекающие из мировоззрения, проявляются как в степени познания законов природы и общества, так и в различного рода иррациональных явлениях (национальных предрассудках, суевериях, поверьях и т.п.)»¹. Иррациональные моменты мировоззрения, по своему объективному содержанию не имеющие связи с действительностью и отражающие ее неадекватно, тем

1. Разов В.Н. О некоторых элементах национальной психологии. — Вестник Московского университета, философия, 1967, № 2, с. 73.

не менее способствовали более легкому субъективному переживанию охотника в опасной ситуации и иногда являлись одним из способов преодоления стенического страха.

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА
В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Буддизм, вышедший за пределы Индии на рубеже нашей эры, завершил свое шествие на север в девятнадцатом столетии. К этому времени в сфере влияния северного буддизма (махаяны) оказалась огромная территория: Китай, Корея, Япония, Тибет, Монголия, Тува, Бурятия. Успешному проникновению буддизма в традиционную культуру и верования народов Центральной и Восточной Азии во многом способствовало искусство, которое он нес с собой. Отправление культа в буддизме было весьма разнообразным и являлось, по сути дела, синтезом всех видов искусства. Развитие иконографии значительно облегчало восприятие догм религии и была действительным способом удовлетворения эстетических потребностей верующих. В каждой стране буддизм активно влиял на местные религиозные системы и сам, в свою очередь, подвергался их влиянию. Так, в Тибете буддизм долгое время сосуществовал с местной религией бон, в Монголии — с шаманскими культами, а в Китае стал одной из трех основных религий наряду с конфуцианством и даосизмом. Веротерпимость и гибкость буддизма предопределяли включение и консервацию местных добуддийских верований в рамках буддийской догматики. Результаты такого взаимодействия видим и в буддийском искусстве.

Материалом для настоящего сообщения послужили две коллекции: коллекция предметов буддийского культа Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ и коллекция "Монгольские необразительные материалы", хранящаяся в Научной библиотеке ТГУ¹. В них достаточно широко представлено культовое искусство северного буддизма: иконы-свитки и скульптура, культовая утварь и медная пластика, ксилографы и музыкальные инструменты.

Коллекция Научной библиотеки (65 единиц хранения) состоит из буддийских икон на холсте, китайских народных картин — яньхуа и разнообразных графических листов, отпечатанных техникой ксилографии, своего рода заготовок икон. Собрание Научной библиотеки — лишь часть большой коллекции, собранной в начале XX века М.А. Полумордвинковым в Китае. Большая часть

¹ Коллекция хранится под номером "Библиотека 681".

этой коллекции хранится в Томском областном краеведческом музее.

На нескольких живописных иконах-тенгах изображены мандалы, посвященные различным божествам ламаистского пантеона. По сути дела, мандала - попытка графического осмысления строения вселенной, ее план в горизонтальном разрезе.² В центре иконы изображается портретируемое божество, его место в данном случае совпадает с центром вселенной. Иконы с изображением мандалы (№ 5875-5882) - типичный образец буддийской иконописи начала XX века: использование ярких, открытых цветов, обильная позолота, грубая прорисовка деталей свидетельствуют о кризисе буддийского искусства.

Все иконы коллекции - репрезентативные, т.е. являются своего рода портретами того или иного божества. Так, на иконах коллекции изображены женские божества ламаистского пантеона: Аръямаричи (№ 5862) и Зеленая Тара (№ 5883), особенно популярная среди ламаистов. Хранитель юга, Вирудхана, - центральный персонаж иконы № 5878. Живописное поле таких икон насыщено изображениями, которые несут большую смысловую нагрузку: цвет одеяний, жест руки, атрибуты божества - все это своеобразные символы, смысл которых был известен зрителю. Восприятие такого произведения искусства требовало все же определенной подготовки.

В распространении изобразительной продукции буддизма сыграла большую роль техника космографии, получившая значительное распространение в Китае со второй половины XIV века.³ В коллекции Научной библиотеки имеется многочисленные образцы такой продукции. Это обереги, гадательные таблицы, иконы, картины-няньхуа с религиозными сюжетами. Интересны листы тонкой рисовальной бумаги с напечатанными на них черной краской магическими формулами - обереги (№ 5846, 5845 и др.)⁴. Появление таких сюжетов в буддийской иконографии связано, в пер-

2. См. Жуковская Н.Л. Ламанизм и ранние формы религии. М., 1977, с. 44-49.

3. См. Заварская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975, с. 138-139.

4. Анализ аналогичных изображений см.: Огнева Е.Д. "Защитный круг" из Лара-Хото. - В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975, с. 61-69.

В) в очередь, с включением в практику буддизма местных тибето-монгольских култов. Еще более удивительной является композиция (№ 5828), в которой соседствуют священные символы ламейзма и исконно китайские триграммы "ба гуа", восходящие к древней "Книжке перемен" (И цзин). Восемь триграмм, символизирующие небо, воду, горы, огонь, землю и т.д., сопровождаются изображениями различных животных, традиционных для китайского искусства. Рядом — ламейстская эмблема "глав-вси дванг-идан", составленная из шести букв и символов луны, солнца, огня. Всем изображениям сопутствует текст на тибетском языке. Пока не удалось определить смысл композиции в целом, но думается, что наличие "ба гуа" свидетельствует о гадетальном характере всей таблицы.

Большую группу составляют китайские картины — ньянхуа, равнообразные по сюжетам: "Пожелание богатства и счастья" (№ 5869), иконы единичных представителей китайского пантеона (№ 5866—5887, 5888) и т.д. Контуры этих картин непечатанной техникой ксилографии, раскраска произведена вручную.

Коллекция МАЭ ТГУ насчитывает около 180 единиц хранения; ядро ее составляют иконы, привезенные А.Д.Басеневым на Урги в 1908 году. Большинство из этих икон были изготовлены незадолго до их приобретения А.Д.Басеневым и хорошо сохранились до настоящего времени. Все они написаны на холсте минеральными красками и посвящены наиболее популярным персонажам ламейстского пантеона, изображения которых чаще всего встречаются в музейных собраниях. Это будда Шакьямуни, бодхисатвы Авалокитешвара, Дзьячжунри и Майтрея, женские божества Тара (в различных ее формах) и Лхамо — покровительница Лхасы. Репрезентативные иконы рисовались в строгом соответствии с иконографическим каноном, почти не оставлявшем художникам возможности творческой работы. Тибет, Монголия и Бурятия были буквально изобилуют изображениями богов на иконах; их рисовали и высекали на скалах, отливали из бронзы и лепили из глины и папья-маше. Эти изображения должны были "...поразить воображение верующих изумительной красотой божества, а достигалось это в основном за счет усиления декоративности изображения"⁷. Тем не менее художники-ламы создавали, подчас, пре-

5. Williams C.A.S. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New-York, 1960, p.147.

6. Yott P.H. Tibet. В ... L'art dans le monde Birmanie. Corée. Tibet. Paris, 1953, с. 233.

7. Герасимова К.М. Нюансы эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорции. Улан-Удэ, 1971, с.101.

заведения, имеющая определенную художественную ценность. Эстетическая функция такого произведения искусства не вступала в конфликт с его культовым содержанием, а лишь усиливала религиозное воздействие иконы.⁸ В частности, это относится к иконе-святку "Цокшни" (№ 5958/30) и иконе старой тибетской работы, на которой изображен чартан (№ 5958).

Ламаистская скульптура представлена в коллекции изображениями Будды подголетия Амтарса, Тары, Цзонкхавы, различных докштов. Различные формы Тары — желтая, белая, зеленая, синяя — выполнены из глины, очевидно, одним штампом. Они различаются лишь раскраской и изображают богиню милосердия сидящей на лотосовом престоле (№ 5958/7, 5958/23, 5958/26 и др.). Фигура Амтарса выполнена из бронзы и покрыта позолотой (№ 2000), в этой же технике исполнены фигуры докштов — защитников религии.

Культовая утварь: чедники-бумпа, молитвенные мельницы, раковина, сосуд на черепе (габада) — представляют в коллекции прикладное искусство северного буддизма.

Содержание буддийского искусства не ограничивается теми выгачами, которые ставила перед ним религия. У художников Тибета и Монголии не было иных средств для выражения своих земных мыслей: светского искусства эти страны, фактически, не знали. На протяжении веков создавались и закреплялись в буддийском искусстве основные типы композиционного и сюжетного решения произведений. В трансформированном виде памятники буддийского искусства фиксировали культурные и этнические контакты, элементы философии и мироощущения людей, исповедовавших желтую веру. Материал буддийских коллекций ИГУ, таким образом, является ценным источником по истории и этнографии народов стран Центральной и Восточной Азии. Университетские коллекции, вместе с коллекцией ТОКМ, образуют значительный по объему и представительности буддийский фонд музеев г. Томска.

⁸ См. Угрюмович Д. М. Культурное искусство и его противоречия. — Наука и религия, № 1, 1977, с. 51-52.

Ситникова Э.В.

К ВОПРОСУ О НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ В ОЦЕНКЕ
ЛИЧНОСТИ ШАМАНА

По вопросу о возникновении шаманства и личности самого шамана среди исследователей существуют противоречивые мнения. Традиционно считается, что шаман — это прежде всего нервнобольной, склонный к припадкам человек, часто истерик или эпилептик. С.А.Токарев в работе "Ранние формы религии и их развитие" приводит этому ряд свидетельств известных исследователей шаманизма в Сибири¹. Сам он тоже считает, что "момент шаманского "призвания", субъективно осознаваемый как голос духов, требующих от человека вступления в шаманскую профессию, есть объективно нервное заболевание"². В то же время он признает, что "шаман, в отличие от обычного невращающегося и истерика, обладает способностью искусственно регулировать припадки болезни"³. Но сам по себе нервноистерический, и тем более эпилептический, припадок — это еще не шаманское камлание. По данным медицинских исследований, действительно больной человек может искусственно лишь спровоцировать подобные припадки, прекратить же припадок по своему желанию он не может.⁴

В последнее время исследователи все больше склоняются к мнению, что шаманизм — явление стадильное и имеет распространение у всех народов разных частей света на определенном этапе их развития⁵. Сторонники точки зрения на личность шамана как психически полноценного человека в последнее время становятся все больше, хотя пути их исследований часто различны. Ряд мнений по этому вопросу приводит Э.В.Резуненкова в статье "О личности шамана"⁶ и сама высказывает очень инте-

¹ Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 292-294.

² Там же, с. 292.

³ Там же, с. 295.

⁴ Кербинов О.Э., Коркин И.В., Надзаров Р.А., Снежневский А.В. Психиатрия. М., 1968, с. 108.

⁵ Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970, с. 92.

Резуненкова Э.В. О личности шамана. — Советская этнография, 1974, № 3, с. 108.

Тригулевич И.Р., Стратанович Г.Г. Рецензия на книгу "Дому-сульманские верования и обряды в Средней Азии". М., 1975. — Советская этнография, 1977, № 1, с. 168.

⁶ Резуненкова Э.В. О личности шамана. — Советская этнография, 1974, № 3, с. 106-110.

ресную мысль о том, что шаманское камлание следует соотносить с актерским перевоплощением и рассматривать шаманские действия с точки зрения "театра одного актера" (Хотя это частично раскрывает сущность рассуждений о том, что шаман мог быть психически и нервно здоровым человеком, но не дает ответа на вопрос о природе шаманизма и процесса становления личности шамана как социальной единицы общества. Обращение к вопросу о психической олицетворенности шамана закономерно, т.к. само существование этого явления наталкивает на мысль о невозможности следовать иррациональным законам развития, а изучение шаманизма в разных регионах Земли позволит скорее решить проблему в целом, потому что наиболее ярко выраженные местные особенности помогут обратить внимание на то, что ускользало от исследователей шаманизма в Сибири).

Шаманизм индейских племен Амазонии отличается некоторые, наиболее ярко выраженные в этом регионе особенности, в частности — широко распространенное применение различных возбуждающих средств: наркотиков, галлюциногенов и алкоголя. Они используются для создания экстатического состояния самого шамана и всех присутствующих при акте шаманского камлания. Шаман часто играет роль руководителя и распорядителя церемонии, в то время как все остальные являются активными участниками.

Применение наркотиков, галлюциногенов и алкоголя в качестве искусственного возбудителя для создания экстатического состояния шамана существует не только у индейцев Амазонии, и у других народов оно занимает видное место в шаманских культах,⁸ но, пожалуй, нигде не применяются они в таком количестве и разнообразии, как у индейских племен бассейна Амазонки. Эти вещества — спиртные напитки, табак, определенные виды лян, некоторые виды мимозовых и пр. — разнообраз-

7. Ревуенкова Е.В. О личности шамана. — Советская этнография, — 1974, № 3, с.110—111.
8. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скандинавии до Индии. М., 1971, с.86—92.
 Дрилло А., Минц Л. Лян и обычаи. М., 1976, с.70.
 Кудельский Я.М. Шаманство восточносибирских хантов (концы XIX — начало XX в.). — 3 кн.: Из истории шаманства. Томск, 1976, с.60.
 Кучинский Л. Сельва. М., 1977, с.72.
 Ревуенкова Е.В. Шаман и жрец у батяков Суматры. — 3 кн.: Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, с.118.

ны по своей природе, способу приготовления и способу употребления, но выполняют они одну задачу. Применение наркотиков и галлюциногенов в амазонской практике, видимо, объясняется их способностью трансформировать сознание и воображение. Сновидения и галлюцинации, вызываемые применением подобных веществ, истолковываются жителями как общение с духами, указывающими на скрытых врагов, на исход лечения болезни, на результаты будущей охоты или предстоящей войны. Опыт показал, какие вещества можно использовать для создания подобных состояний. Неслучайно, несмотря на обилие наркотиков в Амазонии, в каждом конкретном случае, при разных обрядах и церемониях использовались различные наркотики и галлюциногены, а часто сходные по воздействию на организм получались из разных исходных растений.

У некоторых индейских племен практикуется массовое употребление наркотиков, галлюциногенов и алкоголя. Оно носит обычно церемониальный характер и встречается главным образом во время культовых праздников, а также как возбуждающее во время обрядовых танцев. Этот обычай, возможно, связан с какими-то доамазонскими представлениями и более древними культурами.

Среди всех индейских племен широко распространено применение табака. Табак является слабым наркотиком, чаще он применяется для возбуждения большой массы людей и при лечении больных. Наряду с табаком применяются более сильные наркотики и галлюциногены, приготовленные в виде настоев, отваров или нюхательного порошка. Для приготовления галлюциногена у многих индейских племен применяется лиана *Banisteria caapi*. Настой, получаемый из коры этой лианы у индейцев племени кофенов (р. Сан-Мигель), называется *иха*.¹⁰ Индейцы хибаро, обитающие в Восточном Экваторе, из *Banisteria caapi* готовят напиток *натема*.¹¹ у племени дезано (верховья р. Пейпори басс. Риу-негру) подобный напиток называется *келли*.¹²

Химическое исследование лиан, из которых готовят галлюциногенные напитки, показало, что в них содержится ал-

9. Короленко Ц. П., Фролова Г. В. Чудо воображения. (Воображение в норме и патологии). Новосибирск, 1975, с. 161-185.
 10. Бломберг Р. В поисках анаконды. М., 1958, с. 128.
 11. Бломберг Р. Люди джунглей. - Вокруг света, 1965, № 2, с.
 12. Мак-Говерн, Вильям Монтоверн. Вверх по Амазонке. М.-Л., 1930, с. 66.

кадонды Ягени и Ярени. *Lorde Bayon*, пробававший напиток, приготовленный на *banisteria saari* (район рек Коката и Ортегуаса), отмечает сильное возбуждение мышечной энергии и умственных способностей¹⁸. На это же указывает и *G. Gardenas*¹⁴, испробовавший действие яда на себе.

Индейцы племени мауэ, обитающие в низовьях Тапакоса и по берегам Амазонки, готовят наркотический напиток гварана - отвар из бобов ямны *Paullinia sorbilis*¹⁵. Племена янгуймо: кмаоре, труман и др. (современный Национальный парк Шингу¹), употребляют симбо (меленькое тымбо) - обобщающее название для нескольких видов ямны, из которых на Югее часто применяются *dahlstedtia pinnata*, *magonia rubescens*, *indigera vesperatooides*¹⁶, *paullinia pinnata* L.¹⁷

Наркотические порошки-галлоциногены - нмопо (племя отомакос басс. Оринок), курупа (племя янгуйма Верхний Мараньон) готовят из бобов *Acacia nioro* M.B. et K. семейства мимов¹⁸. Галлоциноген эпена (племена группы янома басс. Оринок) готовится из разных видов растений, особенно из коры дерева яконона, семейства *Muguetiacaceae virgola* genus¹⁹ с различными дозировками, чтобы достичь разной степени его воздействия. Так, эпена, приготовленная из коры, считается более слабой, чем приготовленная из семян.²⁰

Галлоциногены, вдыхаемые в виде порошка, считаются наиболее сильным наркотическим средством. Применение даже незначительных доз эпены вызывает головокружение, возбуждение, а вдыхание на протяжении продолжительного времени - галлоцинацизм и временное безумие²¹. Галлоциноген нмопо "действует на-

18. Гаймарен А. Ф. Материалы по изучению наркотиков южных стран. *Журн. наркотик. Амазонского региона*. - Труды по прикладной ботанике, генетике, селекции. Т. XXII, А., 1929, с. 168.

14. Там же, с. 172.

15. Рекло Э. Земля и люди. Всеобщая география Южной Америки. Т. 19, СПб., 1893, с. 130.

16. Сайнберг Л. А. Примечание к книге А. Кауэлла "В сердце леса". М., 1964, с. 226.

17. Сайнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975, с. 84.

18. Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового света в 1799-1804 гг. М., 1964, с. 461.

19. Сайнберг Л. А. Комментарии к книге Э. Бюкке "Янома". М., 1972, с. 208.

20. Бюкке Э. Янома. М., 1972, с. 110.

21. Гумбольдт А. Указ. соч., с. 491.

столько возбуждающе, что от самой маленькой дозы не привыкли и нему люди сильно чихают".²² Такое же действие оказывает галлюциноген парика, "Обычно вдыхание парика производит временное безумие, выражающееся обилием слов, криков и прыжков. За этим бешеным возбуждением следует упадок сил, и, чтобы очнуться от оцепенения, нужно проглатывать новое вдыхание парика"²³.

Применение подобных галлюциногенов для шамана было необходимым условием общения с духами. Несколько важным для различных обрядов, церемоний и ритуалов индейских шаманов Амазонии было применение наркотиков и галлюциногенов, говорит тот факт, что наряду со сбором дикорастущих растений, из которых их получали, индейцы их тоже культивировали,²⁴ несмотря на то, что земледелие у них было недостаточно развито и было весьма трудоемким в условиях тропической сельвы.

Несмотря на обилие и разнообразие наркотиков и галлюциногенов, у индейцев Амазонии они применяются исключительно в религиозных и других ритуальных целях, а также при лечении. Несмотря на то, что в ряде случаев наркотики применяются как средство массового экстатического воздействия, приготовление их повсеместно является монополией шаманов, и "эзвеса таинственности покрывает повсюду историю ядов и противоядий".²⁵

Немаловажную роль для создания экстатического состояния играет и музыка, сопровождающая почти все религиозные церемонии индейцев. Такт и ритм, характерный для индейской музыки, обусловлен самими музыкальными инструментами, её воспроизводящими - барабанами, трещетками, погремушками и множеством разнообразных духовых инструментов, и способствует экстатическому возбуждению большой массы людей. Музыкальные инструменты - неотъемлемый атрибут индейского шамана, кроме этого, "наряду с настоящими музыкальными инструментами... приходится постоянно видеть массу эфемерных щипков на листьях, тростников, ореховых скорлупках и т.п."²⁶ К. Штейнев прямо указывает на то, что "индейцы описывают себя... таи-

22. Гумбольдт А. Указ. соч., с. 491.

23. Там же, с. 491.

24. Бюокка Э. Указ. соч., с. 110.

25. Гумбольдт А. Указ. соч., с. 495.

26. Данишев Г. Г. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии. - Сборник Музея этнографии и этнографии. Т. V, вып. I, СПб., 1918, с. 821.

цами и табаком".²⁷ С музыкой во время ритуальных церемоний тесно связаны пляски и пение.

Любая музыка, или даже определенное сочетание звуков, неизбежно вызывает в психике слушателей особое состояние, будет ли это состояние какой-то определенной эмоцией, или чем-то другим, более сложным. Г.Г. Манизер, специально занимавшийся музыкой индейцев Амазонки, отмечает, что именно "эмоциональным мотивом пения... объясняется и его связь с другим выражением эмоции - пляской, связь, которая часто не дает возможности говорить о пении, не говоря о пляске и наоборот"²⁸. Маман всегда выступает в роли распорядителя церемонии, но музыка оказывает, несомненно, эмоциональное воздействие и на всех остальных участников сораге, и, играя немаловажную роль в акте шаманского кланения, способствует также и восприятию этого акта.

Исследования в области психологии доказывают, что именно "от эмоционального состояния человека зависит и его реакция на некоторые... я-ы".²⁹ Роль музыки как массового эстетического воздействия во многих ритуальных церемониях дополняет, а в некоторых случаях и заменяет применение наркотиков и других возбуждающих средств. Так, например, описывается обряд посвящения у индейцев племени деваино: "Когда пляска, визг флейг и грохот трещеток достигли апогея, выступил распорядитель церемонии и начал хлестать мальчиков длинной плетью по спине и животу, нанося раны, из которых капала кровь. Но жюны даже не поморщались. Казалось, наоборот, что все это приводит их в особый экстаз"³⁰. Катаян указывает на то, что трещетка применялась шаманом племени коннибо (бессеквино) для того, чтобы прийти в экстаз самому. Для этого он вымывался черным, встал, с трещеткой в руках и запел какую-то замогильную песню.³¹

Массовый экстаз во время традиционных культовых церемоний и ритуалов, создаваемый такими средствами, как применение

27. Штейнен К. Среди первобытных народов Бразилии. М., 1935, с. 81.

28. Манизер Г.Г. Указ. соч., с. 321.

29. Енкифоров А.С. Эмоции в пещерной живописи. М., 1974, с. 105.

30. Мак-Говерн, Вильям Монтговерн. Указ. соч., с. 66.

31. Катаян. У американских индейцев. СПб., 1876, с. 169.

наркотиков, галлюциногенов и алкоголя, а также сопровождаемых массовыми танцами и пением под грохот музыкальных инструментов³², позволяет предположить, что шаманизм первоначально мог возникнуть как групповое, где каждый участник обряда равный среди равных. Постепенно выделился распорядитель обрядов — наиболее выносливый и уважаемый член общества. Неслучайно, в племенах, стоящих на более низком уровне развития, функции шамана и вождя часто исполняет один человек. Эти факты говорят в пользу того, что шаман индейского племени человек не с патологическими отклонениями нервной системы, позволяющими ему вс. возможность впадать в состояние экстаза, транса и т.п. (больному, склонному к припадкам человеку, вряд ли доверили бы управление племенем), а достигающий подобного состояния искусственно. Кроме того, шаманы были тонкими психологами и выделались из общей массы соплеменников своим интеллектом. Кроме своих профессиональных знаний и умений они обладали повышенным уровнем рефлексии, что в одном из современных значений этого термина означает способность моделировать в своем сознании сознание другого человека³⁴. Для жителя племени это имело большое значение. По данным современной психологии "между стратегией группы и тактикой её отдельных членов существует тесная взаимосвязь. Причем работоспособность группы склывается жестко зависимой от качества управления внутригрупповыми процессами"³³. Этот вывод можно со всем основанием перенести и на внутриродовые и внутриплеменные отношения.

В пользу того, что шаман в индейском обществе был человек нервно и психически здоровый, говорит и тот факт, что именно выносливость по отношению к наркотикам и алкоголю является одним из критериев способности к шаманизму. Так, по сообщению К.Штейнена, "у бороро считается знахером тот, кто,

32. Стрельников И.Д. Религиозные представления у индейцев гуарани бассейна р.верхней Парань (Парагвай и Бразилия). — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. Л., 1980, с.318, 320, 337.

Кригетъев О.К. Амазонка глазами москвича. М., 1974, с.289-240.

Кауэлл А. В сердце леса. М., 1964, с.106.

Штейнен К. Указ соч., с.84.

И др.

34. Этот процесс происходит как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

33. Коффер Р.А., Смолан Г.А. Алгебра конфликта. М., 1968, с.18.

« пьяный, может выпить больше всех падьмового вина. Таком докторский экзамен у всех индейских племен»³⁴.

Но, для того, чтобы стать шаманом, у всех индейских племен Амазонки надо было пройти сложный и длительный курс обучения. Одной из форм обучения было выработка стойкости по отношению к наркотикам и галлюциногенам. Приемы обучения были достаточно жестокими, чтобы отсеять наиболее сильных и выносливых. Обычно обучение начиналось в юношеском возрасте и сопровождалось длительными голодовками³⁵, многочисленными табу на еду и отдельные действия (например, запрет питья или слезать с гемаки на землю),³⁶ обязательным половым воздержанием³⁷, лишением сна³⁸ и длительным уединением, т.е. искусственным ограничением мышечных раздражителей, что вызывало временное нарушение равновесия в психической деятельности человека, сопровождающееся бредом, галлюцинациями и т.п.³⁹ На это обращает внимание и Э.С. Ремуенкова в статье "О личности шамана"⁴⁰. Но если учесть, что обязательным во время обучения считался прием наркотика под контролем старшего шамана и передача различных сведений, приметой и знаниям огульному шаману проходила в состоянии наркотического отравления, в состоянии сенсорной недостаточности многократно усилялось. Так, например, как только будущий шаман племени хиборо "...засыпая, старая бубенка, — (шаман) — будил его подседничной, пускал ему в рот клубы табачного дыма и канал в нос выжимку из листьев табака. Когда же он впал в полусонное, то старый колдун снова приволил его в сознание подседничной, а затем вливал в рот солидную порцию табачного сока"⁴¹. При этом ученика "рвало до полного истощения. Как только он чуть-чуть приходил в себя, все повторялось сначала"⁴². А будущий шаман на племени саматери (группе яноама) "...почти все время прохал эпену...когда он совершенно дурака от эпени и уже не держался на ногах, сведи становился мужчине и поддерживал его, а старый колдун рассказывал вперед и вперед и так. Гмова долган

34. Штедлен К. Указ. соч., с. 114.

35. Райт Г. Силетель колдовства. М., 1971, с. 45.

Биока Э. Указ. соч., с. 52.

И др.

36. Биока Э. Указ. соч., с. 52.

37. Там же, с. 53-54.

38. Там же, с. 58.

39. Короленко И. П., Яродова Г. В. Указ. соч., с. 154-161.

40. Ремуенкова Э. С. О личности шамана. — СЭ, 1974, № 3, с. 108.

41. Райт Г. Указ. соч., с. 45.

42. Там же

быя...повторять эти песни...потом он заставлял юношу, одуревшего от энея, встать и ходить по хижине, громко запевая песни и размахивая руками" ⁴³.

Для того, чтобы стало ясно, зачем приходилось проходить будущим шаманам столь суровую подготовку, одним из главных компонентов которой была выработка стойкости по отношению к наркотикам и галлюциногенам, а также тренировке способности вызывать галлюцинации и сложные эмотивные переживания, можно привлечь чисто медицинские исследования. Известный советский невропатолог С.Н.Давиденков отводит большую роль рефлекторным процессам в генезисе эпилептического припадка. Он приводит клинические наблюдения ряда ученых, которые на опытах, раздражением различных чувствительных корковых центров, одновременно с адекватным раздражением с периферии, получали эпилептические припадки. Возникновению припадка способствовали также тактильные, болевые, обонятельные, зрительные и слуховые раздражения, а также сложные двигательные акты и эмотивные состояния. По мнению ряда исследователей, эпилептический припадок можно вызвать путем таких рефлекторных процессов, как раздражение пирамидального тракта, расстройство вестибулярного аппарата, раздражение слизистой оболочки носа, при сменах рефракции (преломляющей способности глаза) ⁴⁴. Все эти состояния, несомненно, возникали и под воздействием наркотика.

Шаманы часто прибегали к приемам, позволяющим удивить, испугать и обязательно внушить трепетное уважение соплеменников к своим действиям. Возможно, одним из таких приемов и был припадок, который все же нельзя до конца отождествлять с шаманским камланием, хотя, в отдельных случаях, он мог самопроизойтись и во время камлания.

Еще более интересны клинические наблюдения проявляемая лизцефальной эпилепсии, или лизцефального синдрома. "Под названием "лизцефальная эпилепсия" понимают своеобразные вегетативные разряды, развивающиеся при органичес-

43. Бионка П. Указ.соч., с.52.

44. Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Ч., 1917, с.250.

45. Там же с.250.

ких процессах в подбугровой области, т.е. в области подкорковых вегетативных центров... деятельность этой области состоит в регуляции ряда вегетативных функций".⁴⁶ Экспериментальным путем явления диенцефального синдрома выявлялись применением эпилептогенных раздражителей, среди которых указывались: камфора, морфин, кураре⁴⁷, кофеин⁴⁸, т.е. вещества, присутствующие и в арсенале искусственных возбуждителей шаманов Амазонии (да и не только Амазонии). Часто провоцирующим моментом возникновения диенцефального синдрома, а также и общих эпилептических припадков является акрихиновое отравление⁴⁹. Акрихин — производное хирина, также входящего в качестве компонента во многие наркотические снадобья амазонского шамана. Кроме того, Е.Ф. Давиденкова-Кулькова, ссылаясь на работы ряда ученых (В.С. Гелкина, Н.А. Астап ва, И.П. Бобкова), рассматривает действие морфина в качестве проводника состояния готовности к эпилептическому приступу.⁵⁰

Одно перечисление симптомов диенцефального припадка показывает их идентичность с внешним проявлением состояния замне во время камлания: нарушаются функции вазомоторов кожи, изменяется сердечный ритм, артериальное давление и световая реакция зрачков. Наблюдается расстройство дыхательного ритма и механическая возбудимость нервных стволов и мышц, вестибулярное головокружение, искажение восприятия сг его тела, меняется температура тела, отмечаются особые состояния сознания, галлюцинации, тошнота и рвота и пр. Очень часто заканчивается припадок позывами на дефекацию и мочеиспускание, а также потребностью заснуть, либо в самом конце припадка, либо сразу же после его окончания.⁵¹ Описание подобных явлений во время шаманского камлания встречается довольно часто,⁵² и, как видно из клинических опытов, симптомы эти могут являться следствием не болезненной этиологии, а раздражения области гипоталамуса наркотиками.

46. Давиденкова-Кулькова Е.Ф. Диенцефальная эпилепсия (припадки при поражении подбугровой области в клинике эксперименте). Л., 1959, с.5.

47. Там же, с.238.

48. Там же, с.239.

49. Там же, с.88, 108, 109.

50. Там же, с.289.

51. Там же, с.115-148.

52. Райт Г. Указ.соч., с.52-58.

Этленен К. Указ.соч., с.152, 155.

И др.

В задачу обучения будущих шаманов входило не только выработка способности искусственным путем достигать подобных состояний, но и управление своим поведением и мыслями во время наркотического экстаза. В это же время, по-видимому, складывались и рефлекторные стереотипы. Рефлекторные стереотипы могли складываться и на звуковые раздражители. В случае рефлекторной эпилепсии опытным путем пытались воспитать рефлекс на звук, что удалось уже после девятого сочетания⁵³. Отсюда становится ясно и большая роль музыкального сопровождения в акте шаманского камлания. Кроме создания определенного эмоционального фона у шамана и всех присутствующих, у шамана оно могло играть и роль механизма воспроизведения рефлекторного стереотипа.

Из приведенных примеров становится очевидным, что состояние шамана во время камлания, внешне подобное эпилептическому или нервностерческому припадку, могло вызываться шаманом искусственно, в то время как припадки не самым делом не было, а видимость психических или нервных расстройств могла ввести в заблуждение исследователей шаманизма.

---

⁵³. Давиденков С.Н. Указ.соч., с.250.

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. (XIX - начало XX вв)¹

Первая в России краниологическая работа, написанная одним из крупнейших естествоиспытателей XIX в. К.М. Баром, посвящена сравнительной характеристике самоедского и карагасского черепов².

Деятельность академика К.М. Бара составила важный этап истории русской антропологии. Возглавленный К.М. Баром Анатомический музей Академии наук за короткое время превратился в крупное собрание краниологических коллекций, явившись в дальнейшем основой антропологического отдела Музея антропологии и этнографии. К концу 60-х гг. в Анатомическом музее среди прочих экспонатов имелось свыше 20 черепов вогулов, остяков и самоедов, доставленных путешественниками и сибирской администрацией. Сюда же Археологической комиссией переданы краниологические материалы, собранные в Западной Сибири В.В. Радловым в 1862-1866 гг.: 11 черепов из могильников XVI-XVII вв. Чердат и Удукол на среднем Чулыме и 9 черепов из древних курганов у дд. Осиновка, Кызмырь, Идыгъяль и Карган в Барабинской лесостепи и близ г. Барнаула (точная датировка последних не установлена).

В 1842-1844 гг. ученик К.М. Бара А.Ф. Миддендорф впервые осуществил соматологическое исследование коренного населения Сибири. Им измерено и описано несколько тысяч якутов, тунгусов, самоедов, енисейских остяков. К несчастью, весь этот богатейший материал погиб при аварии лодки на Таймырском озере. Три случайно сохранившихся бланка свидетельствуют о том, что программа Мидден-

1. Продолжение статьи «История антропологических исследований в Западной Сибири. Ранний период». - Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976.

2. Baer. Vergleichung eines von Herrn Obrist Hofmann mitgebrachten Karagassen-Schädels mit dem von Herrn Dr. Kuprecht mitgebrachten Samoeden-Schädel. - "Bull. de la Classe phys.-math. de l'Académie Imp. des Sciences de Saint-Petersbourg", t. 3, N 12 (60), 1845.

дорфа была чрезвычайно обширной и не имела себе равной по полноте среди исследований в Сибири на протяжении всего XIX века.

Измерения и выполненные с натуры рисунки дали Миддендорфу основание для некоторых рассуждений. По его мнению, самоеды образовались из смешения финских и монгольских народов, причем на востоке преобладают монгольские элементы, на западе — финские. У остяков нижнего течения Енисея и р. Сыма (нетов) он отметил чисто финский тип; их соплеменники, жившие выше по Енисею, оказались более монголоидными³.

В середине XIX в. в кругах русской интеллигенции пробуждается глубокий интерес к вопросам естествознания. Революционные демократы А.И. Герцен, Н.П. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев в своих статьях широко использовали данные антропологии, которую рассматривали как вспомогательную дисциплину в науке о развитии общества. В значительной мере к ним примыкал по своим взглядам известный публицист А.П. Шапов, проживший долгие годы в сибирской ссылке в г. Иркутске.

Своеобразие деятельности А.П. Шапова заключается в том, что он не только черпал антропологический материал из литературных источников, но предпринял попытку собирать его самостоятельно. В 1866 г., взяв на себя обязанности этнографа в Туруханской экспедиции инженера И.А. Лопатина, А.П. Шапов обследовал русское и туземное население (енисейских остяков, тунгусов, тазовских и байкинских остяко-самоедов) по р. Енисею от с. Ворогово до г. Туруханска⁴. Работа А.П. Шапова в этой экспедиции мало походила на обычную полевую работу этнографов и содержала элементы антропологического исследования. А.П. Шапов фиксировал многочисленные примеры смешения разнород-

3. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отдел У1. СПб., 1878, с. 619-666.

4. См.: Семенов П.П. История полудекаровой деятельности Русского Географического о-ва, 1845-1895. Часть 1. СПб., 1896, с. 220-227.

ных этнических групп Туруханского севера, отмечал особенности физиологии и физического развития коренных народностей, подробно описывал различные «анатомические типы». При этом Шапов, видимо, прибегал к антропометрии. В разных местах ему удалось собрать небольшую, но хорошо документированную коллекцию из 14 черепов. Результаты своих наблюдений Шапов изложил в представленном Сибирскому отделу Географического общества обширном сочинении «Народная жизнь на севере Енисея между 60° и 65° с.ш.» Рукопись эта так и не была опубликована: вместе со всеми приведенными Шаповым коллекциями она сгорела во время иркутского пожара 1879 г.

Материалы Туруханской экспедиции А.П. Шапов использовал также к статье «Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении» (1872 г.). В этой статье А.П. Шапов, сам являвшийся сыном русского дьячка и бурятки, настойчиво проводит мысль о том, что в Сибири в условиях особой географической среды и в результате смешения русских с коренным населением возникает «новообразующаяся сибирская народность». По наблюдениям А.П. Шапова, метисы русских и туземцев занимают промежуточное положение по росту, пигментации волос и кожи, но по некоторым другим признакам отличаются от обеих исходных групп⁵.

Работы А.П. Шапова смыкаются с началом бурной антропологической деятельности, развернувшейся в стенах Московского университета. В 1863 г. по инициативе профессора зоологии А.П. Богданова при Московском университете основано Общество любителей естествознания. В 1864 г. открылся его Антропологический отдел. Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, как оно вскоре стало называться, суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии антропологической науки в России. Изучение коренных народностей Сибири заняло видное место в тематике работ его сотрудников.

5. Шапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении.— В кн.: Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905—1908 гг. Иркутск, 1937, с. 100—103, 144—146.

Первые экспедиционные работы и публикации членов Антропологического отдела ОЛЕАЭ были связаны с подготовкой и проведением в 1879 г. Антропологической выставки. Одна из поездок совершена летом 1877 г. Н.Ю. Зографом в Архангельскую губернию для изучения самоедов⁶. Два года спустя в небольшой заметке Н.Ю. Зограф описал трех вогулов и несколько самоедов, прибывших на Антропологическую выставку⁷.

Усобое значение организаторы выставки придавали сбору краниологических коллекций. В «Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» А.П. Богдановым опубликованы в частности, 8 самоедских черепов, доставленных Н.Ю. Зографом⁸, 4 кетских черепа, переданных Восточно-Сибирским отделом Русского Географического общества⁹, 5 черепов из курганов железного века у д. Такмык на р. Иртыше, собранных в 1867 г. Е.И. Малаховым¹⁰, большая краниологическая серия Замираевского могильника XII-XIII вв., раскопанного Н.Ю. Зографом в 1878 году на р. Исети¹¹.

Изучение населения Сибири проводилось сотрудниками Антропологического отдела ОЛЕАЭ и в последующие годы.

6. Зограф Н.Ю. . Отчеты по поездке в самоедский край. - Известия ОЛЕАЭ, т. 27, 1878; см же. Антропологический очерк самоедов. - Известия ОЛЕАЭ, т. 31, 1878.

7. Зограф Н.Ю. . О Самоедах и Вогулах. - Известия ОЛЕАЭ, т. 35, ч. 1, вып. 1, 2 и 3, 1880.

8. Богданов А.П. Черепа самоедов, собранные Н.Ю. Зографом. - Известия ОЛЕАЭ, т. 31, 1878-1879.

9. Богданов А.П. Описание сибирских черепов. Там же.

10. Богданов А.П. . Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии. Там же.

11. Богданов А.П. Курганные Приуральцы по раскопкам гг. Зографа и Нефедова. - Известия ОЛЕАЭ, т. 36, ч. 1, вып. 1, 2 и 3. 1880.

В 1885-1886 гг. Н.П. Гондатти обследовал на нижней Оби и ее притоках свыше 200 вогулов, остяков, самоедов и зырян, а также собрал на рр. Сев. Сосьве и Сыгве (Ляппине) более 60 вогульских черепов¹². Антропометрические материалы Гондатти остались не опубликованными, за исключением некоторых показателей вогулов, использованных А.Г. Рождественским¹³. Черепа вогулов из коллекции Гондатти исследовал позднее И.П. Сидличник¹⁴.

Заслуга Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии состоит не только в проделанной им большой работе по антропологическому изучению населения России, но также в широкой пропаганде антропологических знаний, чему способствовали открытые заседания Общества, выставки и регулярные публикации трудов его сотрудников. Эта деятельность встретила горячий отклик общественности и вовлекла в сбор антропологических материалов новых приверженцев молодой науки. В 1876 г. ученый хранитель Петербургского зоологического музея И.С. Поляков, путешествуя по Оби, собирал черепа, фотографировал и описывал остяков, самоедов, вогулов и татар¹⁵. Антропологическими исследованиями занялся известный сибирский деятель Н.М. Ядринцев. В 1880 г. он проводил измерения, описания и зарисовки типов среди различных групп алтайцев, в том числе кумандинцев и тубаларов северного

12. Гондатти Н.П. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М., 1888; он же. Антропологические результаты поездки в Северо-Западную Сибирь. - Известия ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 5, 1890.

13. Рождественский А.Г. Величина головы человека в ее зависимости от роста, пола, возраста и расы. - Известия ОЛЕАЭ, т. 90, 1887.

14. Сидличник И.П. Вогулы (краниологический очерк). - Русский антропологический журнал, кн. XIX-XX, № 3 и 4, 1904; он же. К вопросу об антропологическом типе населения Северо-Западной Сибири. - Русск. антропол. журнал, кн. 33-40, 1916.

15. Поляков И.С. Письмо о содействии выставке. - Известия ОЛЕАЭ, т. 31, 1876-1879; он же. Старинное и современное Лукоморье. - В кн.: Живописная Россия, т. XI, Западная Сибирь. Спб.-М., 1884, с. 146.

Алтай¹⁶. Антропологические материалы, переданные Н.М. Ядринцевым в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, обработаны Н.Ю. Зографом¹⁷. В том же 1880 г. Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества напечатал составленную Н.М. Ядринцевым «Программу для описания сибирских инородцев», которая, в частности, содержала перечень антропологических признаков и краткую инструкцию по антропологическим измерениям¹⁸. Позднее в Петербурге Н.М. Ядринцев организовал антропологический кружок из студентов-натуралистов и мечков, отправляющихся в Сибирь. «Мы уже занялись измерением учащих здесь сибиряков из инородцев, — сообщал Н.М. Ядринцев в письме Антропологическому отделу ОЛЕАЭ. — Молодежь наша весьма заинтересована предметом и, надеюсь, будет полезна на родине»¹⁹. В 1883 г. томский краевед А.В. Адрянов, намереваясь осуществить экспедицию на Алтай и в Конголию, обращается в Антропологический отдел ОЛЕАЭ с просьбой прислать инструменты для антропологических измерений²⁰. К.Д. Носилов, совершавший в 1882-1885 гг. несколько поездок в северо-западную Сибирь, выступил на страницах «Известия ОЛЕАЭ» с этнографическим и антропологическим описанием вогулов²¹.

16. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь в 1880г. — Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1У. Омск, 1882, с. 24-26; он же. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтай). — Исторический Вестник, т. 20, июнь, 1885, с. 630-648.

17. Зограф Н.Ю. Алтайские инородцы по исследованиям Н.М. Ядринцева. — Известия ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 3, 1860.

18. Ядринцев Н.М. Программа для описания сибирских инородцев. Омск, 1880, с. 2-4.

19. Ядринцев Н.М. Письмо от Н.М. Ядринцева из Петербурга. — Известия ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 5, 1890, с. 471-472.

20. Адрянов А.В. Об экспедиции на Алтай. — Известия ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 4, 1887, с. 288-289.

21. Носилов К.Д. Антропологический очерк Вогулов. — Известия ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 6, 1890.

Вслед за Московским университетом антропологические центры возникают в других научных учреждениях России. В 1869 г. основано Общество естествоиспытателей при Казанском университете, в работе которого антропология сразу же заняла место одного из ведущих направлений. Сотрудники Общества занимались в основном антропологическим изучением коренного населения Поволжья и Приуралья. Но еще в 1869 г., на одном из первых заседаний Общества его организатор П.Ф. Лесгафт говорит о том, что «Восточная и Западная Сибирь, заселенные различными племенами монгольского, финского и славянского происхождения... есть одна из наиболее богатых материалами местностей для антропологических исследований, представляющих чрезвычайный интерес для современной науки о человеке»²². Поэтому не была случайной предпринятая Н.М. Малевым в 1872 г. поездка к вогулам р. Лозьвы. Небольшой материал, собранный в этой экспедиции (измерены 13 мужчин-вогулов, найден один вогульский череп), опубликован Н.М. Малевым²³.

С конца 80-х гг. антропологические исследования начинают проводиться в Томском университете.

Первый в Сибири Томский университет открылся в 1888 г.

22. Цит. по : Алексеев В.П. Этническая антропология в Казани во второй половине XIX - начале XX века. - ТИЭ, т. 85, 1963, с. 226.

23. Малев Н.М. Отчет о вогульской экспедиции. - Труды 0-ва Естествоиспыт. при Казанск. ун-те, т. III, № 2, 1873; он же. Материалы для сравнительной антропологии. - Труды 0-ва Естествоиспыт. при Казанск. ун-те, т. IV, № 2, 1874; он же. Вогулы. - Рус. антропол. журнал, № 1, 1901.

Вскоре после появления первой публикации Н.М. Малева его данные использовал Г. Майер.

H. Meyer. Beitrag zur Kenntnis der Ketenschädel. - "Archiv für Anthropologie", Bd VII, Hf. 1-2. Braunschweig, 1875,

но допустил при этом грубую неточность: приведя в таблице некоторые измерения 13 вогулов, Майер обозначил их как измерения вогульских черепов.

в составе одного медицинского факультета. В приветствии по случаю его открытия Казанский университет передал «университету Томскому ту просветительную миссию, которую по силе возможности он сам исполнял доселе в обширном восточном крае нашего отечества»²⁴. Значительная часть профессорско-преподавательского состава Томского университета была укомплектована из бывших преподавателей и выпускников Казанского университета, тесно связанных в своей прежней деятельности с Казанским Обществом естествоиспытателей. Профессором кафедры анатомии назначен Н.М. Малков. Его ближайшим сотрудником стал С.М. Чугунов.

Большое внимание к вопросам антропологии и археологии проявлял попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский, в прошлом профессор акушерства и гинекологии Петербургской Медико-Хирургической академии и Казанского университета. Еще в 1866 г. в Петербурге вышла книга В.М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода». Эта книга, созвучная с некоторыми положениями современной медицинской генетики, не потеряла интерес для антрополога и в настоящее время²⁵. Позднее В.М. Флоринский занялся археологическими исследованиями и собрал ценные сведения о древних памятниках Средней Азии и Западной Сибири. Частная коллекция В.М. Флоринского, содержащая разнообразные археологические, антропологические и этнографические предметы, была передана Томскому университету и явилась основой Археологического музея, заведующим которого В.М. Флоринский оставался на протяжении десяти лет. Фонды музея неодно-

24. Первый университет в Сибири. Томск, 1869, с. 14.

*25. Второе издание книги В.М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» вышло при Советской власти со вступительной статьей и примечаниями М.В. Волоцкого (Вологда, 1926). Недавно эта книга Р.М. Флоринского получила высокую оценку в статье И.И. Канаева, специально ей посвященной (Канаев И.И. На пути к медицинской генетике. - Природа, № 1, 1973).

кратно пополнялись библиотекарем университета С.К. Кузнецовым, проводившим с 1887 г. археологические раскопки в Томской губернии.

В 1889 г. при Томском университете открылось Общество естествоиспытателей и врачей. Председателем Общества был избран В.М. Флоринский, товарищем председателя - Н.М. Малиев. В уставе Общества одной из его целей объявлялось «изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятникам живших здесь доисторических племен»²⁶. Антропологическими проблемами занялись В.М. Флоринский и С.М. Чугунов. Одну статью, посвященную анализу жировоска мумий, найденных в г. Томске, написал лаборант Гирмацевической лаборатории М.К. Горст²⁷. Н.М. Малиев в Томске отошел от антропологии, переключившись на чисто анатомические исследования и административную деятельность. Но поддержка с его стороны, несомненно, играла существенную роль в упрочении антропологии в новом университете²⁸.

В 1888 г. В.М. Флоринский издал каталог Археологического музея, где среди прочих экспонатов описал несколько черепов из раскопок А.И. Дмитриева-Мамонова и У.С. Знаменского на Чувашском мысу близ г. Тобольска. Один череп оказался искусственно деформированным. Это послужи-

26. Томские университетские известия, кн. 1, Томск, 1889; Труды Томского Общества Естествоиспытателей, с. 3.

27. М.К. Горст. Анализ жировоска, найденного в Томской почве. - Изв. Томск. ун-та, кн. 2, 1890.

28. По некоторым данным, и в годы работы в Томском университете Н.М. Малиев продолжал интересоваться вопросами антропологии. (см.: Звядица Н.Г. Петербургские антропологические общества конца XIX столетия и их роль в развитии науки о человеке в России. - Запр. антропологии, вып. 25, 1967, с. 149).

жило поводом для пространного примечания о деформированных черепах²⁹. Через два года вышла специальная краеведческая работа В.М. Флоринского, посвященная разбору черепов Археологического музея³⁰. Кроме тобольских здесь описаны 12 черепов из поздних могильников окрестностей г. Томска, собранные В.М. Флоринским и С.К. Кузнецовым и череп с Обь-Енисейского канала в верховьях р. Кети, доставленный Б.А. Аминовым.

Вся дальнейшая история антропологических исследований в Томском университете в дореволюционный период связана с именем Сергея Михайловича Чугунова (1854-1920).

Уроженец г. Симбирска, С.М. Чугунов в 1875-1880 гг. учился на медицинском факультете Казанского университета, где под руководством Н.М. Малиева занимался антропологическими исследованиями и опубликовал несколько работ. После окончания университета в течение 8 лет С.М. Чугунов работал земским и уездным врачом в Пермской и Симбирской губерниях, продолжая печатать научные статьи и очерки. В 1888 г. С.М. Чугунов получает значение в Томский университет, где работает сначала помощником прозектора, а затем прозектором при кафедрах нормальной анатомии и оперативной хирургии. В 1899 г. ему присуждена ученая степень доктора медицины. С 1902 по 1906 гг. С.М. Чугунов - приват-доцент кафедры нормальной анатомии. На протяжении 18 лет (1888-1906 гг.) С.М. Чугуновым написано большое число антропологических работ, многие из которых составили замечательную серию очерков под общим названием «Материалы для антропологии Сибири». Но в 1906 г. по не совсем ясным причинам С.М. Чугунов покидает кафедру анатомии и совершенно прекращает антропологическую деятельность. В период с 1910 по 1920 гг. им написано около 20 статей по различным разделам зоологии, напечатанных в основном в «Русском этнологическом обозрении» и «Ежегоднике Зоологического музея Академии

29. (Флоринский В.М.). Археологический музей Томского университета. Томск, 1880. прим. 14.

30. Флоринский В.М. Двадцать три черепа Томского археологического музея. - Изв. Томск. ун-та, кн. 2, 1890.

Наук³¹.

Вскоре после прибытия в Томск внимание С.М. Чугунова привлекли находки при строительных работах в г. Томске мумифицированных трупов со старинных кладбищ. Описанию мумий посвящены первые работы С.М. Чугунова в томский период его деятельности³². Случилось так, что и самые последние антропологические работы С.М. Чугунова содержали обработку материалов со старинных томских православных и татарских кладбищ³³. В конце 90-х-начале 900-х гг. количество найденных в Томске скелетов достигло несколько сот. Массовость материала сделала его особенно привлекательным для антрополога.

Летом 1890 г. С.М. Чугунов начал полевую работу, отправившись в г. Сургут для изучения остяков. Выбор района определялся тем, что в Сургутском крае антропологический тип остяков, по предположению С.М. Чугунова, наименее подвергся посторонним влияниям. В Сургуте С.М. Чугунов измерил 140 обских, уганских, ваховских и тром-юганских остяков, прибывших для сдачи ясака и закупки провизии.

31. Более подробные биографические сведения о С.М. Чугунове см. в изданиях: Первый университет в Сибири. Томск, 1889; *Scurriculum vitae*. - В кн.: Чугунов С. Материалы для антропологии Сибири. У1. К вопросу об антропологическом типе киргизов. Диссертация на степень доктора медицины. Томск, 1899; Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888-1913 гг.). Томск, 1917.

32. Кузнецов С.К., Чугунов С.М. Случайная находка натуральной мумии в Томске. - Сиб. Вестник, № 104, 105, 1889; Чугунов С. О натуральной мумии, найденной в г. Томске. - Изв. Томск. ун-та, кн. 2, 1890.

33. С. Чугунов. Старинное татарское и следы других кладбищ «прточной» части г. Томска. - Изв. Томск. ун-та, кн. 24, 1904; он же. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Часть 1. Томск, 1905.

Предварительная публикация собранных материалов появилась в том же году³⁴, затем они были обработаны А.А. Ивановским³⁵. В результате раскопок одного из остяцких кладбищ около Сургута получены 21 череп и два полных скелета, описанные С.М. Чугуновым в отдельной работе³⁶.

Исследование сургутских остяков было первым и последним опытом С.М. Чугунова в области соматологии³⁷. В дальнейшем он полностью переключился на остеологические исследования. В 1891 г. вместе с С.К. Кузнецовым С.М. Чугунов совершил поездку на р. Яю с целью археологической разведки. Около с. Шигарского ими раскопан курган XVI в., скелет из которого исследовал С.М. Чугунов³⁸. Отдельные публикации С.М. Чугунова содержат описание черепов и скелетов из поздних курганов, раскопанных С.К. Кузнецовым в Томском округе на рр. Оби и Томи у д. Казанские прты³⁹ и у с. Ворон во⁴⁰ в 1891 г., у д. Чернильшиково в 1889 г.⁴¹

34. Чугунов С. . Антропологический очерк остяков Сургутского края. - Сиб. вестник , № 85,88,90,114, 1890.

35. Ивановский А.А. Сургутские остяки (по материалам С.М. Чугунова). - Рус. антропол. журнал , № 3 и 4, 1905.

36. Чугунов С.М. Материалы для остеологии остяков. - Изв. Томск. ун-та , кн. 6, 1894.

37. Не считая двух десятков человек мордвы, измеренных С.М. Чугуновым в 1880 г. в Симбирской губернии.

38. Чугунов С.М. . Курганный скелет с р. Яю. - Изв. Томск. ун-та , кн. 6, 1894.

39. Чугунов С. Курганы близ деревни «Казанские прты» на берегу р. Томи, там же.

40. Чугунов С. Курганы близ с. Вороновского, Уртамской вол., Томского окр., на р. Оби. - Изв. Томск. ун-та , кн. 14, 1898.

41. Чугунов С. Древнее кладбище подле деревни Чернильшиковой, на правом берегу реки Томи, Томского уезда. - Изв. Томск. ун-та , кн. 18, 1901.

В двух других статьях он дал характеристику скелета, найденного студентом А.Н. Мицкевичем в кургане у с. Новоильинского на Оби⁴² и впервые описал череп телеута с р. Томи⁴³.

Не довольствуясь медленным поступлением антропологического материала от археологов, С.М. Чугунов приступает к самостоятельным археологическим раскопкам. В 1895г. он исследовал 17 курганов могильника „Тоянов городок“ на левом берегу р. Томи против г. Томска. В 1897 г. удалось несколько пополнить серию. Объединив собранный материал с черепами того же могильника из раскопок В.М. Флоринского и С.К. Кузнецова, С.М. Чугунов получил довольно представительную краниологическую коллекцию, которая и была им опубликована⁴⁴.

В течение двух летних сезонов 1895 и 1896 гг. С.М. Чугунов проводил раскопки Усть-Тартасского могильника в Барабинской лесостепи. Курганы содержали погребения сарматской эпохи и тюрко-монгольского времени. Одиннадцать черепов, в том числе один с явными следами искусственной деформации, а также некоторые кости остального скелета, описаны С.М. Чугуновым⁴⁵.

Обзор деятельности С.М. Чугунова будет неполным, если не упомянуть его анатомических работ. Нельзя забывать, что антропология была для него лишь побочным занятием. В течение многих лет С.М. Чугунов исполнял служебные обязанности прозектора Анатомического института. За это время С.М. Чугунов накопил большое количество разнооб-

42. Чугунов С.М. Скелет из кургана близ с. Новоильинского на р. Оби. - Изв. Томск. ун-та, кн. 6, 1894.

43. Чугунов С.М. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский Анатомический Институт. Там же.

44. Чугунов С. Древнее кладбище близ города Томска „Тоянов городок“. - Изв. Томск. ун-та, кн. 19, 1902.

45. Чугунов С. Курганы Каинского округа Томской губернии. - Изв. Томск. ун-та, кн. 16, 1900; он же. О курганных искусственно-деформированных черепах Сибири. - Труды 0-ва Естественн. при Кемеровском ун-те, т. XXII, № 1, 1898.

разных наблюдений, изложенных им в нескольких статьях⁴⁶. Особое внимание он уделял анатомии позвоночника. Но замечательно, что и анатомические работы таким тесным образом были связаны с антропологическими интересами автора. Вопросы анатомического строения человека С.М. Чугунов рассматривает в филогенетическом аспекте. Материалом для этих работ нередко служат те же черепа и скелеты, добытые при раскопках древних курганов и старинных кладбищ.

Одновременно с С.М. Чугуновым изучением западносибирских народностей занимались другие антропологи.

Председатель Антропологического общества Петербургской Военно-Медицинской академии А.И. Таренецкий описал три мансийских черепа, доставленных в 1895 г. студентами Кошдратовичем и Федоровым⁴⁷.

На первое десятилетие XX в. падает антропологическая деятельность сотрудника Минусинского музея К.И. Гороженко. Им исследовано большое число тувинцев, хаккасов и среди последних - мелких татар среднего Чулыма. Таб-

46. Изв. Томск. ун-та, кн. 9, 1896; кн. 18, 1901; кн. 19, 1902; кн. 20, 1902.

47. Таренецкий А.И. Остяцкие черепа. - Труды Антропологического общества при Военно-Медицинской Академии, т. 8, СПб., 1898.

А.И. Таренецкий назвал исследованные черепа остяцкими. Под этим же названием они записаны в современном каталоге антропологической коллекции Военно-Медицинской академии. Однако было бы ошибочно относить черепа, привезенные Кошдратовичем и Федоровым, к хантам. Судя по месту находки близ с. Шекуринского на р. Шекурье, притоком р. Ляпина, черепа, несомненно, являются мансийскими. Вплоть до конца XIX в. манси Ляпинской волости, подобно хантам, именовались остяками (Петкаев С.И. Статистические данные, показывавшие племенной состав населения Сибири, т. II, СПб., 1911, с. 121).

личные материалы, опубликованы К.И. Горощенко⁴⁸, а затем обработаны А.А. Ивановским⁴⁹.

В 1905—1906 гг. В.И. Анучин по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии исследовал кетов Туруханского края⁵⁰. Собранные Анучиным материалы опубликовал Н.А. Синельников⁵¹.

Крупным событием в истории антропологических исследований в Западной Сибири стали экспедиция С.И. Руденко в Березовский уезд Тобольской губернии, предпринятая в 1909—1910 гг. С.И. Руденко измерил 54 самоеда близ побережья Ледовитого океана от Урала до Тазовской губы, 127 остяков между г. Березовым и устьем Оби, 75 северных вогулов в бассейне рр. Сев. Сосьвы и Липина. Подробный анализ собранных материалов в сопоставлении с ранее опубликованными данными приведен С.И. Руденко в большой монографии, которая явилась лучшей работой по антропологии коренного населения Западной Сибири во всей дореволюци-

48. Горощенко К.И. Материалы для антропологии Сибири. Союты, Бельтиры, Койбалы, Качинцы, Сагам, Кизильцы и Мелецкие (Чулымские) инородцы. — Зап. Красноярск. п/отд. Восст.-Сиб. отд. РГО по этнографии, т.1, вып. 2. Красноярск, 1906.

49. Ивановский А.А. Енисейские инородцы (бельтиры, койбалы, качинцы, сагам, кизильцы, мелецкие инородцы — и союты). (По материалам К.И. Горощенко). — Рус. антропол. журнал, кн. 25—26, № 1 и 2, 1907.

50. Анучин В. Предварительный отчет о поездке к Енисейским осяткам. — Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Вост. Азии в историч., археологич., лингвистич. и этнографич. отношении, № 6, Спб., 1906.

51. Синельников Н.А. Енисейские осятки по наблюдениям и измерениям В.И. Анучина. — Известия ОЛЕДЭ, т. 124, 1911.

овой литературе⁵².

В 1909 г. студент Д.Т. Янович, участник Североуральской экспедиции О.О. Беклунда, раскопал 360 погребений на хантыйской кладбище Хелас-Погор в низовьях Оби. Добытая им серия черепов до сих пор остается наиболее многочисленной по народам Западной Сибири и часто служит краниологическим эталоном уральского расового типа.

Около 1910 г. доктор Сенкевич исследовал шжих могил⁵³. В 1914 г. В.М. Новицкий проводил измерения остяков и самоедов в низовьях р.Оби⁵⁴. Небольшую группу береговых ярков р.Енисея обследовал К.М. Рычков⁵⁵. Материалы Сенкевича, Новицкого и Рычкова не были изданы.

Осуществив вклад в антропологическое изучение народностей Западной Сибири в XIX - начале XX вв. внесли некоторые иностранцы ученые.

В 1876 г. путешествие по Иртышу и Оби совершила "Бременская экспедиция" в составе естествоиспытателей О. Финна и Л. Брэн и любителя К. Вальдбурга-Цайля⁵⁶. Среди

52. Руденко С. Антропологический состав инородцев северо-западной Сибири. - Зап. АН по физ.-мат. отделению, т. XXXIII, № 3, 1914. Сокращенный французский вариант - S.Roudanko. Résultats de mensurations anthropologiques sur les peuplades du Nord - Ouest de la Sibirie. - "Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthropologie de Paris", 6-e série, t. Y, 1914.

53. См.: Руденко С. Указ. соч., с. 30.

54. Новицкий В.М. Туземный отдел Тобольского государственного Музея (Краткий очерк к 5-летию его организации). Тобольск, 1928, с: 5.

55. Рычков К. Береговой род ярков. - Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, т. XXXVIII. Омск, 1916.

56. O. Finckh. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879.

Финн О., Брэн А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.

прочих материалов участники экспедиции привезли 19 остяцких и самоедских черепов с низовьев р. Оби и два черепа, вероятно, татарского происхождения из окрестностей г. Тюмени, опубликованные Р. Вирховым⁵⁷ и отчасти У. Флуэром⁵⁸.

Четыре года спустя Западную Сибирь посетил итальянский ученый С. Сомье, ботаник по специальности, но занимавшийся также антропологическими исследованиями⁵⁹. По краевой программе Сомье обследовал на нижней Оби 109 стюедов, 136 остяков и 30 зырян. Кроме того, он провел раскопки нескольких кладбищ и собрал 37 остяцких и 19 самоедских черепов. Исследования Сомье⁶⁰ получили широкую известность за границей и в России и долгое время оставались одним из наиболее авторитетных источников по антропологии коренного населения Западной Сибири.

Единичные самоедские черепа описаны И. В. Blumenбахом⁶¹ и Г. Буском⁶². Два мужских черепа под названием остяцких

57. Virchow. Westsibirischer Schadel (Samojedin, Ostjaken u. s. v.). - "Zeitschrift für Ethnologie", Bd IX, Berlin, 1877.

58. Flower W. H. The native Races of the Pacific ocean. London, 1878.

59. Sommier S. Un' estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirléni, Tatári, Kirghisi e Baskiri. Firenze, 1884.

Головачев П. Путешествие итальянца Сомье по Сибири. - "Сибирский Сборник". Приложение к "Восточному Обозрению", юн. 1, СПб., 1886.

60. Sommier S. Sirléni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. - "Archivio per l'Antropologia e la Etnologia", vol. XVII, fasc. 1 e 2. Firenze, 1887.

61. Blumenbach J. F. Decas sexta collectionis suae craniorum diversarum gentium illustrata. Göttingen, 1820.

62. Busk G. Description of a Samojede Skull in the Museum of the Royal College of Surgeons. - "The Journal of the Anthrop. Inst. of Great Britain and Ireland", vol. 4. London, 1874.

опубликованы А. Катрфажем и Е. Ами⁶³. Несколько самоедских и вогульских черепов из собрания Петербургской Академии наук исследовал К.Е. Уйфальви⁶⁴. И. Сомбади описал пять черепов с острова Барандей, привезенных в 1882 г. в Вену⁶⁵. Ту же группу самоедов исследовал в 1883 г. в Вазеле Ю. Колльман⁶⁶. Измерения роста самоедов Большеземельской тундры и острова Рейгач (20 мужчин и 9 женщин) опубликованы А. Монтефиором⁶⁷.

---

63. Quatrefages A., et Hamy E.T. *Cranie ethnica. Les Cranes des races humaines*. Paris, 1982.

Этническая принадлежность этих черепов сомнительна. Авторы сообщают, что один череп принадлежит убитому под Аустерлицем (1806 г.), а другой - умершему на Валь де Грас (названии одной из улиц Парижа) в 1810 г. Но, как известно, остатки в русскую армию не рекрутировались и принять участие в заграничных походах не могли.

64. Ujfalvy Ch.K. de Mezö-Kövesd. *Expédition scientifique française en Russie, e Sibirie et dans le Turkestan*, Vol. III. Les Bachkirs, les Vêpses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques. Paris, 1880.

65. Szombathy J. *Abbildungen von fünf Jurak-Samojedén.* - "Mittell. der Anthrop. Gesellschaft in Wien", Bd XVI (N.F. Bd II). Wien, 1886.

66. Kollman J. *Beiträge zu den Rassen-Anatomie der Indianer, Samojedén und Australier.* - "Verhandl. der naturforschenden Gsellschaft in Basel", Th. XII, Hf. 3. Basel, 1884.

67. Montefiore A. *Notes on the Samoeyeds of the Great Tundra, collected from the journal of F.G. Jackson, F.R.G.S., with some preatory remarks by Arthur Montefiore.* - "The Journal of the Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland", vol. XXI. London, 1895.

Французские ученые дважды проводили в Западной Сибири археологические раскопки. В 1861 г. Г. Менье исследовал в окрестностях г. Барнаула четыре кургана эпохи железа. Полученные скелеты описаны автором раскопок⁶⁸, а затем А. Катрфажем и Е. Ами⁶⁹. В 1896 г. Ж. де Бай раскопал несколько курганов у д. Бизинс близ г. Тобольска и в могильнике "Тоянов городок" близ г. Томска⁷⁰. Привезенные де Баем 19 черепов изучены С. Заборовским⁷¹, а позднее С. Климеком⁷².

Особый интерес к антропологии Западной Сибири проявляли венгерские и скандинавские ученые, увлеченные поисками финно-угорской прародины.

В 1888-1889 гг. исследования в северо-западной Сибири проводил венгерский этнограф и антрополог К. Паал. Им измерено и описано 130 когудов, 144 остяка, 51 зырян и 32 самосда⁷³.

В 1891 г. поездку в Западную Сибирь совершил шведский исследователь Ф. Мартин. Он собирал этнографические коллекции, проводил антропологические измерения, раскапывал для сбора черепов кладбища на р. Югане и в районе г. Сургута, исследовал могильники "Барсов городок" у Сургута и "Тоянов городок" близ Томска, курганы железного века у дд. Бачатской и Белово на р. Бачате, правом притоке р. Яни⁷⁴. Антропологические материалы Ф. Мар-

68. Meunier et Led'Eichthal. Note sur les tumuli des anciens habitants de la Sibirie. - "Revue d'anthropologie", t. 3-me. Paris, 1874.

69. Quatrefages A. et Hamy E.T. Op.cit., p.405-408.

70. de Baye, De T'scou à Krasnoïarsk. Extrait de la "Revue de Geographie". Paris, 1897.

71. Zaborowski. Les Kourganes de la Sibirie occidentale. - "Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris", 4-e sér., t. II, 1898.

72. Klimek S. Dalaze Studja nad kranilogja Asji. - "Kosmos", rocz. 55, zesz. I-II. Lwow, 1930.

73. Papaj K. Der Typus der Ugrier. - "Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn", Bd. III, Hf. 9-12. Budapest, 1893-1894.

74. Martin F.R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm, 1895, s. 7-8, 18, 23-31.

тина остались неопубликованными. Только в работе Т. Арне, посвященной описанию раскопок «Барсова городка», сообщаются данные о черепном указателе, полученной из этого могильника хранилогической серии⁷⁵.

В 1893 г. А. Гейкель проводил раскопки курганов скифо-сарматского времени близ гг. Ялutorовска и Кургана на р. Тоболе. Три черепа хорошей сохранности исследованы профессором К. Хелльстеном в Гельсингфорском университете⁷⁶.

В 1898 г. венгерский антрополог и этнограф Я. Янко измерил 125 остатков по рр. Демьянке, Иртышу, Салыму и Алгану, а также собрал, в основном на Югане, 30 остаточных черепов⁷⁷. Ранняя смерть помешала Я. Янко обработать привезенные из Сибири антропологические материалы⁷⁸.

Саматологическое исследование нарымских селькупов впервые осуществил финский этнограф и лингвист К. Доннер в 1912 г.⁷⁹. Доставленный Доннером материал (измерения 34 мужчин и 3 женщин) обработан К. Хильденом⁸⁰.

Летом 1914 г. К. Хильден изучил различные группы северных и южных алтайцев на рр. Бие, Лебеди, Чулышмане, Башкаусе и в окрестностях Тельцового озера⁸¹.

75. Arne T. J. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Gräberfeld aus der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1935, s. 90.

76. Heikel A. Antiquités de Sibérie occidentale. — "Mem. de la Soc. Finno-Ougr.", vol. II. Helsingfors, 1894, p. 102-104.

77. Lipták P. Megemlékezés Jankó Jánosról. — "Anthrop. közlemények", 12 köt., 1-2 füz., Budapest, 1968.

78. Указанное в книжке Г. Старцева «Остияки» Л., 1928 (Обзор литературы) сочинение: Janko. D-r. Anthropolog. Studien über die Ostjaken. L., 1900 — результат какого-то недоразумения. П. Липтак, занимавшийся публикацией антропологического наследия Яноша Янко сообщил мне, что такая работа ему не известна. s. 67-68.

79. Donner K. Bei den Samojedern in Sibirien. Stuttgart, 1926.

80. Hilden K. Notes on the physical Anthropology of the Ostjak-Samojeds based upon data collected by Kai Donner. — "Journal de la Soc. Finno-Ougr.", t. 50. Helsinki, 1938-1939.

81. Hilden K. Anthropologische Untersuchungen über die Eingeborenen des Russischen Altai. — "Fennia", t. 42. Helsingfors, 1920.

В те же годы английская исследовательница М.А. Чаплинская собрала антропометрический материал среди коренного населения низовьев Енисея, в том числе по немцам-вракам (21 чел). Единственной публикацией её материалов является работа В. Джуффрида-Руджери, где приведены средние величины длины тела, голодного и носового указателя⁸².

Подводя итог антропологическим исследованиям XIX - начала XX вв., мы видим, что коренные народности Западной Сибири были изучены неравномерно. По хантам (остякам), манси (вогулам) и немцам (самоедам) опубликованы соматологические данные более чем о тысяче индивидов и измерения около 200 черепов. Значительно слабее изучены кеты (енисейские остяки) и селькупы (остяко-самоеды). Из тюркоязычных групп соматологически обследованнее охвачены лишь северные алтайцы и чулымцы, а кражиологические материалы собраны в основном по томским татарам.

Исследования, проведенные Самыре, Папаем, Чугуновым и Руденко, позволили выделить на Нижней и Средней Оби два антропологических типа. Один из них, представленный у самоедов, характеризуется брахикефальной, средневысокой мозговой коробкой, почти исключительно темной пигментацией, широким и длинным лицом, мезолепторинным средневыступающим носом, частой монгольской складкой века. Отличительными чертами второго типа, установленного у вогулов, является дольхозецекефалия, низкая коробка, смесь светлых оттенков волос и глаз, не слишком широкое и высокое лицо, обычное отсутствие складки века и вместе с тем более широкий и несильно выступающий нос. Остяки по многим признакам занимают промежуточное положение между вогулами и самоедами. Близость их с вогулами исследователи объясняли взаимным родством, а сходство с самоедами - смешением.

82. V. Giuffrida-Ruggieri, Prime linee di un'antropologia sistematica dell'Asia. - "Archivio per l'antropologia e la etnologia", t. 47, fasc. 1-4. Firenze, 1917.

Проследивая генетические связи самоедского типа, авторы отмечали много общих черт с лопарями (Вирхов, Зограф, Сомище, Руденко), сойотами (Зограф, Горощенко, Руденко), ваховскими хантами и енисейскими остяками (Чугунов, Руденко). Сходству с сойотами (тувинцами) и кетами С.И. Руденко придавал особое значение, считая его доказательством южного происхождения самоедов. Значительная близость с типом вогулов и остяков установлена у северных алтайцев (Зограф, Хильден), чулымцев (Горощенко), а по краниологическим данным — также у томских татар (Заборовский, Чугунов).

К. Папая сохранил различные финно-угорские народности по ряду антропологических признаков, пытаясь таким образом реконструировать первоначальный угорский тип, исходный для современных вогулов и остяков. Он пришел к заключению, что древние угры стояли близко к белым финнам, были долихокефальны, светлопигментированы, имели узкий нос и европейскую форму глаз. В отличие от Папая С.И. Чугунов не отождествлял первоначальный угорский тип с европеоидной расой, показав его отчетливые монголоидные особенности в строении носовой области.

Долихокефалия угорского типа оставалась загадкой. Делались попытки установить ее происхождение с помощью палеоантропологических данных. Д. Европеус высказал мысль о родстве вогулов и остяков с длинноголовым дорусским населением прорейской России, известным по материалам курганов Московской, Ярославской и др. губерний. Отмечая далее сходство в головном указателе с африканскими неграми, Европеус предположил, что обские угры являются остатком древнейшего долихокефального типа, связанного по происхождению с южной Африкой⁸³.

---

83. Europeus. Schlüssliche Bestimmung über den afrikanischen dolichocephalen Schädeltypus der Ostjaken und Wogulen, der reinsten Nachkommen der über Nord-Europa einst weit verbreiteten Ugrier. — "Zeitschrift für Ethnologie", Bd VIII. Berlin, 1876.

Проводимые Европе, сом далекие аналогии встретили возражения, но представление о родстве угров и древних племен, живших западнее Урала, утвердилось в работах других авторов. И. П. Силничи на основании изучения вогульских черепов сделал заключение, что они отличаются от средневековых черепов центральной России низкой мозговой коробкой и широким лицом, но имеют сходство с черепами более раннего Фатьяновского могильника эпохи бронзы⁸⁴. Сравнение обских угров с современными поволжскими финнами привело С. И. Руденко к выводу о существенных различиях между ними. Другие авторы (Малиев, Палай) отмечали определенное сходство вогулов с черемисами (мари).

Установив низкую последовательность сложности антропологического состава коренного населения Западной Сибири не сводилась только к двум названным выше типам — саяно-сибирскому и угорскому. Среди северных алтайцев, томских татар и кетов отмечены различные «тюрко-монгольские типы». Особый интерес представляет американоидный тип, напоминающий индейцев Северной Америки, зафиксированный у кетов В. И. Анучиным и Н. А. Синельниковым.

Исследования в области палеоантропологии к началу XX в. находились в зачаточном состоянии. Опубликованный материал был немногочисленным (около 40 черепов железного века) и не мог послужить для сколько-нибудь серьезных обобщений. Большинство авторов отмечали монголоидную принадлежность черепов из древних курганов Западной Сибири. Только на черепах раннего комплекса Усть-Тартасского могильника С. М. Чугунов установил отчетливые признаки европеоидной расы.

84. Точка зрения о сходстве угорского и фатьяновского типов поддержана В. В. Бунаком (Бунак В. В. Антропологический тип черемис. — Рус. антропологич. журнал, т. 13, вып. 3-4, 1924). Впоследствии Г. Ф. Дебец установил ошибочность их сближения, показав, что черепа вогулов и типично европеоидные черепа фатьяновской культуры принадлежат совершенно различным антропологическим типам (Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — ТИЭ, т. 19, М.-Л., 1948, с. 88).

СОКРАЩЕНИЯ

- БЭИИИ - Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
ГАТО - Государственный архив Томской области
КСИА - Краткие сообщения Института этнографии
КСИЭМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МЭЭ - Музей антропологии и этнографии
ЦАЭС - Музей археологии и этнографии Сибири
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ОИЕАЭ - Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
РГО - Русское географическое общество
СЭ - Советская этнография
ТГИИ - Труды Государственного исторического музея
ТГУ - Томский государственный университет
ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Е.А. В о в я л ь е в. Миграционные процессы в тундрной части Обского бассейна в эпоху бронзы	3
Н.М. Ф р и о л о в а. К научным хозяйствам кулайской культуры	11
И.И. К о в а л ь о в. Абсолютные даты по C^{14} Института геохимии и физики минералов АН УССР	14
Е.Е. К у з ь м и н а. Особенности развития скотоводческого хозяйства в географических условиях Земледной Сибири	19
А.И. Б о б р о в а. О типах и формах погребений Томского курганного могильника	22
А.С. Ш е м я к и н а. Подвески с изображением бобрив из Прииртышья	28
Б.П. Б е л ь к о в а. Сведения И.Т. Гмелина о шероках Сибири	34
П.Е. Л а р д а н о в. Использование бересты русским населением Томской области	61
Э.Д. Л ь в о в а. Об одном из компонентов в составе чулымских торфов	80
Н.В. Л у к и н а. Культурные места хантов г. Норильска	92
И.С. У с м ь н о в а. Деревя в традиционных представлениях хантов	100
В.М. К у л е м а в а. О чувстве страха у хантов-скотников	107
А.М. С е г ь л а в е в. Памятники искусства северного буддизма в коллекциях Томского университета	113
Е.Е. С и т ь к о в а. К вопросу о норма м толкования в оценке личности шамана	117
Б.А. Д р е м о в. Истории антропологических исследований в Земледной Сибири. XII. — начало XX вв.	128
Сокращения	151

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ

Редактор М.М. Сваровская

КЗ 05095   Подписано к печати 2./v-80г
Формат 60 x 84 1/16, бумага типографская № 3
П.л. 9,5; уч.-изд.л. 8; усл. п.л. 8,8
Заказ 572   Тираж 400. Цена I р. 20 коп.   ИБ 558

Издательство ТГУ. 634029. Томск, ул.Никитина, 17
Ротапринт ТГУ, Томск, 29, ул.Никитина, 17